

МИХАИЛ ТВЕРСКОЙ

Николай
Борисов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Знаменитые
Тверские

МИХАИЛ ТВЕРСКОЙ

Annotation

Тверской князь Михаил Ярославич (1271—1318) жил в страшные времена ордынского владычества. Первым из русских князей он нанёс поражение монголам в Бортеневской битве 1317 года, за что и поплатился жизнью, приняв мученическую смерть в Орде. А спустя несколько веков был причислен к лику святых и ныне почитается православными людьми как небесный заступник града Твери и всей Русской земли. Автор книги, доктор исторических наук, профессор Николай Сергеевич Борисов, рассказывает о жизни и деятельности тверского князя с максимальной подробностью и объективностью, привлекая все имеющиеся к настоящему времени исторические источники и восстанавливая сложную и многообразную картину борьбы Москвы и Твери за главенство над Северо-Восточной Русью в конце XIII — первых десятилетиях XIV века.

- [Михаил Тверской](#)
 -
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [Глава 1](#)
 -
 - [Тверские ландшафты](#)
 - [Куль хлеба](#)
 - [Матрица поколений](#)
 - [«Откуда есть пошла...»](#)
 - [Русский Алкивиад](#)
 - [Потерянный шлем](#)
 - [У могилы деда](#)
 - [Монгольская империя](#)
 - [Идеология молчания](#)
 - [Записки францисканца](#)
 - [Между молотом и наковальней](#)
 - [Секретная дипломатия Ярослава Всеволодовича](#)
 - [Жупел латинства](#)
 - [Наследники Ярослава](#)
 - [Глава 2](#)
 -
 - [Звездословие](#)

- [Часы и череп](#)
- [Дым хронологии](#)
- [Чёрное солнце беды](#)
- [Печальный караван](#)
- [Отрада историка](#)
- [«Что в имени тебе моём...»](#)
- [Пророк из Патары](#)
- [В сетях текстов](#)
- [Иван и Михаил](#)
- [Глава 3](#)
 -
 - [Всё на продажу](#)
 - [Знать или не знать?](#)
 - [Правила Батыя](#)
 - [Василий Костромской](#)
 - [Мотивы, которые мы сочиняем...](#)
 - [Партия без партнёра](#)
 - [Новгородский выбор](#)
 - [Горькая чаша](#)
 - [Чёрное солнце](#)
 - [Святослав Тверской: тяжёлое наследие](#)
 - [Святослав Тверской: дороги мира](#)
 - [Постриги](#)
- [Глава 4](#)
 -
 - [Сияние трона](#)
 - [Сыновья Александра Великого](#)
 - [Первая рать](#)
 - [«Земля крови...»](#)
 - [Опустошение](#)
 - [Галицкий брак](#)
 - [Взгляд на запад](#)
 - [Невеста Христова](#)
 - [Вторая рать](#)
- [Глава 5](#)
 -
 - [Владыка Симеон Тверской](#)
 - [«Общее житие»](#)
 - [Литовские предположения](#)

- [Под крылом Михаила Архангела](#)
- [Архитектура руин](#)
- [Изображение и воображение](#)
- [Переяславский образец](#)
- [Взгляд из тьмы](#)
- [Глава 6](#)
 -
 - [Выбор пера](#)
 - [Тупик аннигиляции](#)
 - [Страница](#)
 - [Плоды воспитания](#)
 - [Мерцающие даты](#)
- [Глава 7](#)
 -
 - [Рваная сеть](#)
 - [Нашествие](#)
 - [Город без людей](#)
 - [Беспричинный Токтомерь](#)
 - [Грабёж](#)
 - [Вопросы без ответов](#)
 - [Спасение Твери](#)
 - [Осмысление бессмыслицы...](#)
- [Глава 8](#)
 -
 - [Муравейник](#)
 - [Брат мой — враг мой](#)
 - [Возвращение изгнанника](#)
 - [Последний волок](#)
 - [Власть и собственность](#)
- [Глава 9](#)
 -
 - [Свадьба](#)
 - [Пожар](#)
 - [Огненные даты](#)
 - [Vis pacem, para bellum](#)
 - [Погорельцы](#)
 - [Дела семейные](#)
- [Глава 10](#)
 -

- [Соперники](#)
- [Владимирский съезд](#)
- [Встреча близ Юрьева](#)
- [Дмитровский съезд](#)
- [Глава 11](#)
 -
 - [Побег](#)
 - [На горах киевских](#)
 - [Ножницы географии](#)
 - [Под омофором Богородицы](#)
- [Глава 12](#)
 -
 - [Имя и судьба](#)
 - [Московская экспансия](#)
 - [Новгородские замки](#)
 - [Между Владимиром и Новгородом](#)
 - [Мечом и добром](#)
- [Глава 13](#)
 -
 - [Расчёт или просчёт?](#)
 - [Осенний след](#)
 - [Колея власти и власть колеи](#)
 - [Братья Даниловичи](#)
 - [Тетива](#)
 - [Тяжба](#)
 - [Первая московско-тверская война](#)
 - [Вторая московско-тверская война](#)
- [Глава 14](#)
 -
 - [«Святые видят святых...»](#)
 - [Берег митрополита Петра](#)
 - [Рождение мифа](#)
 - [Дорожный посох](#)
 - [Переяславский собор](#)
 - [Альтернативы](#)
 - [Герои последних времён](#)
 - [Наказание или покаяние?](#)
- [Глава 15](#)
 -

- [Дороги судьбы](#)
 - [Хлеб, мятеж и серебро...](#)
 - [Ростовский парадокс](#)
 - [Тверская правда](#)
 - [Пепел Торжка](#)
 - [Непобедимый Новгород](#)
 - [Брак по расчёту](#)
 - [Противостояние](#)
 - [Осенняя война](#)
 - [Post festum](#)
 - [Яд или не яд?](#)
 - [Ненависть](#)
 - [Глава 16](#)
 -
 - [Истязание](#)
 - [Выбор](#)
 - [Миф и человек](#)
 - [Трилистник размышлений](#)
 - [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ](#)
 - [СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Михаил Тверской

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1793

(1593)

Николай Борисов

МИХАИЛ ТВЕРСКОЙ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я старался избежать
нагромождения бессвязных историй,
а изложить то, что необходимо
для понимания образа мыслей и
характера человека.

Плутарх

Кто такой Михаил Тверской и почему он причислен к полку «замечательных людей»? Уверен, что далеко не каждый «просвещённый читатель» — не говоря уже о тех, чьи познания в отечественной истории не идут далее школьного коридора, — сможет ответить на этот вопрос.

А между тем этот человек своим именем символизирует целый период русской истории — период *татаро-монгольского ига*.

В нашей исторической памяти понятие «иго» обычно выступает как часть патриотической формулы «борьба за освобождение Руси от татаро-монгольского ига». Произнося эту формулу как своего рода магическое заклятие от неизвестности, мы тотчас получаем из памяти классический «видеоряд»: огненная панорама штурма Владимира войсками Батыя, коленопреклонённый Дмитрий Донской перед Сергием Радонежским, картина Бубнова «Утро на Куликовом поле» и фатальный поединок Пересвета с Челубеем. Далее за этими образами наша историческая память погружается в густой туман, из которого только век спустя выплывает новая картина: белый трон Ивана III и владелец этого трона, разрывающий ханскую грамоту на глазах у возмущённых татарских послов...

Таков наш национальный исторический миф, точнее — его фрагмент, покрывающий 240 лет отечественного прошлого.

Итак, с «борьбой за свержение ига» всё ясно. Дмитрий Донской и Иван III достойно представили этот вопрос любознательным потомкам. Но вот само *иго* в его повседневном содержании, в его тоскливом ужасе и подвиге выживания так и остаётся «белым пятном» отечественной истории...

Заметим сразу, что принятые в нашей исторической традиции термины — *татары*, *монголы*, *татаро-монголы*, *монголо-татары* — не имеют

однозначного этнического содержания и обозначают вообще жителей степей, кочевников. Мы также не считаем нужным отказываться от понятия «*татаро-монгольское иго*», которое при всей его условности и литературной метафоричности всё же достаточно адекватно отражает специфический характер отношений Руси и Золотой Орды. Что же касается разного рода политических спекуляций и псевдонаучных фантазий на исторические темы, то они могут иметь место при любой терминологии, и бороться с ними можно только путём установления исторической истины.

Человек, биографию которого читатель найдёт в книге, и есть воплощение этого *татаро-монгольского ига*, точнее — его страдательной, русской стороны. Жизнь князя Михаила Ярославича Тверского (1271—1318) — не путать с его внуком Михаилом Александровичем Тверским (1332—1399) — своего рода матрица, отпечатки которой в точности повторялись в десятках княжеских биографий той эпохи, а в значительной мере — и во многих тысячах биографий безымянных жертв этого страшного и загадочного *татаро-монгольского ига*.

Одно существенное дополнение. Герой нашего повествования — не просто человек, чьё имя приведено в исторической энциклопедии. Он — святой. Иконы с его изображением можно увидеть во многих православных храмах. Ему молятся, в его честь нарекают детей.

Большинство русских святых — монахи. Они совершали свой жизненный подвиг от пострига и до кончины. Впрочем, и самый их монашеский постриг обычно являлся результатом осознанного призвания, благочестивой жизни и неуклонного следования евангельским заповедям. Иное дело — святые князья. Их жизнь в миру требовала подчинения суровым законам власти. Они были «от мира сего». И только одна сторона их деятельности или даже одно событие их биографии становилось основанием для их церковного прославления. Причисляя того или иного князя к лику святых, церковь отнюдь не хотела прославить какое-либо политическое направление. Канонизация — как народная, стихийная, так и официальная, осмысленная — происходила по своим сокровенным законам.

«Отказываясь видеть в канонизации князей освящение определённой политики, нельзя, однако, сводить её всецело к личной праведности. Церковь чтит в них если не государей, то национальных деятелей, народных вождей. Их общественный (а не только личный) подвиг является социальным выражением заповеди любви. Их политика может быть ошибочной, их деятельность в национальном смысле — отрицательной, но Церковь прославляет и неудачников (Всеволод-Гавриил, Михаил Тверской),

оценивая не результаты, а намерения, жертвенную ревность служения. Венцом общественного служения является жертвенная смерть. Герой-воитель всегда готов стать страстотерпцем, высшим выразителем княжеской святости» (136, 104)^[1].

Святость Михаила Тверского обусловлена его жертвенным подвигом и трагической гибелью в Орде. За это он вскоре после гибели стал почитаться в Твери как святой, а в середине XVI века был причислен к лику святых, почитаемых всей Русской церковью.

Но кроме Михаила Тверского — *страстотерпца*, то есть невинной жертвы людской зависти и злобы, — есть и другой Михаил Тверской — тот, который около тридцати лет стоял у кормила Тверского княжества-государства. В книге, которую читатель держит в руках, собраны практически все доступные историкам сведения о жизни и деятельности Михаила как правителя.

В нашей исторической литературе существует тенденция представлять Михаила Тверского в качестве своего рода предтечи Дмитрия Донского и искать в его деятельности «борьбу за освобождение от татаро-монгольского ига». Основанием для этого служит главным образом Бортеневская битва 1317 года, в которой тверским войском был обращён в бегство сопровождавший князя Юрия Московского отряд татар. Эпизод, разумеется, заслуживает похвалы. Но такие в общем-то случайные стычки с татарами случались и у других князей — современников Михаила Тверского. «Нельзя говорить об особой склонности тверских князей к сопротивлению татарам... Уже то, что тверские князья всегда лично представали перед ханом, говорит об отсутствии у них серьёзных раздумий о сопротивлении татарам; более того, вновь и вновь стремились они приобрести ханскую милость», — констатирует современный историк (72, 130).

Действительно, как правитель Михаил Тверской проводил вполне традиционную политику, следуя примеру своих отцов и дедов. Он добивался верховной власти в Северо-Восточной Руси, ссорился и мирился с Новгородом, ездил с поклоном в Орду, одной рукой строил храмы, а другой — устраивал жестокие расправы над непокорными подданными, приносил клятвы — и тут же их нарушал...

Гораздо более продуктивным, нежели отыскание мятежных замыслов тверских князей, является поиск на другом, духовном поле. Здесь необходимо внимательное прочтение источников тверского происхождения (летописей, актов, житий), и прежде всего — перла тверской общественной мысли — Повести о Михаиле Тверском. «Она написана в Твери примерно в

1319—1320 гг. игуменом местного Отроча монастыря Александром, бывшим в течение нескольких лет духовным отцом тверского и одновременно владимирского великого князя Михаила Ярославича» (84, 116).

Эта Повесть — литературный мемориал князя-страстотерпца. Одновременно она служит своего рода зеркалом, отразившим мысли и настроения тверского княжеского двора в период правления князя Михаила Ярославича (около 1283—1318). Здесь и яркое изображение нравов тогдашнего правящего класса, и ясное понимание механизмов ордынского владычества на Руси, и живое сочувствие гибнущему «за други своя» князю Михаилу.

Бортеневская битва, в ходе которой Михаил, подняв меч на москвичей, ненароком опустил его на татар, вся соткана из исторических случайностей. Но жертвой ига князь Михаил Тверской, безусловно, был. Причём не случайной жертвой, по неосторожности попавшей под колесо истории, а человеком, сознательно принёсшим себя в жертву Молоху ига.

Жизнь Михаила Тверского и его трагический конец неизбежно выводят историка на один из самых сложных вопросов истории русского Средневековья. Что такое «татаро-монгольское иго»? На этот вопрос сегодня не ответит и целый научный институт. Зримый образ этого утонувшего в веках «ига» близок невообразимому существу из «Путешествия» Радищева: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй».

Судьба Михаила Тверского ярко высвечивает одну ипостась «ига» — всеобщий страх перед Ордой как вездесущей и беспощадной силой. Преодолеть этот страх — а значит сделать первый шаг на пути к свободе — можно было только героическим усилием религиозного сознания. Именно это и совершил герой нашей книги.

Принимаясь за любую тему, историк прежде всего очерчивает магический круг источников, выходить за который ему не позволяют законы ремесла. И чем уже этот круг, тем сложнее работать историку и тем меньше света прольётся на прошлое со страниц его труда.

Представляя биографию Михаила Тверского, мы должны предупредить читателя о крайней скудности источников, имеющих в нашем распоряжении. Соответственно, автор не может, оставаясь внутри означенного круга, развлечь читателя описанием батальных сцен или придворных праздников, увлекательных приключений или тайных переговоров. Всё это, конечно, было. Но всё унесено рекой забвения.

Тверское летописание, некогда обильное и яркое, дошло до нас в виде жалких отрывков. Московские летописцы XIV—XV столетий, а позднее и книжники времён Ивана Грозного беспощадно вычёркивали или переписывали в московском духе рассказы тверских летописей.

Подобно тому как раннюю историю славян мы знаем главным образом из рассказов их соседей — греков, римлян, византийцев, так и раннюю историю Твери можно пополнить известиями московских, новгородских и псковских летописей. Но и это — не более чем крохи со стола минувшего.

Истории Руси второй половины XIII — начала XIV века посвящены множество статей и целый ряд обобщающих трудов. Это работы отечественных историков С. М. Соловьёва, А. В. Экземплярского, А. Е. Преснякова, А. Н. Насонова, В. А. Кучкина, Л. В. Черепнина, В. Л. Янина, А. А. Горского и др. Интересовались «тёмным периодом» русской истории и зарубежные авторы — Дж. Феннел, Э. Клюг, Ч. Гальперин.

Понятно, что при таком положении вещей — скудности источников и множестве историков — каждое летописное известие многократно изучено и истолковано. Каждый исследователь по-своему складывает и перемешивает этот своего рода «интеллектуальный пасьянс».

Наша книга — не историографический обзор. Читатель, желающий ближе познакомиться с дискуссиями специалистов, может это сделать самостоятельно, при помощи научно-справочного аппарата в сносках по тексту и списку литературы в конце книги.

В работе над книгой о Михаиле Тверском автор пользовался и теми материалами, которые были собраны им для книги «Иван Калита», изданной в серии «ЖЗЛ» в 1996 году. Однако там Михаил Тверской занимал место на периферии исторического повествования. На страницах этой книги два героя поменялись местами.

За время, прошедшее после издания «Ивана Калиты», появилось немало новых исследований по русской истории XIII—XIV веков. В данной книге мы старались учесть всё ценное в этих трудах. Кроме того, и наши собственные взгляды на некоторые вопросы претерпели изменения. Однако в целом всё осталось на своих местах. При работе над книгой «Иван Калита» мы исходили из принципа историзма и старались избегать анахронизмов и тенденциозного «московского патриотизма». На рассвете XIV столетия ещё никто не мог сказать, чем закончится исторический спор Москвы и Твери. Всё было шатко и зыбко. Московские Даниловичи при первой же оплошности могли поменяться местами с тверскими Михайловичами на кровавой плахе ордынского палача.

Известно, что «историю пишут победители». Москва монополизировала право моральной оценки прошлого. И, пожалуй, один только Михаил Тверской своим героическим самопожертвованием заслужил право голоса. Державная Москва великодушно отвела ему место в своём пантеоне. Он — *посол побеждённых*. И он приоткрывает нам не московскую, а иную, альтернативную историю. За его спиной встают хмурые шеренги побеждённых, но не сдавшихся бойцов.

Не повторяясь буквально, исторические ситуации иногда оказываются весьма сходными в общих чертах. Михаил Тверской жил в эпоху, когда Русь сотрясали княжеские войны. Своим братоубийственным характером они напоминают Гражданскую войну в России в начале XX века. В них, так же как и там, идёт не только борьба личностей, но и борьба «старого» и «нового» порядков. На смену архаическому государству как общему владению рода Рюриковичей идёт построенное на вотчинном принципе самодержавие. Московские князья — эти якобинцы удельных веков — решительно отвергали старые понятия о родовом порядке и семейной справедливости и выстраивали новую политическую конструкцию. Эту жёсткую, но эффективную конструкцию — потомки назовут её *московским самодержавием* — они утверждали «революционными методами» — произволом и насилием. Все те, кто выступал против московского «нового порядка», — образуют своего рода «белое движение» той эпохи.

В Гражданской войне победили «якобинцы» — большевики. Но значит ли это, что они были правы, что правда была на их стороне? Конечно нет. Они победили в силу многих причин, из которых едва ли не главная — вечное преимущество нового перед старым, будущего перед прошедшим. Что же касается «правды», то она была у каждой стороны своя, субъективная.

Тверь стояла во главе сопротивления московскому «якобинству». Это была своего рода «русская Вандея» XIV столетия. И, как Вандея, она была обречена. И, как Вандея, она стала легендой.

Глава 1

ТВЕРСКОЕ ГНЕЗДО

Прославленные мужи нашей
гражданской общины говаривали,
что они, глядя на изображения
своих предков, загораются
сильнейшим стремлением к доблести.

Саллюстий

Возникшее в середине XIII столетия и исчезнувшее с политической карты Руси в 1485 году самостоятельное Тверское княжество было не богато какими-либо «дарами природы». Когда-то Геродот сказал о Скифии, что «кроме множества огромных рек, нет в этой стране больше ничего достопримечательного» (54, 262). То же самое он мог бы сказать и о Тверском княжестве. Впрочем, эта невзрачная земля изобиловала лесами. Но это обстоятельство едва ли вызвало бы восхищение Геродота...

Тверские ландшафты

Тверское княжество было небольшим. Подсчитано, что в XIV столетии его общая площадь составляла примерно 21,1 тысячи квадратных километров (85, 165). Это в четыре раза меньше площади современной Тверской области. Княжество уступало по размерам даже Тверской губернии в границах конца XIX столетия. Однако разница была не столь уж велика, и в первом приближении это сравнение вполне возможно. Начать его лучше методом ретроспективы.

В Тверской губернии в XIX веке насчитывалось 12 уездов: Тверской, Корчевский, Калязинский, Кашинский, Бежецкий, Весьегонский, Вышневолоцкий, Осташковский, Ржевский, Зубцовский, Старицкий и Новоторжский. Каждый из них имел своим центром соответствующий уездный город. Часть этих городов возникла в результате губернской реформы Екатерины II — Осташков, Вышний Волочёк, Весьегонск. Территории этих уездов не входили в состав древнего Тверского княжества. Из остальных городов во второй половине XIII — начале XIV столетия существовали только Тверь, Торжок, Кашин, Бежецк (Бежецкий Верх), Зубцов и Ржев. При этом Ржев был владением смоленских князей, а Бежецкий Верх и Торжок принадлежали Великому Новгороду.

Таким образом, первый тверской князь имел в своём распоряжении только три города — Тверь, Кашин и Зубцов. Все они были молодыми по возрасту и небольшими по числу жителей (16, 21; 113, 117).

Своего рода стержнем, на котором вращалась вся хозяйственная и торговая жизнь края, была Волга. Её правые и левые притоки широко раскинулись по лесным дебрям, образуя торговые и военные пути. Тверская земля не отличалась природными богатствами за исключением разве что белого камня известняка, который добывали возле города Старицы. И лишь транзитная торговля по водным путям была здесь обеспечена самой природой. Левый приток Волги река Тверца своими верховьями уходила далеко на север, где через волок в районе современного Вышнего Волочка соединялась с рекой Метой, впадающей в озеро Ильмень. Это был древний путь из Новгорода в «Низовскую землю» — Северо-Восточную Русь. Дорогу по Тверце сторожил южный форпост Новгорода — город Торжок.

Правый приток Волги река Шоша через свой приток Ламу выводила к

Волоку Дамскому. Это был своего рода новгородский анклав среди княжеской Северо-Восточной Руси. Он сторожил транзитное движение из Верхней Волги к истокам Днепра и в район Москвы. Оттуда, преодолев волоком водораздел, через Рузу или Истру (левые притоки Москвы-реки) можно было выйти к Москве.

Из Зубцова — тверского форпоста в стратегически важном районе Ржева — можно было, поднявшись вверх по реке Вазузе (правому притоку Волги), достичь волока, соединявшего Вазузу с истоками Днепра и верховьями Москвы-реки.

Узлами речной сети служили озёра. Подсчитано, что на территории Тверской губернии насчитывалось 670 рек и 507 озёр. Однако большинство озёр (366) находилось в Осташковском и Вышневолоцком уездах, то есть за пределами древнего Тверского княжества, в Новгородской земле.

В любом природном ландшафте есть свои хозяйственные достоинства. Уходящие в тёмные чащи реки служили для сплава леса. В речных поймах богатая растительность давала хорошие сенокосы.

В целом же экономический потенциал Тверского княжества был невелик. Скупость природы приходилось преодолевать тяжким трудом пахарей и предприимчивостью правителей...

Куль хлеба

«Хлеб на стол — и стол престол, а хлеба ни куска — и стол доска», — гласит старинная русская поговорка (92, 7).

Природно-климатические условия Тверской земли не способствовали успехам хлебопашества. Лучшими по плодородию считались земли в окрестностях Кашина, Бежецка и Ржева (131, 165). Но в целом Тверская губерния — особенно её заволжская часть — была гораздо тяжелее для земледелия, чем даже соседняя с ней Московская. Один иностранец, путешествовавший из Москвы в Петербург в 1839 году, так описывает тверской пейзаж. «После Твери местность становится очень суровой и необитаемой. Дикие и непроходимые еловые, сосновые и дубовые леса, густо заросшие кустарником, образуют настоящую чащобу, в которой, как у себя дома, обитают волки, медведи и лоси» (140, 102).

Рассуждая о причинах возвышения Москвы, один из современных историков указывает на экономическую слабость её главного соперника — Твери: «Тверское княжество представляло собой княжество, расположенное на неплодородных суглинках, которые очень часто не в состоянии были прокормить его население. В сущности, единственный в Тверском княжестве район, который отличается от соседних действительным плодородием, — это отдельное Кашинское княжество» (131, 398).

В связи с этим возникала проблема «продовольственной независимости» Тверского княжества. Главный товар тогдашнего продовольственного рынка — хлеб. Своего хлеба у Твери часто не доставало. Купить его у северных соседей (новгородцев) или на западе (в Смоленском и Полоцком княжествах) было затруднительно, поскольку там природные условия для хлебопашества были ещё хуже, чем в Твери. Оставались московский юг и владими́ро-суздальский восток.

В голодные (а может быть, и в обычные) годы тверичи вынуждены были покупать хлеб в более плодородных районах — владимирском и рязанском *ополье*. Здесь экономическая проблема перерастала в политическую. Большие партии хлеба можно было доставлять только водными путями. Но водные пути в Тверь из Рязани (по Оке и Москве-реке и далее — по Рузе, Ламе и Шоше в Волгу) или из Владимира (по Клязьме, Яузе, Москве-реке и далее по Истре, Сестре, Дубне в Волгу) проходили по

территории Московского княжества. Окольные водные пути (по Оке и вверх по Волге) в силу их протяжённости и сложности движения против течения Волги были экономически убыточными. Кроме того, движение торговых караванов по Волге отслеживали приволжские города, а временами и речные пираты — *ушкунники*.

Таким образом, Москва могла оказывать давление на Тверь тем же способом, каким Тверь оказывала давление на Новгород: «продовольственной блокадой». Закрыв пути для подвоза хлеба, московские князья принуждали тверичей идти на политические уступки. В источниках нет прямых указаний на такого рода ситуации. Однако ничто не мешало москвичам пользоваться этим оружием в борьбе с Тверью. И было бы странно, если бы они им не воспользовались.

Матрица поколений

Характер тверских князей определялся не только своеобразием земли, которой им довелось управлять, но и теми родовыми чертами, которые живут в каждом человеке в виде некоей таинственной матрицы поколений.

Античная биография обычно начиналась с рассказа о том, кем были далёкие и близкие предки героя. «Перикл был из филы Акаментиды, из дема Холарга — как с отцовской, так и с материнской стороны из дома и рода, занимавших первое место...» (95, 285). «Род Октавиев некогда был в Велитрах одним из виднейших...» (134, 38). В таком предисловии есть глубокий смысл...

Герой нашей книги жил в эпоху, когда связь человека с землёй, на которой он вырос, и с предками, которым он обязан жизнью, характером и положением в обществе, ощущалась гораздо сильнее, чем в наше время.

Чем выше был социальный статус человека, тем сильнее была его зависимость от прошлого. Князья и бояре измеряли свои достижения достижениями предков. Сегодня нам уже трудно понять эту органическую связь человека с окружающим миром и миром предков. Свою землю — вотчину — они ощущали почти как часть своего тела, а население своей вотчины — как стадо, пасти и защищать которое им поручил Всевышний. Они испытывали чувство ответственности перед предками и потомками за свои дела. И потому любое сообщение о действиях князя в летописях часто предваряется сообщением о том, чей он был сын, внук и правнук.

Не будем отсекаться от «заветов мудрой старины» и начнём жизнеописание Михаила Тверского с экскурса в генеалогию нашего героя и в историю земли, которой ему довелось управлять...

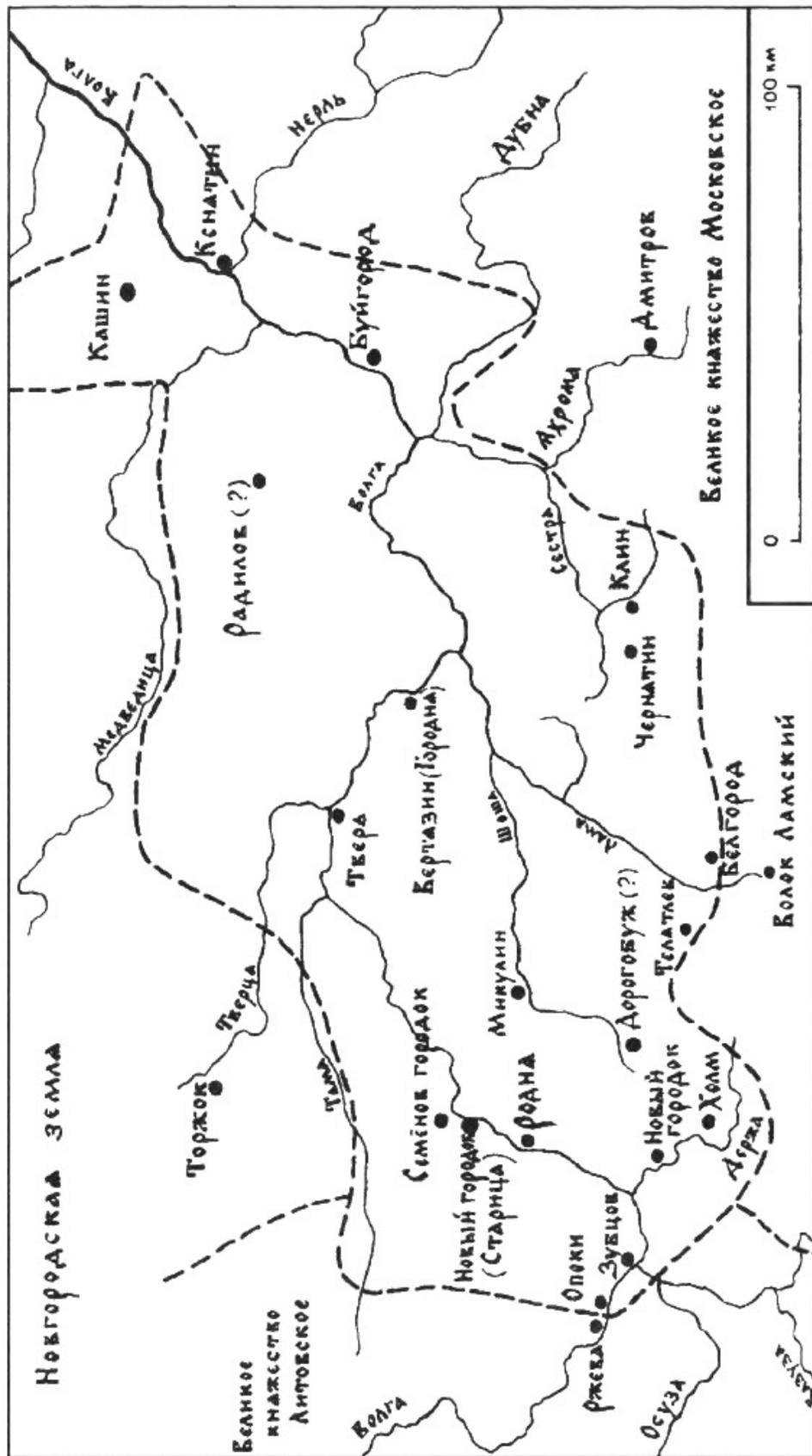
«Откуда есть пошла...»

Начало Твери окружено таким же густым туманом, как и начало Руси. Но человек по природе своей не терпит неопределённости. Вот как представлял зарождение города один из дореволюционных историков:

«Губернский город Тверь расположен по обоим берегам реки Волги при впадении в последнюю с правой стороны реки Тьмаки, а с левой — Тверцы, разделяющей заволжскую сторону города на две части. В древности она называлась *Тферью*, *Тьферью* и, как теперь, *Тверью*. Начало её относят к 1181 году. Великий князь владимирский Всеволод Юрьевич (Большое Гнездо), для охранения своих владений от набегов новгородской и новоторжской вольницы, поставил при устье Тверцы городок, то есть крепостцу. Отсюда неудачно производят и самое название города *твердь* — Тверь. Но низменный левый берег Волги представлялся неудобным для заселения, так как часто, особенно в половодье, подвергался наводнениям, а потому многие стали перебираться на правый, нагорный берег. Впоследствии и самая крепостца перенесена была великим князем Ярославом Всеволодовичем также на правый берег, так что образование Твери как города в строгом смысле этого слова относят ко времени около 1240 года» (147, 444).

Иначе смотрит на дело современный исследователь вопроса. Комментируя летописный рассказ о войне между Юрием Долгоруким и киевским князем Изяславом Мстиславичем в 1149 году, он полагает, что помимо основанного Юрием городка Кснятина (у впадения в Волгу правого притока — реки Нерль Волжская) «здесь были три города, расположенные близ или при впадении в Волгу трёх её крупнейших притоков: Тверцы, Шоши и Дубны. Это города Тверь, Шоша и Дубна. Тверь впервые упоминается в начале 60-х годов XII века, Шоша и Дубна — почти на полвека позднее. Несомненно, однако, что эти города существовали раньше первого упоминания о них в письменных источниках. Стратегическое положение Твери, Шоши и Дубны, запиравших движение по Волге и её притокам вглубь Ростовской земли, указывает на их довольно раннее возникновение как военных крепостей. Думается, что Тверь, Шоша и Дубна входили в число тех шести волжских городков, которые были взяты Изяславом и Ростиславом, точнее, последним при его движении по Волге к устью Медведицы. Во всяком случае, бесспорно то, что к концу 40-

х годов XII века Юрий поставил ряд городов по Волге и за Волгой, чтобы укрепить порубежные места своего княжества. Вместе с тем это показатель формирования границы между Ростовской и Новгородской землями. Таким образом, вопреки существующему в литературе мнению, относящему формирование границы на верхней Волге между Ростовом и Новгородом к последней четверти XII — началу XIII века, граница эта устанавливается в 30—40-е годы XII века» (85, 82).

Тверское княжество в XIV—XV веках

Мнение о новгородском происхождении Твери согласуется с предположением о её раннем возникновении и в целом представляется вполне убедительным. Однако отсюда следует, что уже с первых своих шагов как города Тверь переступает черту феодальной верности. Возникшая как новгородская фактория, она изменяет Новгороду и переходит на службу к владимирским князьям. И новгородцы не простили ей этой измены. Глухая неприязнь новгородцев к тверским соседям — реальность удельных веков. Со своей стороны, Тверь всегда относилась к Новгороду с той особой ненавистью, с которой изменник относится к преданному им господину. Жестокость тверских князей по отношению к Новгороду не знала пределов. Погромы тверскими князьями Торжка — южного форпоста Новгорода — стали едва ли не самыми мрачными страницами русской истории XIV столетия...

Первое внятное упоминание Твери сохранила знаменитая Лаврентьевская летопись, написанная монахом Лаврентием в Нижнем Новгороде в 1377 году. В ней под 6717 (1209) годом сообщается о походе на Торжок большого войска, посланного владимирским великим князем Всеволодом Большое Гнездо (1177—1212). Командовал походом его старший сын Константин, под началом которого шли и младшие сыновья владимирского «самовластна». Узнав о приближении большого войска, главный возмутитель спокойствия — призванный новгородцами знаменитый воитель князь Мстислав Мстиславич Удатный — не стал испытывать судьбу и уехал в свой удельный Торопец. Таким образом, вопрос был исчерпан. Константин, уже приближавшийся к Торжку, повернул свои полки обратно и «с своею братьею възвратишася со Тьфери» (10, 435). Маршрут владимирского войска вполне понятен: кратчайший путь с Волги на Торжок пролегал вдоль реки Тверцы, на устье которой и стояла Тверь.

Оказавшись на самом острие владими́ро-новгородских споров, Тверь вскоре опять зазвучала в летописных известиях. В 1215 году новгородцы пригласили на княжение одного из сыновей Всеволода Большое Гнездо — Ярослава. Этот правитель — дед главного героя нашей книги Михаила Ярославича Тверского — отличался богатым набором как положительных, так и отрицательных качеств. Один из современных историков очертил его характер двумя эпитетами: «умный и беспокойный Ярослав» (88, 109). Летописцы обходились одним эпитетом и называли его — наряду со Всеволодом Большое Гнездо и Александром Невским — почётным прозвищем *Великий* (107, 290). Оно ассоциировалось прежде всего с

Александром Македонским (1, 52). Плутарх рассказывает, что этим прозвищем первым в Риме был награждён Помпей за успешную войну в Африке (96, 288). Имя настолько прижилось, что перешло к потомкам Помпея в качестве родового.

Известно, что юные правители часто отвергают уроки отца и берут себе за образец давно умершего деда. Иван Грозный во многом следовал своему деду Ивану III, а Пётр III карикатурно подражал Петру Великому. Герой нашей книги Михаил Тверской часто вспоминал Ярослава Всеволодовича. Образ деда со всеми его добродетелями и пороками был для Михаила своего рода ориентиром, точкой отсчёта для выработки собственной политики. А потому присмотримся внимательнее к этой яркой личности — последнему великому князю Владимирскому свободной Руси и первому — Руси порабощённой...

Русский Алкивиад

«Имя — тончайшая плоть, посредством которой объявляется духовная сущность», — говорил отец Павел Флоренский (138, 26). На дне этой метафизики угадывается ещё не познанная физика. Не случайно имя Ярослав носили 16 русских князей домонгольского периода, начиная с Ярослава Мудрого (109, 252). Этого «княжеского» имени не было в святцах. Его нельзя было дать младенцу при крещении. Но это был знак судьбы. В нём звучало торжество победителя. Носитель этого имени должен был прославиться и войти в историю. Имя Ярослав стало одним из самых популярных княжеских имён и выдерживало конкуренцию с «крестильными» именами до начала XV столетия. Последний Ярослав — отпрыск Серпуховского княжеского дома — умер в 1426 году.

Своими энергией, темпераментом и честолюбием дед Михаила Тверского вполне соответствовал своему громкому имени. Однако к его героизму примешивалась не «ложка», а, пожалуй, целый «ковш» самого беззастенчивого эгоизма. Это был Алкивиад Древней Руси — «человек, самой природой не созданный для покоя» (96, 173). Он отличался предприимчивостью и широким географическим размахом своих предприятий. Но его путь к славе был вымощен жестокостью и коварством. Он был изобретателен в отыскании выхода из сложного положения, но более всего преуспел в устройстве разного рода неприятностей своим противникам. Вот его краткий послужной список, составленный современным исследователем:

«Ярослав-Феодор Всеволодич-Дмитриевич.

Сын владимиристо-суздальского князя Всеволода Большое Гнездо, внук киевского князя Юрия Долгорукого. Он родился 8 февраля 1190 г. В Лаврентьевской летописи под 1201 г. записано, что Всеволод Юрьевич посадил Ярослава на княжение в Переяславль-Русский. Летописец Переяславля-Суздальского сообщает, что Ярослав княжил в Переяславле-Русском 7 лет. После возвращения в Северо-Восточную Русь Ярослав Всеволодич получил от отца в держание Переяславль Залесский.

В 1209 г. Всеволод Большое Гнездо послал Ярослава княжить в Рязань. Все рязанские города принесли Ярославу присягу верности, и в них он посадил своих наместников. Но княжить ему там долго не пришлось. Вскоре рязанцы арестовали его посадников, а самого Ярослава собирались

заклучить в оковы и выдать черниговским князьям. Узнав о случившемся, Всеволод Большое Гнездо подошёл с войсками к Рязани, разорил и сжёг город, а людей из него вывел в свою землю. После этого Ярослав, вероятно, вновь возвратился на княжение в Переяславль Залесский.

У В. Н. Татищева есть запись, где говорится, что после смерти отца Ярославу достались Переяславль Залесский, Тверь и Волоколамск. Летописец Переяславля-Суздальского сообщает, что он получил также Нерехоть (Нерехту?) и Дмитров.

В 1215 г. новгородцы пригласили Ярослава княжить к себе. В Новгороде он сразу же начал расправляться с неудобными ему боярами. Новгородцы выгнали его из города. Он ушёл в Торжок. “Той же осени много ся зла сътвори, — говорит летописец, — Поби мраз обилье по волости, а на Торжку все цело бысть. И зая (захватил. — Н. Б.) князь вершь (сжатый хлеб. — Н. Б.) на Торжку, не пусти в город ни воза”. Такой своеобразной блокадой Ярослав Всеволодич пытался подчинить своей воле новгородцев. Ему оказал помощь брат Юрий. Новгородцы пригласили к себе княжить Мстислава Удатного. Дружинники Мстислава и некоторых союзных ему князей, а также новгородские ополченцы нанесли сокрушительное поражение войскам Юрия, Ярослава и Святослава Всеволодичей в Липецкой битве. Ярослав ушёл княжить в Переяславль Залесский. Временно ему пришлось отказаться от притязаний на Новгород.

Второй раз Ярослав попал на княжение в Новгород весной 1223 г. и жил там около года.

В 1226 г. новгородцы в третий раз позвали его княжить. На этот раз он пробыл там до зимы 1228/29 г.

30 декабря 1230 г. он в четвёртый раз сел в Новгороде, “целова святую Богородицу на всех грамотах Ярославлих (Ярослава Мудрого. — Н. Б.) и на всей воли новгородчьской”. В городе он пробыл всего лишь две недели, посадил там своих сыновей и ушёл в Переяславль Залесский. Несмотря на это, он остался главным новгородским князем и в дальнейшем (до 1236 г.) принимал самое активное участие в новгородских делах.

Около 1236 г. Ярославу удалось захватить Киев и стать великим князем. Правда, удержать его он не сумел и ушёл в Северо-Восточную Русь.

После монгольского нашествия и гибели старшего брата Юрия Ярослав стал великим владимирским князем.

Умер он в 1246 г. По свидетельству различных источников, Ярослав был отравлен в ставке монгольского кагана Угэдея, куда он поехал за получением ярлыка на великое княжение» (109, 170).

Потерянный шлем

Летописная Повесть о битве на Липице (1216 год), написанная по горячим следам событий, представляет именно Ярослава главным виновником братоубийственной войны между сыновьями Всеволода Большое Гнездо. Возмущённые его жестокими расправами с местной знатью, новгородцы собрались на вече. Страсти подогревались известием о том, что в Смоленске стоит с полками, готовыми выступить на помощь Новгороду, соперник Ярослава князь Мстислав Мстиславич по прозвищу Удатный, то есть Удачливый. Не дожидаясь решения веча, Ярослав бежал из Новгорода в Торжок, по дороге захватив в плен многих новгородских купцов.

«А гости новгородские вси прия (захватил. — Н. Б.), боле 2000, и поковав (заковав. — Н. Б.) их розосла по городом своим, а товар их розда и кони, а послов новгородских Юрья Ивановича и его другое изнима (захватил. — Н. Б.)» (15, 120).

Совершив все мыслимые нарушения норм княжеского поведения — бегство из города, арест послов, захват и ограбление мирных купцов, Ярослав явно искал большой войны с новгородцами. И эта война вскоре началась. Мстислав Удатный с новгородцами и союзными князьями (Владимиром Рюриковичем Смоленским, Владимиром Псковским и Всеволодом Киевским) окольными путями, минуя Торжок, двинулись на Тверь — главную базу Ярослава в этом регионе. По дороге они безжалостно грабили владения Ярослава.

«Ярослав же слышав, оже грабят тверьское, и иде с Торжьку во Тверь» (15, 120). Убедившись в численном превосходстве противника, Ярослав не задержался в Твери, а направился в свой удельный Переяславль Залесский. Туда же, опустошая на своём пути всё Верхнее Поволжье, двинулись и полки Мстислава Удатного с новгородцами. Из Ростова им пришёл на помощь старший сын Всеволода Большое Гнездо Константин Ростовский. Не получив после кончины отца желанного владимирского венца, он искал случая свести счёты с младшими братьями. Дело закончилось печально знаменитой Липицкой битвой близ города Юрьева Польского, в которой Юрий и Ярослав потерпели жестокое поражение от полков Константина, его союзника Мстислава Удатного и новгородцев...

...История уходит в землю. На этой глубокомысленной фразе позволим

себе немного отклониться от фарватера нашего повествования и предаться приятным воспоминаниям. Одно из самых ярких впечатлений студента-историка — *археологическая практика*. В каждом из нас просыпается кладоискатель. Вгрызаясь лопатой — на штык и не более! — в слежавшуюся веками землю, вы уже готовы грустно констатировать: «материк...» Но на самой последней черте вероятности вдруг раздаётся характерный скрежет лопаты о нечто твёрдое. Что там: камень? керамика? железо? Вы замираете в сладостном предчувствии находки. Собратья по лопате смотрят на вас с завистью и любопытством. Вы с нетерпением жмёте на лопату... И тут над вашей ямой нависает плотная фигура старшего по раскопу. Вместо привычного окрика: «По бровкам не ходить!» он с неожиданной мягкостью в голосе говорит: «А ну дайка мне лопату...»

Но есть и другой род археологического счастья. Вы сидите на перевёрнутом жестяном ведре на дне огромной прямоугольной ямы и устало перетираете в руках плотные комочки земли в тщетной надежде найти какую-нибудь древнюю бусину или свернувшийся в трубочку обрывок бересты. Ваши ноги в резиновых сапожках вязнут в жирной грязи XII века. По дощатым настилам со скрипом тянутся груженые отработанный землёй тачки. А высоко над ямой плывут летние облака, и праздные туристы с любопытством глядят на вашу каторжную работу...

Конечно, каждый раскоп неповторим. Бывает, что земля раскрывает картины великих трагедий. Автору этих строк довелось участвовать в раскопках славянского городища времён Святослава и Владимира Святого. Оно располагалось километрах в тридцати пяти к юго-западу от Тулы на высоком берегу реки Упы. Со стороны поля городище было защищено земляным валом и частоколом. Но эти примитивные укрепления не спасли его обитателей от набега степняков. Разорив посёлок, они исчезли так же внезапно, как и появились. Жизнь ушла отсюда навсегда. Её следы стали уходить в землю, покрываясь опавшими листьями и пылью веков.

По всей площади раскопа были разбросаны скелеты. Среди пожелтевших костей таились ржавые наконечники стрел. Рядом с женским скелетом лежал скелет ребёнка...

Археологи героическими усилиями пытаются вырвать у земли хотя бы малую часть её добычи. Результаты обычно бывают довольно скромными. Всевозможные отбросы, для благозвучия именуемые *археологическими культурами*, дают весьма одностороннее представление об оставивших их людях. Но иногда ненасытная прорва земли, словно усмехнувшись, сама выбрасывает на поверхность древние артефакты.

Шесть веков спустя после Липицкой битвы, в 1808 году, одна

крестьянка из деревни близ Юрьева Польского, собирая в кустах орехи, заметила в земле под кочкой какой-то странный блестящий предмет. Это был источенный временем старинный железный шлем, украшенный серебряными бляшками с изображениями святых. Крестьянка отнесла свою находку сельскому старосте, тот — местному архиерею, а тот, в свою очередь, послал находку в Петербург в подарок императору Александру Первому. Известный знаток древностей А. Н. Оленин, изучив шлем, пришёл к заключению, что он принадлежал князю Ярославу Всеволодовичу и был брошен им во время бегства с поля Липицкой битвы. Надпись на шлеме свидетельствовала о том, что его владельца звали Фёдором. Это было крестильное имя Ярослава Всеволодовича...

Липицкая битва изменила расклад сил в Северо-Восточной Руси. Благодаря поддержке новгородцев Константин взошёл на великое княжение Владимирское. Юрий и Ярослав, получив прощение от старшего брата, удалились в свои уделы. Настал долгожданный мир. Но уже два года спустя Константин скончался, и на владимирский трон опять взошёл Юрий Всеволодович. Он ничего не забыл и никого не простил. Вражда между Владимиром и Новгородом тлела как уголь под пеплом. Тверь по-прежнему оставалась форпостом «Низовской земли» (как называли новгородцы Северо-Восточную Русь) и частью удела Ярослава Всеволодовича Переяславского.

У могилы деда

Мы уже говорили, что наши древние князья имели похвальную привычку помнить и чтить своих предков. Перед дальним походом, в трудную минуту жизни они приходили к могиле отца или деда, вспоминали его подвиги, просили у него совета и заступничества перед престолом Всевышнего. Так поступал и наш герой князь Михаил Тверской. Не дерзая проникнуть в чужие мысли, мы всё же попытаемся очертить круг советов, которые Михаил мог таким образом получить.

Михаил Ярославич был членом сообщества, имя которому — Тверской княжеский дом. Полагают, что фундамент этому дому заложил сам Александр Невский, получивший Тверской удел по завещанию своего отца — великого князя Владимирского Ярослава Всеволодовича (85, 115). Ярослав составил завещание перед отъездом в ставку Батые осенью 1245 года. Это был дальновидный шаг. Поездка действительно оказалась для Ярослава роковой. Однако на первый взгляд ничто не грозило русскому Алкивиаду. Более того. Нашествие Батые расчистило ему дорогу к трону великого князя Владимирского. Он был пятым по счёту сыном Всеволода Большое Гнездо, но судьба, словно поддавшись очарованию этого даровитого честолюбца, устранила всех, кто стоял на его пути. Старший брат Ярослава Константин Ростовский неожиданно умер в возрасте тридцати трёх лет. Два других брата — близнецы Борис и Глеб — умерли в раннем детстве. Четвёртый — Юрий Владимирский — сложил голову под татарскими саблями в битве на реке Сить.

В борьбе за владимирский великокняжеский стол Юрий слышал за собой тяжёлое дыхание Ярослава. Отношения между братьями испортились уже после Липицкой битвы, в которой благодаря интригам Ярослава столкнулись в кровопролитном сражении два старших сына Всеволода Большое Гнездо — Константин и Юрий. Победителем в этом столкновении оказался Константин. Естественно, что Юрий считал Ярослава главным виновником своего позора. Ярослав со своей стороны презирал простоватого Юрия.

Внезапная смерть Константина в 1218 году вернула Юрию владимирский трон. Династические войны на время прекратились. Самой острой темой, обсуждавшейся тогда на княжеских съездах, было отношение к неумолимо надвигающейся степной угрозе.

Женатый первым браком на дочери половецкого хана Юрия Кончаковича, Ярослав имел широкие связи в степном мире. «Свои поганые» много рассказывали ему о необычайной мощи татар, остановить которых не может никто. Степь была усеяна половецкими костями. Испытав на себе военное искусство внуков Чингисхана, уцелевшие половцы из орды хана Котина численностью, по одним сведениям, 20, а по другим — 40 тысяч, откочевали из южнорусских степей на запад, в Венгрию (4, 19). Король Бела IV принял их в свои владения, надеясь, что они защитят его от татар и помогут привести к повиновению местную знать. Но, как это часто бывает, хитроумные замыслы рухнули на голову их архитектора. Венгерские бароны попытались перебить половцев, заподозрив их в пособничестве татарам, а те, в свою очередь, опустошили полстраны и ушли на юг, открыв татарам путь в Центральную Европу.

В жилах Ярослава текла кровь нескольких народов. Матерью его была чешская княжна Мария Шварновна. Отец, Всеволод Большое Гнездо, был сыном Юрия Долгорукого и гречанки. Отец Долгорукого Владимир Мономах был женат первым браком на английской принцессе, а вторым — в котором и родился Юрий Долгорукий — на неизвестной. Через родственников по линии матери Ярослав хорошо знал общую ситуацию в христианской части Восточной Европы. Повсюду царили рознь и вражда. Никто не готовился дать отпор идущей с востока Орде. Эти сведения в сочетании с рассказами половцев и волжских болгар о татарах привели Ярослава к убеждению, что перед этим страшным народом — воплощением библейских Гога и Магога — следует склонить голову.

В самый канун Батыева нашествия во Владимире объявился венгерский монах Юлиан, который вместе с двумя братьями-францисканцами проповедовал христианство среди венгров-язычников, живших на Южном Урале. Татары пощадили его, но велели отнести венгерскому королю письмо Батыея, в котором «генералиссимус степей» (как назвал Батыея Н. Заболоцкий) требовал подчинения своей власти и грозил войной.

«Многие передают за верное, и князь суздальский передал словесно через меня королю венгерскому, что татары днём и ночью совещаются, как бы прийти и захватить королевство венгров-христиан, — сообщал Юлиан. — Ибо у них, говорят, есть намерение идти на завоевание Рима и дальнейшего. Поэтому он (хан) отправил послов к королю венгерскому. Проезжая через землю суздальскую, они были захвачены князем суздальским, а письмо, посланное королю венгерскому, он у них взял; самих послов даже я видел со спутниками, мне данными» (43, 88).

Отчёт брата Юлиана свидетельствует о том, что Юрий Владимирский был настроен на войну с татарами, хотя и испытывал по этому вопросу некоторые колебания. Заметим, что татары очень щепетильно относились к статусу своих послов. Грубым обращением с послами Батыя к венгерскому королю Юрий практически не оставил себе пути к миру со степняками.

Ярослав смотрел на дело иначе. Шаткий героизм Юрия он считал очередной ошибкой своего недалёкого брата. Сам он, судя по всему, изначально был сторонником подчинения татарам. Его не тронули отчаянные призывы о помощи изрубленных степняками рязанских князей. Он не бился с татарами во время нашествия Батыя на Северо-Восточную Русь зимой 1237/38 года. Не участвовал он ни в обороне Владимира, ни в битве с татарами на реке Сить.

Более того. Отсутствие Ярослава в наградных списках героев и жертв зимней кампании 1237/38 года вызывает неприятный, но неизбежный вопрос: а не он ли привёл татар по неведомым им русским просёлкам, через заваленные снегом заволжские леса к лагерю Юрия? Во всяком случае, Ярослав был одним из немногих, кто знал местонахождение Юрия. Беглый владимирский князь в этой лесной берлоге ждал подхода войск братьев — Ярослава, Святослава Юрьевского и Ивана Стародубского. Разумеется, Юрий сообщил им место сбора. Но вместо русских дружин на его лагерь внезапно обрушились татары... Кто же обеспечил им внезапность нападения?

Поздней весной 1238 года Батыевы полчища ушли из Северо-Восточной Руси. Отрубленную голову Юрия с трудом отыскивали на месте сражения и свезли останки князя для захоронения во Владимир.

Ярослав взошёл на залитый кровью великокняжеский стол. Он полагал, что нашествие Батыя — это своего рода грандиозный «половецкий набег». Восточным славянам в силу их географического положения на самой границе земледельческой Европы и кочевой Азии примерно каждые сто лет приходилось принимать на себя очередное нашествие степняков. Так пришли и прошли гунны и болгары, авары и хазары, печенеги и половцы; так теперь пришли и ушли вслед заходящему солнцу татары...

Однако татары не спешили уходить. С лета 1238-го до осени 1240 года они кочевали в южнорусских степях, пополняя свои силы и время от времени совершая набеги на те районы Руси, которые остались в стороне от погрома первого нашествия.

Надо полагать, что уже в это время — летом 1238 года — Ярослав установил контакты с Батыем, отправив к нему своего сына Константина, а

затем и явившись лично. Косвенным подтверждением этого предположения может служить сообщение Троицкой летописи о том, что зимой 1239/40 года «взяша татарове Мордовьскую землю и Муром пожгоша, и по Клязме воеваша; и град Святыя Богородицы Гороховец пожгоша, а сами идоша в станы своя. Тогда же бе пополох зол по всей земли, и сами не ведяху и где кто бежить» (35, 321).

Примечательно, что в этом скорбном ряду нет владений Ярослава — стольного Владимира и Переяславля. Это можно понять так, что к этому времени он уже оформил свои вассальные отношения с Батыем и получил ярлык на свои владения.

С уходом татар в Венгрию Ярослав занялся обычными заботами великого князя Владимирского. Он отгоняет от Смоленска осмелевших литовских князей, восстанавливает развороченную нашествием хозяйственную жизнь Северо-Восточной Руси, собирает людей, приводит в порядок осквернённые храмы. При этом он не теряет из вида ЮгоЗападную Русь и присматривает для себя возможные приобретения...

Вернувшись из венгерского похода, Батый уже знал, кому можно доверить верховную власть в Северо-Восточной Руси. Кто первый встал на колени перед тронем Батые, тот первым и получил свой кусок имперского пирога — власти над миром. Эта политика сомнительной в моральном отношении предусмотрительности принесла Ярославу владимирский трон и ещё восемь лет жизни, которую, впрочем, трудно назвать счастливой.

Но от судьбы, как известно, не уйдёшь... Благополучно пережившему Батыево нашествие Ярославу Всеволодовичу было «на роду написано» принять смерть от рук степняков. Произошло это при обстоятельствах далеко не героических. Гений интриги сам стал жертвой интриги, но иного, более высокого порядка...

Установлению конструктивных стабильных отношений между Русью и татарами поначалу сильно препятствовало непонимание русскими людьми, оказавшимися в Орде, тех институтов и представлений завоевателей, которые историки назовут «структурами повседневности». В частности, приверженность монголов их традиционным ценностям и в первую очередь — культу предков русские поначалу принимали за покушение на православную веру. «Царство церковного мифа построено на полном пренебрежении к структурам повседневности» (148, 95).

Ярослав Всеволодович, как в силу своего степного опыта, так и благодаря природной быстроте ума, раньше других понял, как следует себя вести, чтобы стать своим человеком в Орде. Прежде всего он не изъявлял желаний обличить «идолов», которым поклонялись монголы. Такая позиция

не означала вероотступничества. Просто Ярослав понял, «что идеология Чингизидов сродни мировым религиозным учениям (идея небесного мандата; власть дарована хану Вечным Небом)». И что «в представлении монголов эта идея не конкурировала с известными религиозными учениями» (148, 235). Они считали, что их собственная «чёрная вера» вмещает в себя все прочие вероучения, подобно тому, как их универсальная государственность призвана вместить в себя все существующие государства.

Явившись в Орду в 1243 году вместе с сыном Константином, Ярослав поклонился Батю и почтил его дарами. Перед тем, как войти в юрту Батю, он, безусловно, выполнил все положенные обряды монгольской «чёрной веры» — прошёл через огонь двух костров, поклонился кусту (приюту душ умерших ханов) и золотой статуе Чингисхана, выпил считавшийся у православных христиан нечистым питьём кумыс. Тем самым Ярослав не только избежал печальной участи слишком буквально понимавшего идеи христианства князя Михаила Черниговского, но и сделал первый шаг по пути интеграции в систему образов и понятий великой Монгольской империи.

Однако поклонами «идолам» дело не кончилось. Батый как «губернатор» одной из провинций Монгольской империи («улуса Джучи») вёл сложную игру с «федеральным центром». В этой игре внешняя почтительность переплеталась с затаённой ненавистью, а притворное простодушие — с коварством. Ссылаясь на возраст и недуги, Батый отказывался лично являться в столицу империи Каракорум. Истинная причина отказа была проста: Саин-хан («Счастливым хан», как называли соплеменники Батю) опасался попасть в руки своих врагов и принять из этих рук заздравную чашу с отравленным питьём.

Свою роль в этих двуличных отношениях должны были сыграть и живые свидетели военных успехов Батю — правитель покорённых «урусов» великий князь Владимирский и его многочисленные сыновья.

Для начала Батый в 1243 году отправил в Каракорум сына Ярослава — Константина. Это был простейший способ показать свою лояльность имперским властям. Приезд сына главного русского князя символизировал покорение Руси и должен был смягчить неприятное впечатление, произведённое на императорский двор отсутствием самого Батю.

Монгольская империя

Никаких подробностей о поездке Константина Ярославича в Монголию не сохранилось. Опуская это «белое пятно», можно сказать, что поездка великого князя Владимирского Ярослава Всеволодовича в Каракорум в 1245—1246 годах стала первым знакомством русской правящей элиты с внутренним устройством самого большого государства в истории человечества — Монгольской империи.

Строго говоря, Ярославу совершенно незачем было ехать за семь тысяч вёрст в Каракорум. Но с подчинением монголам русская элита уже переставала жить по своим собственным представлениям и вынуждена была усвоить себе имперские правила игры. А эти правила требовали присутствия на общемонгольском курултае местных правителей и иностранных «гостей».

Весьма архаическое по своему развитию монгольское общество не имело собственной письменной традиции и, оставив буквы и тексты на попечение китайцев и уйгуров, передавало всю необходимую степнякам информацию «из уст в уста». Наши представления о внутреннем устройстве созданного Чингисханом и его сыновьями государства строятся главным образом на сочинениях иностранных авторов. Даже знаменитая «Яса Чингисхана» — свод узаконений основателя империи — не сохранилась в виде текста. Историкам удаётся различать только общие контуры этой причудливой государственности. Согласно степной традиции «государство считалось собственностью всей царствующей фамилии, члены которой назывались султанами и один из их среды, как глава рода, провозглашался ханом» (148, 20). (Заметим, что аналогичные представления существовали и на Руси в ранний период её истории).

Исследователи понемногу раскрывают механизмы функционирования этого «родового государства». Одним из таких механизмов был ежегодный съезд монгольской знати — *курултай*. Это было многолюдное и впечатляющее сборище, приуроченное обычно к середине лунного года. «По сценарию курултай строились как визуальная демонстрация монгольской мощи. Непременное присутствие на этих торжествах чужеземной знати символизировало имперский космос. В имперской системе знаков... первична обязательность ритуала» (148, 116).

Таким образом, бессмысленные с практической точки зрения поездки

русских князей в Монголию следует рассматривать не только как элемент дипломатической игры Батыея с «федеральным центром», но и как свидетельство вовлечённости Рюриковичей в общеимперские порядки.

После распада государства Чингисхана имперская традиция действовала и в его осколках, в частности в Золотой Орде — своего рода «империи в миниатюре». Постоянные поездки русских князей в Орду были не только отражением политических интриг, но также исполнением определённого ритуала, символизировавшего могущество степной державы. «Съезды знати были производной монгольской системы власти» (148, 216). Наличие чужеземных — в том числе и русских — правителей при ханском дворе придавало ему блеск и величие. Русские князья решали свои практические вопросы при помощи хана, но и хан с их помощью решал свои. Одной из таких задач была достойная репрезентация ханской власти через пышность и многолюдность его двора. Другой, ещё более важной, — «регулярное возобновление статусов... Подтверждая свой статус, участники курултая подтверждали статус хана» (148, 213).

Проблема интеграции Руси в состав Золотой Орды в различных её аспектах всё чаще привлекает внимание исследователей. Высказываются мнения, сильно отличные от традиционных для отечественной историографии. Картина русско-ордынских отношений представляется более разнообразной.

«Даже обзор первых десятилетий отношений между князьями и ханами показывает, что они не укладываются в рамки простых отношений господства — подчинения. Они многообразнее и представляют собой сложные переплетения различных уровней: политического, военного, династического, экономического.

Некоторые же обстоятельства указывают на то, что отношения князей и ханов складывались во многом в плоскости порядков, существовавших в архаических обществах» (77, 262).

Среди «порядков, существовавших в архаических обществах», исследователь выделяет такое хорошо известное этнографам явление, как обмен — дар. Оно прослеживается и в отношениях русских князей с ордынцами.

Прибывавшие в Орду русские князья не только обязаны были следовать ритуалам ханского двора, которые в европейской традиции воспринимались как унижительные (например, стояние на коленях перед сидящим на троне ханом, облачение в подаренный ханом халат, ношение дарственного пояса и пайцзы), но также получали, в зависимости от своих

заслуг, некие властные привилегии, которые воспринимались как «честь» (77, 278).

Но, оставив на время эти головоломки, вернёмся к затерянному в монгольских степях владимирскому князю Ярославу Всеволодовичу. Проклиная монгольский ритуал и всех «поганных», вместе взятых, он вынужден был играть отведённую ему роль. Он стал одним из первых по статусу региональных правителей, съехавшихся летом 1246 года в Монголию на торжества по случаю избрания внука Чингисхана Гуюка великим ханом, повелителем «всех, кто живёт за войлочными стенами».

Зная беспокойный нрав Ярослава, можно не сомневаться в том, что, приняв отведённую ему роль в игре Батыя, он затеял и собственную игру. Но об этом мы расскажем немного позже...

Избрание великого хана было сложным и продолжительным действием. Курултай продолжался несколько недель. Помимо собственно выборщиков в назначенное место съезжались послы соседних государств, правители покорённых монголами народов, а также бесчисленное множество простых степняков. Не избалованные такого рода зрелищами, они наслаждались атмосферой праздника и с нетерпением ожидали бесплатной раздачи мяса, соли и кумыса...

Идеология молчания

В эпоху Киевской Руси и в первые сто лет периода раздробленности русские люди имели оживлённые контакты со степным миром. Помимо военных столкновений существовали и многочисленные формы мирного общения: от торговых связей до брачных союзов. Русские знали жизнь степи и нравы её обитателей. «Слово о полку Игореве» до такой степени изобилует восточными мотивами, что некоторые исследователи склонны были считать его неизвестного автора обрусевшим степняком. В летописях можно найти не только отдельные восточные слова, но и знаменитую половецкую легенду о траве емшан — горькой степной полыни, запах которой заставил вернуться бежавшего из степи хана Отрока. Помещая эту легенду в свою летопись, её составитель полагал, что очарование степи знакомо его будущим читателям.

Установление татарского ига заставило русскую знать — князей и бояр — едва ли не полжизни проводить в степных кочевьях своих повелителей. И если раньше со степняками имели дело главным образом жители южнорусских княжеств, то теперь путешествовать в степь приходилось всей русской элите, за исключением, пожалуй, одних только псковичей. Знание языка, нравов и обычаев ордынцев стало обязательным условием принадлежности к правящей верхушке Руси.

Всё это так. Но вот что удивительно. При всём том до наших дней не сохранилось ни одного русского описания Орды, её повседневной жизни. Вероятно, их и не существовало. Причиной этого странного явления некоторые исследователи считают религиозное противостояние языческой (а позднее и мусульманской) Орды и православной Руси. Известно, что татары отличались веротерпимостью и предоставляли широкие налоговые льготы представителям духовенства. В ответ на эту милость православное духовенство молилось о здравии ордынского хана и призывало народ терпеливо сносить господство чужеземцев как проявление гнева Божьего. Однако эта политически мотивированная вежливость не отменяла, а только усиливала скрытое идейное противостояние русской веры с язычеством и исламом.

Для обозначения умышленного замалчивания книжниками мирных контактов русских с татарами некоторыми историками предлагается специальный термин — *идеология молчания*. Объяснение этого термина

кроется в этноконфессиональной сфере.

«Религиозная исключительность была движущей силой идеологии молчания, характеризующей средневековые этно-религиозные рамки. Реалии социального сосуществования требовали значительной мирной кооперации между религиозными врагами. И при этом идеологические нужды сделали невозможным принять какие-либо иные отношения, кроме враждебных. Концепция мирной кооперации с неверными вызывала вопрос о воинственных религиозных ценностях, формирующих самые основы этих обществ. Следовательно, российские книжники вообще записывали только инциденты, связанные с враждой между русскими и татарами, умалчивая о таких обычных явлениях, как торговля и военные союзы между двумя народами, и преуменьшая свою информированность о татарских делах и обычаях, которые могли расценить как непозволительную близость. Книжники говорили о татарах либо враждебно, либо никак, а религия обеспечивала термины для брани. Такая уловка во избежание щекотливых идеологических проблем мирного объединения с религиозными врагами была обычным делом во всей этно-религиозной контактной зоне средних веков, а русские книжники научились этому во времена Киевской Руси» (53, 202).

Даже само нашествие Батыя наши летописи описывают сухо и вяло, пользуясь трафаретными формулами византийской агиографии и ветхозаветных книг. И потому, желая представить жизнь русских князей в Орде, мы вынуждены пользоваться главным образом свидетельствами западных авторов — купцов и миссионеров, дипломатов и путешественников.

Записки францисканца

Вот как описывал курултай 1246 года наблюдательный очевидец — посол римского папы Иннокентия IV (1243—1254) Иоанн де Плано Карпини. Монах ордена францисканцев, он вместе с другим францисканцем Бенедиктом Поляком совершил невероятное по смелости путешествие в Монголию и благополучно вернулся обратно в Италию.

«Вожди шли отовсюду вооружённые с очень многими из своих людей, но никто, кроме вождей, не мог подойти к лошадям; мало того, те, кто пытался гулять между [ними], подвергались тяжким побоям. И было много таких, которые на уздечках, нагрудниках, сёдлах и подседельниках имели золота приблизительно, по нашему расчёту, на двадцать марок. И таким образом, вожди говорили внутри шатра и, как мы полагаем, рассуждали об избрании. Весь же другой народ был далеко вне вышеупомянутой ограды. И таким образом они пребывали почти до полудня, а затем начали пить кобылье молоко и до вечера выпили столько, что было удивительно смотреть.

Нас же позвали внутрь и дали нам пива, так как мы вовсе не пили кобыльего молока, и этим они оказали нам великий почёт; но всё же они принуждали нас пить, чего мы с непривычки никоим образом не могли выдержать. Поэтому мы указали им, что нас это тяготило, и тогда они перестали нас принуждать. Снаружи ограды был русский князь Ярослав из Суздаля и несколько вождей китаев и солангов, также два сына царя Грузии, также посол калифа балдахского, который был султаном, и более десяти других султанов сарацин (восточных, нехристианских народов. — *Н. Б.*), как мы полагаем и как нам говорили управляющие. Там было более четырёх тысяч послов в числе тех, кто приносил дань, и тех, кто шёл с дарами, султанов, других вождей, которые являлись покориться им, тех, за которыми они послали, и тех, кто были наместниками земель. Всех их вместе поставили за оградой и им подавали пить вместе; нам же и князю Ярославу они всегда давали высшее место, когда мы были с ними вне ограды. Если мы хорошо помним, то думаем, что пребывали там в довольстве четыре недели, и мы полагаем, что там справляли избрание, но там его не обнародовали. И об этом можно было догадываться главным образом потому, что всякий раз как Куйюк выходил там из шатра, то, пока он пребывал вне ограды, пред ним всегда пели, а также наклоняли какие-то

красивые прутья, имевшие вверху багряную шерсть. Этого не делали ни перед каким другим вождём. А ставка эта, или двор, именуется ими Сыра-Орда» (3, 77).

Вернувшись на родину, Плано Карпини на основе воспоминаний и путевых записок создал свою знаменитую книгу «История монгалов». В ней он среди прочего рассказывает историю кончины князя Ярослава, с которым был лично знаком.

«В то же время умер Ярослав, бывший великим князем в некоей части Русски, которая называется Суздаль. Он только что был приглашён к матери императора, которая как бы в знак почёта дала ему есть и пить из собственной руки; и он вернулся в своё помещение, тотчас же занедужил и умер спустя семь дней, и всё тело его удивительным образом посинело. Поэтому все верили, что его там опоили, чтобы свободнее и окончательнее завладеть его землёю. И доказательством этому служит то, что мать императора без ведома бывших там его людей поспешно отправила гонца в Руссию к его сыну Александру, чтобы тот явился к ней, так как она хочет подарить ему землю отца. Тот не пожелал поехать, а остался, и тем временем она посылала грамоты, чтобы он явился для получения земли своего отца. Однако все верили, что, если он явится, она умертвит его или даже подвергнет вечному плену» (3, 79).

Между молотом и наковальней

История гибели Ярослава Всеволодовича — как её представляет Плано Карпини — вызывает много вопросов. Странным представляется прежде всего то, что русского князя (по словам Карпини) почтили более, чем других правителей покорённых народов, а затем отравили...

Единственным объяснением может служить то, что Ярослава в ханской ставке воспринимали в первую очередь как доверенное лицо ненавистного, но могущественного Батыея.

В ставке Гуюка царила ненависть к Батыею. Кузены стали врагами ещё во время большого похода на Запад в 1237—1241 годах, когда самоуверенный и дерзкий Гуюк — сын тогдашнего великого хана Угедея (1227—1241) — отказывался подчиняться приказам Батыея, а тот писал на него жалобы хану в Каракорум. Угедей сделал сыну строгий выговор и отозвал его из похода. Тот затаил ярость, но, разумеется, ничего не забыл. Он ждал времени и случая, чтобы свести счёты с кузеном. После кончины Угедея Батый всячески препятствовал избранию Гуюка великим ханом, внешне сохраняя лояльность и почтительность по отношению к властям в Каракоруме.

С избранием Гуюка на трон настало время платить по старым счетам. Но время открытого разрыва Гуюка с Батыеем ещё не пришло. Как сын Джучи (старшего сына Чингисхана) и как талантливый полководец, покоритель многих стран Батый пользовался авторитетом у степной знати. За ним стояли боевые силы «улуса Джучи». Для войны с ним Гуюку нужны были удобное время и убедительный повод. Таким поводом мог послужить, например, сепаратизм — отказ подчинённых Батыею русских князей явиться к новому великому хану с поклоном и дарами.

Но и Батый тянул время и не хотел раздувать конфликт с Гуюком. В знак покорности он отправил Ярослава в Монголию, где русскому князю как порученцу Батыея был оказан подчёркнуто почтительный приём. Но чем почтительнее были речи ханских приближённых, тем опаснее становилось положение Ярослава. Он очутился между Батыеем и Гуюком, как между молотом и наковальней...

Замысел монгольской интриги напоминал шахматную партию, где каждый игрок просчитывает наперёд ходы противника. Старая ханша Туракина, вдова Угедея и мать Гуюка, управлявшая империей в 1242—1246

годах, была душой интриги. Отравление Ярослава, разумеется, официально не признавалось ханским двором, но и не особенно скрывалось. Оно должно было стать достоянием молвы. Узнав о кончине отца, точнее — о его тайной казни при помощи яда, наследники едва ли согласятся ехать в Монголию, чтобы разделить его судьбу. А их неявка может послужить свидетельством сепаратизма «улуса Джучи» и стать хорошим поводом для начала войны «федерального центра» с «сепаратистом» Батыем.

Был и ещё один резон, который, безусловно, принимали во внимание советники Гуюка. Речь шла о деньгах, причём весьма значительных. Во главе обширного «русского улуса» должен был стоять не порученец Батыя, а ставленник имперского правительства в Каракоруме. Только в этом случае имперские власти могли получать достоверную информацию о численности податного населения в регионе, в полной мере контролировать сбор налогов и мобилизацию войск. Словом, Каракорум хотел иметь своего ставленника не только среди монгольских доверенных лиц (баскаков), но и среди главных русских князей.

Секретная дипломатия Ярослава Всеволодовича

Итак, необычайно почтительное отношение в Ярославу Всеволодовичу в ханской ставке находит своё объяснение. Однако это ещё не всё. Другая странность в рассказе Плано Карпини о гибели «суздальского» (правильно — владимирского) князя — непонятная природа их знакомства. Папский посол явно выделял Ярослава из толпы ордынских вассалов. Похоже, он знал о нём гораздо больше, чем писал. Ярослав был пешкой на шахматной доске, за которой сидели Гуюк с Батыем. Но у этой пешки была своя, тайная игра, о которой не догадывался ни один из игроков. Очень похоже, что великий князь Владимирский искал способ сговориться с папой и поднять против степных язычников новый крестовый поход. Глядя на прошлое из будущего — а именно так устроен глаз историка, — мы снисходительно замечаем, что это было невозможно. Но в ситуации 1240-х годов русские князья смотрели на вещи несколько иначе. Незадолго до Батыева нашествия великий князь Владимирский Юрий Всеволодович пытался договориться с венгерским королём Белой IV (1235—1270). Сам факт внезапного возвращения Батыея из Венгрии — о причинах которого историки до сих пор не имеют единого мнения — многие на Руси понимали как победу латинского оружия, против которого татары оказались бессильны...

Как и сам Плано Карпини, Ярослав был своего рода разведчиком христианского мира, изучавшим внутреннее устройство Орды, её военное искусство, вооружение и приёмы ведения боя. Но если итальянский монах вернулся домой и изложил свои наблюдения в подробном отчёте Римской курии, то Ярослав унёс их с собой в могилу...

Отправляя Плано Карпини в Монголию в качестве своего доверенного лица, Иннокентий IV, безусловно, рассказал ему и о своей переписке с князем Ярославом Всеволодовичем (47, 103). Отсюда и повышенный интерес папского посла к Ярославу, замечание об особом почёте, которым князь пользовался в ханской ставке, подробный рассказ о его отравлении.

Искушённый в тонкостях дипломатии, Плано Карпини знал, что в отчёте перед папой о своей поездке к монголам он должен говорить и писать то, что сам папа желал бы услышать. Всё, что он говорит о Ярославе, подтверждало дальновидность папских планов относительно союза с русскими князьями. Сыновья отравленного татарами Ярослава

должны были ненавидеть татар и прилагать новые усилия к сближению с Западом. Но здесь необходимы некоторые пояснения...

Никоновская летопись сообщает уникальные подробности пребывания князя Ярослава Всеволодовича в степях. «Того же лета (6754/1246) князь велики Ярослав Всеволодич бысть во Орде у кановичь, да и обажен (оболган. — Н. Б.) бысть Феодором Яруновичем к царю Батью, и много истомления приать от татар за землю Русскую; и отпустиша его уже изнемогша, и мало пошедь от кановичь и преставися нужною смертью во иноплеменницех месяца сентября в 30 день» (17, 133).

Сбивчивое, как речь заики, и обрывистое, как берестяная грамота, сообщение Никоновской летописи можно понять лишь в самых общих чертах. Реальной причиной расправы с Ярославом Всеволодовичем могли стать его тайные сношения с римским папой Иннокентием IV, о которых Батый узнал из доноса какого-то Фёдора Яруновича — вероятно, княжеского придворного. За этим доносом мог стоять кто-то из соискателей великого княжения Владимирского — младших братьев или племянников Ярослава. Батый сообщил об измене Ярослава «кановичам» — имперским властям в Каракоруме. Там резко изменили своё отношение к Ярославу и вместо прежнего почёта подвергли его «истоме» и отпустили на Русь едва живого.

Жупел латинства

С точки зрения православной ортодоксии тайные переговоры с латинянами выглядят почти изменой своей вере. Однако русские князья смотрели на это с известной долей профессионального цинизма. Избавление от татар было такой целью, ради которой хороши любые средства. Приняв западную помощь, можно было, подобно византийским императорам, уклониться от исполнения обещаний. Наконец, и само латинство не было тогда таким жупелом для простаков, каким оно стало позднее благодаря усилиям православного духовенства и агрессивности миссионеров-крестоносцев. Латиняне подчинили себе Святую землю и Византию. Видимо, их любил Бог. Бывалые люди говорили, что латинство не мешает соседним народам жить в мире и достатке...

Известно, что в Средние века религия была политикой, а политика — религией. Религиозная нетерпимость нередко сталкивалась с политической целесообразностью. И вторая обычно брала верх над первой. Добрые отношения с католиками необходимы были Руси и в силу той геополитической ситуации, которая сложилась в Восточной Европе к середине XIII столетия. Русские земли подверглись военному натиску с трёх сторон: со стороны Литвы, объединившейся под властью Миндовга в 1240 году; со стороны Ливонского ордена, остро нуждавшегося в новых землях и новых подданных; со стороны Орды, грозившей погромом за любое сопротивление. В этой обстановке здравый смысл подсказывал русским князьям необходимость союзнических (или вассальных) отношений хотя бы с одним из этих врагов. А вот с каким именно — над этим следовало тщательно поразмыслить.

С Орденом против Литвы? Так иногда поступали псковичи. Но для серьёзной игры Орден был слишком слабым и ненадёжным союзником.

С Литвой против Орды? Но Литва предпочитала прибирать к рукам не татарские степи, а земли восточных славян...

С Ордой против Ордена и Литвы? Но такие походы приносили князьям больше расходов и унижений, чем реальной пользы.

Вопрос повис в воздухе...

Сын Ярослава Всеволодовича Александр Невский продолжил тайную переписку с Римом. Однако вскоре он прекратил это опасное дело. Путешествие в Каракорум в 1248 году убедило его в могуществе монголов.

Крестовый поход против степняков, который провозгласил папа и которого так ожидал Даниил Галицкий, оказался пустой затеей. Гордые рыцари не хотели идти на войну против непобедимых татар, а ханы жестоко карали русских князей за тайные контакты с Западом.

Александр Невский сделал свой исторический выбор. Вернувшись из Монголии, он твёрдой рукой повёл Русь тернистой тропой повиновения Орде. Возможно, это был единственный способ выживания русских как нации. Но за выживание пришлось платить независимостью. Отныне судьба Руси и её правителей решалась под куполом монгольской юрты...

Наследники Ярослава

Политику часто называют «искусством возможного». Оставив Божьему промыслу заботу об отмщении степнякам за гибель Ярослава Всеволодовича, князья занялись вопросом «о хлебе насущном». С кончиной Ярослава между его сыновьями — Александром Невским, Андреем Суздальским, Константином Галицким, Михаилом Хоробритом и Ярославом Переяславским — началась обычная борьба наследников за верховную власть и земли. Братья Ярославичи интриговали друг против друга и все вместе — против своего дяди князя Святослава Всеволодовича, занявшего в 1247 году по праву старшинства стольный Владимир. Каждый искал поддержки у Батгя, а кое-кто — и в далёком Каракоруме.

Не зная перипетий этой борьбы, мы знаем её результаты. В 1249 году Святослав Всеволодович был изгнан из Владимира Андреем Ярославичем, получившим ярлык на великое княжение Владимирское во время поездки в Орду в 1248/49 году. В 1252 году Александр Ярославич, изгнав Андрея при помощи татар, сам стал великим князем Владимирским. Полагают, что именно тогда Невский герой заставил брата Ярослава уступить ему Переяславль, а взамен дал ему свой удел — Тверь (85, 116).

Обмен этот был не вполне эквивалентным. Тверь при всём её стратегическом значении была окраиной тогдашней Владимиро-Суздальской Руси, а Переяславль — её второй столицей. Но за спиной Александра стояла благоволившая ему Орда (77, 262).

В итоге семейных разборок сыновей и внуков Всеволода Большое Гнездо младший брат Невского Ярослав Ярославич — отец героя нашей книги — не по своей воле стал первым в полном смысле слова тверским князем. Тверь стала его уделом — неотчуждаемой наследственной вотчиной.

Глава 2

КОД СУДЬБЫ

Судьба — вещь загадочная и разумом не постижимая.

Плутарх

Время подобно змее, которая кусает собственный хвост. И всякое начало есть начало конца. Подвиг Михаила Тверского обусловлен всей его жизнью, начиная со дня рождения и дня крещения. И дело здесь не только в том, что, как известно, «человека формируют обстоятельства». И та и другая дата, согласно представлениям русского Средневековья, таила в себе некий код судьбы.

Древность не любила случайностей и во всём искала таинственные закономерности. Христиане относили ход событий на счёт непостижимого Божьего промысла. Но за пределами церковных стен жила и процветала древняя, как мир, астрология. Её изобретателем считался строитель Вавилонской башни мифический исполин Нимрод (45, 513).

Византийская Хроника Георгия Амартола, переведённая с греческого ещё книжниками Ярослава Мудрого, была одной из самых популярных книг Древней Руси. В ней содержалась всеобщая история, начиная от Сотворения мира и до современного автору хроники императора Михаила (842—867). В правление князя Михаила Ярославича в Твери был изготовлен иллюстрированный список знаменитого труда (98, 15). Надо полагать, что Михаил был хорошо знаком с этим произведением и черпал из него примеры царского поведения и житейской мудрости. Пользуясь Хроникой, переведённой на современный русский язык, мы можем до некоторой степени проникнуть в мировоззрение героя нашей книги.

Звездословие

Уже на первых страницах Хроники появляется загадочный Нимрод, который научил персов «звездозаконию и звездословию — якобы всё о рождённых предсказывается по небесному движению. От них науке о рождении научились эллины, которые начали возводить происходящее к движению звёзд» (1, 40).

Желание знать будущее — наряду с желанием бессмертия и власти над миром — одно из самых сильных человеческих желаний. Русские князья, безусловно, интересовались астрологией и тайком от своих духовников заказывали свои гороскопы. Летописцы, разумеется, замалчивают эту тему. Но князь Михаил Тверской, которого «премудрая мати» княгиня Ксения Юрьевна «научи святым книгам и всякой премудрости», был, конечно, увлечён тайнами познания (84, 130).

Итак, начало любой биографии — даты рождения и крещения. Обе заслуживают памяти. Так считали и на востоке, и на западе христианского мира. «Согласно христианскому обычаю... церковный праздник или святой покровитель в день рождения предопределяет судьбу новорождённого или, по крайней мере, гарантирует ему особо надёжного защитника перед Богом» (86, 29).

Не имея точных указаний в источниках, мы можем искать дату рождения Михаила Тверского путём околных рассуждений. Для этого нам понадобится небольшой экскурс в область древнерусской хронологии, иначе говоря — «познания времени». Казалось бы, при некотором навыке нет ничего проще метаморфоз календаря, где все проблемы решаются методом вычитания или сложения. Однако в арифметических упражнениях на тему календаря внимательному взгляду открывается зияющая бездна.

Историк — если, конечно, он не простой ремесленник, а подлинный мастер своего дела — ощущает себя обладателем сокровенного знания. Он посвящён в тайну Времени. Он знает, какая бездна дремлет за расхожими суждениями о времени. Он — собеседник великих мыслителей прошлого, которые вслед за блаженным Августином стремились проникнуть в самую суть этой тайны.

«А мы только и говорим: “время и время, времена и времена”; “как долго он это говорил”; “как долго он это делал”; “какое долгое время я этого не видел”; “чтобы произнести этот слог, времени требуется вдвое

больше, чем для того, краткого”. Мы и говорим это и слышим это; сами понимаем и нас понимают. Это яснее ясного, обычнее обычного, и это же так темно, что понять это — это открытие» (40, 223).

Часы и череп

Средневековые алхимики любили украшать свой кабинет пожелтевшим от времени человеческим черепом — символом бренности всего живущего. Из его пустых глазниц на них глядело само беспощадное Время.

А где-то рядом с черепом стояли песочные часы — гениальный в своей простоте прибор для отсчёта времени, изобретение каких-то древних цивилизаций. Глядя на то, как тонкой струйкой вытекает песок из стеклянной колбы, даже самый легкомысленный человек смущённо умолкает и неотрывно следит за процессом. Быстрое и необратимое течение времени — а вместе с ним и человеческой жизни — представлено в этой тонкой струйке с беспощадной очевидностью. И чтобы скрыть шевельнувшуюся панику, человек растерянно тянет бессмысленное «да-а-а»...

Бесконечность времени так же непостижима, как и бесконечность пространства. Эта тайна унижает человека своей громадностью, вдавливая его в прах, из которого он создан.

Не желая признавать себя побеждённым, человек идёт на хитрость: делит время и пространство на *большое* (недоступное его пониманию и воображению и потому безразличное) и *малое* (доступное и потому вызывающее интерес). Это вырезанное из большого *малое* время и пространство он, в свою очередь, делит на равные доли. Так возникли века и годы, вёрсты и сажени. Видимое звёздное небо он разделил на созвездия, а земной шар — на параллели и меридианы. Всякий явившийся на свет человек измеряет свою жизнь прожитыми годами, а пройденное пространство — мерами длины. Вне этой условной системы координат во времени и пространстве человек — ничто, исчезающе малая величина.

История — это жалкая попытка человека приручить время, очеловечить его и тем спастись от падения в бездну хаоса...

Дым хронологии

Воздав должное сомнениям блаженного Августина и рассуждениям доктора Фауста, вернёмся к колыбели нашего героя — князя Михаила Тверского. Пытаясь установить дату рождения будущего святого, историк с первых шагов вступает в густые заросли источниковедческих проблем. И первая из них — хронологическая... Подобно тому как, находясь в другой стране, мы постоянно переводим цену приглянувшегося нам товара или услуги в привычную для нас денежную систему, так и историк должен постоянно конвертировать старое летописное время в новое, современное.

Современный счёт лет, при котором год начинается с 1 января, а общая хронология — от Рождества Христова, введён в России Петром I. Летописцы, работавшие в допетровский период, начинали счёт лет «от Сотворения мира». Считалось, что между этой мистической датой и Рождеством Христовым прошло 5508 лет. Так, например, Куликовская битва в летописях датируется 6888 годом: «В лето 6888...»

Но это ещё не всё. Недоумения возникают на каждом шагу. Летописцы времён Михаила Тверского использовали три календарные системы: мартовскую, сентябрьскую и ультрамартовскую. И если, например, взять за точку отсчёта 6779 год — год рождения Михаила Тверского, то по мартовскому счёту он длился с 1 марта 1271 -го по 29 февраля 1272 года, по сентябрьскому — с 1 сентября 1270-го по 31 августа 1271 -го, а по ультрамартовскому — с 1 марта 1270-го по 28 февраля 1271-го. Историк может только догадываться, какую календарную систему предпочитал тот или иной летописец.

Компилятивный характер большинства летописей, создатели которых, подобно пчёлам, собирали свой «мёд» из разных «цветов», ещё более запутывает дело. Создатель нового обобщающего летописного труда (*летописного свода*) брал сведения из нескольких более ранних летописей. При этом нередко одно и то же событие, которое в одной летописи стояло под одним годом, а в другой — под другим, он переносил в свой свод дважды, под разными годами.

А бывало и так: создатель летописного свода (*сводчик*) передатировал события в соответствии с хронологией своего свода и избранной им календарной системой. Соответственно, чем древнее летопись, тем меньше переработок она пережила и тем надёжнее её хронология.

Как известно, «предупреждён — значит вооружён». Вооружившись этими первоначальными сведениями, возвратимся к интересующему нас вопросу — дате рождения князя Михаила Тверского.

Под 6779 годом от Сотворения мира многие летописи сообщают о рождении будущего святого. Установлено, что летописание ранней Твери (как, впрочем, и ранней Москвы) лучше всего сохранилось в составе так называемого Рогожского летописца (список 40-х годов XV века). Он «представляет собой наиболее авторитетный источник по истории Северо-Восточной Руси XIV — начала XV в.» (61, 3). Наряду с Симеоновской (1540-е годы) и Лаврентьевской (1377 год) летописями Рогожский летописец был использован историком М. Д. Приселковым для реконструкции погибшего в пожаре Москвы 1812 года ключевого памятника XIV столетия — Троицкой летописи (общерусского свода 1408 года).

Вот что сообщает о событиях 6779 года Рогожский летописец:

«В лето 6779 поидоша князи в Татары Ярослав, Василий, Дмитрий.

Того же лета родися Михаил Ярославич Тферский. Того же лета солнцу бысть погыбель.

Тое же зимы преставися великий князь Ярослав Тферский, идя ис Татар, дръжав великое княжение 7 лет по Александре. И положиша и (его. — Н. Б.) в Тфери у Святую Козмы и Дамиане» (20, 33).

Современные исследования свидетельствуют о том, что не только сам Рогожский летописец, но и его источники носят компилятивный характер (61, 26). Летописец вместе с достоверными сведениями мог зачерпнуть и ошибочные датировки. Необходимо проверить хронологическую привязку отмеченных летописцем событий.

Чёрное солнце беды

Для начала удалим из блока событий в статье 6779 (1271/72 мартовского) года солнечное затмение. О нём сообщают все тогдашние летописи. Однако астрономические подсчёты свидетельствуют о том, что оно произошло годом ранее — утром 23 марта 1270 года (115, 56).

Перемещение известия о затмении на год позже подлинной даты можно объяснить оплошностью летописца, а можно — его уверенностью в мистической связи этого знамения (затмения всегда воспринимались как знамения) с чередой драматических событий 1271 года. Для правильного понимания ситуации необходим небольшой экскурс в духовные представления домонгольской Руси.

Солнечное затмение издавна считалось предвестием беды. Знатоки Священного Писания напоминали, как померк солнечный свет в час распятия Спасителя. Любители книжности могли вспомнить и соответствующие места из «Слова о полку Игореве»: «Солнце ему (князю Игорю. — Н. Б.) тьмою путь заступаше...» (6, 374). Существовало устойчивое толкование солнечных затмений не только как дурного предзнаменования вообще, но и как указания на конкретную беду — скорую кончину кого-то из рода Рюриковичей (110, 14—16). Бедствия, обрушившиеся на Русь в XIII столетии, усилили значение такого рода предзнаменований.

Каждое затмение имело свои неповторимые особенности, могло быть полным и неполным. Особое впечатление производили затмения восходящего и заходящего солнца. «Полоса полного затмения 23 марта 1270 года... проходила через южную часть Киевской области, южнее самого Киева, и далее через нынешние Полтавскую, Курскую и Воронежскую губернии, шириною не более 2 градусов» (115, 56). Однако в районе Смоленска, например, оно было почти полным и на языке астрономов «составило 11,5 дюймов» при том, что «диаметр солнца принимается равным 12 дюймам» (115, 36). Троицкая летопись сообщает, что затмение было полным (35, 331), то есть особенно грозным.

Затмение 23 марта 1270 года вспомнили полтора года спустя и увидели в нём предвестие драмы Тверского княжеского дома — одновременной загадочной кончины великого князя Ярослава Ярославича и его сына Михаила Старшего. Оба находились тогда в расцвете сил. В год кончины

Ярославу было около пятидесяти лет, а Михаилу — около двадцати.

В этой двойной смерти скрывалась какая-то уже непонятная нам трагедия. Источники хранят о ней глубокое молчание. Однако тот факт, что летописцы при всём феноменальном лаконизме своего повествования всё же отмечают особые обстоятельства смерти князя Ярослава Ярославича — умер, «идя ис Татар», то есть возвращаясь из Орды, — заставляет задуматься. Так умер и его отец, князь Ярослав Всеволодович, и его брат — Александр Ярославич Невский.

Что кроется за этим странным сходством финалов жизненного пути трёх великих князей Владимирских? Отложив в сторону метафизику, попробуем поискать объяснений на естественно-научной почве. Возможно, русских князей губил «природно-климатический фактор». Они вынуждены были подолгу жить в степях Нижнего Поволжья, среди непривычных климатических и бытовых условий, питаться непривычной пищей, испытывать постоянное нервное напряжение. Наконец, общение со степняками часто сопровождалось хмельным застольем. Случалось, что даже великие ханы умирали от белой горячки (62, 170).

Ощувив тяжкий недуг, князь начинал спешно собираться домой. Он надеялся, что родная земля вернёт ему уходящие силы, что домашняя обстановка поможет преодолеть недуг. Но если ему всё же суждено уйти в лучший мир, то перед уходом он должен проститься с родными и близкими, отдать последние распоряжения, помолиться в храме у могил предков. Словом, умирать князья предпочитали дома. Но обстоятельства — и в первую очередь долги — нередко заставляли тянуть с отъездом из Орды до последнего. В итоге занедуживший князь отправлялся домой уже едва живым. Именно поэтому кончина часто настигала его где-то в пути: на ямском дворе или просто в кибитке посреди заснеженной степи.

Драматизм этой ситуации — великий князь Владимирский, могущественный правитель Руси, умирающий словно изгнанник в далёких краях, — волновал летописца. Но философские отступления на вечные темы (судьба, доблесть, слава, честь), которые так любили античные историки, противоречили методу русского летописца. Не пускаясь в рассуждения, он несколькими словами (словно несколькими ударами кисти) рисует почти библейскую картину.

«Преставися великий князь Ярослав Тферский, идя ис Татар (курсив наш. — Н. Б.), держав великое княжение 7 лет по Александре» (20, 33).

Указание на то, сколько лет правил умерший правитель, — обычная деталь не только византийских, но и античных исторических трудов.

Смерть правителя всегда вызывает толки и пересуды. На Руси

обсуждали не только конкретные причины смерти Ярослава Ярославича и его сына Михаила, но и предвещавшие беду знамения. Затмение солнца было самым наглядным из них. Заметим, что по состоянию на 1270 год на Руси сильных затмений не было уже давно. Последнее состоялось незадолго до нашествия Батые — 3 августа 1236 года (115, 55). Одновременно тогда происходили и другие необычные явления в природе. Всё это — конечно, задним числом — истолковали как предупреждение о приближении «последних времён», скором нашествии Гога и Магога и гибели многих русских князей.

Печальный караван

Но вернёмся к внезапной кончине князя Ярослава Ярославича. Как это обычно бывает при работе с летописями, исследователи расходятся в датировке события. Современный историк Тверского княжества полагает, что князь Ярослав Ярославич с братом Василием Костромским и племянником Дмитрием Переяславским отправился в Орду зимой 1270/71 года, а возвращался домой и умер в дороге зимой 1271/72 года (70, 65). Основанием для такой датировки поездки князей в Орду служит ссылка на Троицкую летопись (35, 331). Однако при этой датировке возникает много вопросов. Ещё Н. Г. Бережков справедливо заметил: «...мало вероятно, что его (князя Ярослава Ярославича. — Н. Б.) пребывание в Орде длилось около года (зима 6778 — зима 6779)» (44, 273).

В этой связи уместно привести свидетельство Новгородской Первой летописи. Заканчивая рассказ об остром конфликте новгородцев с князем Ярославом Ярославичем в 1270 мартовском году, летописец заключает: «Того же лета, на зиму, иде князь Ярослав в Володимир, и оттоле иде в Орду...» (5, 89, 321).

«По древнерусским представлениям о временах года, осенью считалось время с 24 сентября по 25 декабря» (85, 128). Соответственно, Ярослав Ярославич поехал из Новгорода во Владимир в конце декабря 1270 года, вероятно, полагая быть там к Рождеству Христову (25 декабря). Он пробыл во Владимире некоторое время, являясь народу в праздничных богослужениях, устраивая дела и собирая рождественские дани в качестве великого князя Владимирского.

Однако долго засиживаться во Владимире Ярослав Ярославич не мог. Ему надлежало спешно отправляться в Орду для объяснений с ханом Менгу-Тимуром относительно новгородских дел. Возмущённые горожане изгнали Ярослава и только благодаря поручительству митрополита Кирилла вернули ему новгородское княжение. Другим ответчиком по этому вопросу в Орде выступал младший брат Ярослава Василий Костромской. Он обвинял Ярослава в том, что тот не только нарушил традиционные нормы отношений великих князей с Новгородом, чем вызвал возмущение новгородцев, но и обманул хана, представив дело так, будто новгородцы подняли мятеж против власти Орды. Поверив Ярославу, хан отправил на Новгород карательную экспедицию, но, узнав от Василия Костромского и

новгородских послов об истинном положении дел, вернул посланное войско с полдороги.

Обвинение в обмане хана могло привести к тяжёлым последствиям. Но едва ли добродушный Василий Костромской хотел подвести брата под нож ханского палача. Тут кроются иные страсти и иные расчёты. В этой поблекшей, как древняя фреска, истории скрыто от нас нечто принципиально важное. Помимо Василия Костромского против Ярослава выступили и новгородцы. Их голос всегда веско звучал в Орде. Всё это заставляло тверского князя поспешать с отъездом из Владимира в Сарай. Но и его соперники не хотели явиться к хану последними. Вероятно, их караван тронулся в путь практически одновременно с Ярославом.

Что касается точного времени его отправления, то здесь современный историк получает своего рода подсказку от своих далёких предшественников. Следует обратить внимание на соответствующий рассказ в авторитетном справочнике А. В. Экземлярского «Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период». Приводим его суждение:

«В каких же отношениях к Ярославу оказался Василий Костромской? Указаний в летописях нет на это, — но есть известие, что в 1271 году великий князь ездил в Орду (может быть, судиться с братом) с Василием и Димитрием Александровичем Переяславским. На обратном пути из Орды, в том же 1271 году 16 сентября, Ярослав умер, приняв в схиме имя Афанасия, и погребён в церкви Святых Космы и Дамиана тверским епископом Симеоном» (147, 454).

Эти уникальные сведения — смерть Ярослава 16 сентября и принятие схимы под именем Афанасия — находим, помимо Экземлярского, у старого тверского краеведа, священника Тверского кафедрального собора Александра Соколова (119, 27). В летописях, на которые ссылается Экземлярский, и иных источниках нам не удалось найти сообщение о кончине Ярослава 16 сентября. Вероятно, оно извлечено из каких-то тверских источников позднего происхождения.

Что же касается принятия князем схимы под именем Афанасия, то здесь каким-то странным образом отразился реальный исторический факт: Ярослав Ярославич Тверской носил крестильное имя Афанасий (123, 224). Под этим именем он иногда появляется в летописях (17, 134; 36, 498; 2, 12; 24, 400). На княжеских печатях той эпохи обычно изображали на одной стороне святого патрона хозяина печати, а на другой — святого патрона его отца. Сохранилась печать князя Михаила Ярославича Тверского, где на одной стороне изображён архистратиг Михаил, а на другой — святой

Афанасий Александрийский (2, 12).

Отрада историка

Точно датированные известия — отрада историка. Опираясь на них, можно выстроить хронологию событий и цепь причинно-следственных связей. Но как слаба эта выстроенная по технологии карточного домика опора...

Итак, в конце 1270-го — начале 1271 года великий князь Ярослав Ярославич живёт во Владимире и готовится к долгому и трудному путешествию в Орду. Крайним сроком его отъезда из Владимира можно считать начало февраля 1271 года. К этому заключению приводит ещё одна дата, содержащаяся в позднем Похвальном слове Михаилу Ярославичу. Согласно этому источнику, будущий святой родился 1 ноября (76, 48). Соответственно, за девять месяцев до этого его отец должен был ещё быть на Руси. Своих жён князь в Орду обычно не брали.

Согласно некоторым летописям, Михаил Ярославич Тверской родился в год кончины отца, вскоре после неё. «Того же лета по преставлении великого князя Ярослава Ярославича родися сын его Михаил» (17, 150; 22, 74; 25, 89; 26, 101; 28, 93).

Зная дату кончины Ярослава Ярославича (16 сентября 1271 года), можно утверждать, что княгиня Ксения, мать Михаила, узнала о смерти мужа и даже успела похоронить его ещё до рождения сына.

Справедливости ради, следует напомнить, что в Рогожском летописце, чтения которого для этого периода предпочтительны как более древние, известие о рождении Михаила в ряду событий стоит ранее, чем о кончине его отца. Случайность это или отражение реальной последовательности событий — сказать трудно.

Хронологическая путаница — точнее, попытка её преодолеть — породила и ещё одно противоречие в летописях. Продолжительность правления Ярослава Ярославича в качестве великого князя Владимирского одни летописи определяют как семь лет, другие — как восемь (35, 331; 17, 150). Здесь угадывается некоторая скользкая арифметика. Если первым годом правления Ярослава Ярославича во Владимире летописец считал 6771 (1263) год — год кончины его предшественника на великокняжеском столе Александра Невского, то, прибавив цифру 7, получим 6778-й, то есть 1270 год, а прибавив 8 — 1271-й. Если же летописец первым годом великого княжения Ярослава Ярославича считал 6772 (1264) год, то семь

лет заканчивались в 1271 году, а восемь лет — в 1272-м. Задача становится ещё более сложной, если учитывать возможность хронологических выкладок летописца по трём календарным системам — сентябрьской, мартовской и ультрамартовской. Отмечено, что Рогожский летописец (как и Симеоновская летопись) за этот период придерживается в основном мартовского счёта лет (61, 14). Однако некоторые события датируются как по сентябрьскому, так и по ультрамартовскому счёту.

Итак, подведём итоги. Первое точно датированное известие в интересующем нас ряду — солнечное затмение 23 марта 1270 года. Троицкая летопись даёт это известие под 6779 ультрамартовским годом, то есть с опережением на один год. Но для нас важно отметить, что затмение случилось до отъезда Ярослава Ярославича в Орду и служило грозным предупреждением князю о надвигающихся несчастьях.

Далее события выстраивались следующим порядком. В декабре 1270 года великий князь Ярослав Ярославич Владимирский и Тверской приезжает во Владимир. Пробыв здесь около месяца, он в воскресенье 16 января 1271 года отправился в Орду. О цели его поездки мы можем только догадываться.

Весну и лето 1271 года князь провёл в ставке правящего хана Менгу-Тимура — внука Батыея. Покончив с делами, он поехал домой и по дороге скончался 16 сентября 1271 года. Можно полагать, что на время своего путешествия в Орду Ярослав Ярославич передал домашние дела своему старшему сыну Святославу. Известно, что после кончины отца Святослав деятельно принялся за управление княжеством. Другой брат, Михаил Старший, вероятно, ездил с отцом в Орду и разделил его судьбу — внезапную и непонятную кончину где-то в Диком поле.

Между тем княгиня Ксения Юрьевна, вторая жена Ярослава Ярославича, 1 ноября 1271 года — через девять месяцев после отъезда мужа — родила ему сына, также названного Михаилом.

Наречение имени для княжеского сына было весьма ответственным делом. Здесь следовало проявить дальновидность и учесть целый ряд обстоятельств. Это и дата рождения, и имена предков, и русский перевод греческого имени. Нередко имена имели и определённый «подтекст», намекая на то положение, которое носитель имени должен был со временем занять в иерархии власти.

«Существенно, что имена, которые получали княжичи, были не только родовыми, но и династическими. Сыновьям князя предстояло унаследовать не только права на имущество, но и права на власть. Нередко эти права

становились объектом борьбы и соперничества. Поэтому было чрезвычайно важно, кто из живых предков даёт имя и кто из умерших предков избирается в качестве “прототипа” для вновь появившегося члена рода. В сложной и многоступенчатой системе наследования столов, сложившейся на русской почве, имя нередко определяло те династические перспективы, на которые новорождённый мог рассчитывать по замыслу своих ближайших родственников. Так, если ребёнка называли в честь близкого родича, при жизни обладавшего определённым княжеским столом, то зачастую это означало, что его прочили на княжение в том же городе» (89, 13).

Иначе говоря, имя — это своего рода ключ к закрытой информации. А потому на устройстве этого «ключа» стоит остановиться подробнее.

Современные исследователи вопроса приходят к выводу, что «имя князя могло служить своеобразной формулой, связывающей его с предками, определяющей его династическую и индивидуальную судьбу» (89, 446). Обнаружив, таким образом, новый источник информации, историк мог бы захлопать в ладоши, если бы не это уклончивое «могло служить»...

«Что в имени тебе моём...»

Строка из стихотворения Пушкина всплывает в памяти как заставка к рассуждениям на тему именослова. Известно, что в княжеских семьях имена детям (и в первую очередь мальчикам) подбирали, исходя из семейных традиций и представления о «княжеских» именах. При этом греческие и вообще христианские имена постепенно вытесняли славянские. Первые использовались как крестильные, а вторые — как родовые (мирские).

Предполагаемая дата рождения Михаила Ярославича (1 ноября 1271 года) коррелируется с церковным календарём. Имя патронального святого выбирали таким образом, чтобы не отходить более чем на две недели от дня его памяти по месяцеслову. В святцах имя Михаил связывалось с двумя датами — Собором Михаила Архангела (8 ноября) и Чудом архистратига Михаила, «иже в Хонех» (6 сентября).

Люди Средневековья не любили отступать от родовой традиции. Так, например, в домонгольской Руси существовало неписаное представление, согласно которому нельзя называть ребёнка родовым именем живого отца или брата (89, 12). Отсюда следует, что к 1 ноября 1271 года Михаил Старший уже ушёл из жизни. Надо думать, что его смерть была каким-то образом связана со смертью Ярослава Ярославича...

На всех этажах общественного здания праздновали именины, то есть день памяти того святого, имя которого было дано человеку при крещении. Князья носили имя как флаг и как невидимый доспех, защищавший от врагов. Все знали рассказ о том, как Александр Македонский, «увидев юношу, своего тезку, который боялся сражения, сказал ему: “Или привычку эту оставь, или имя себе измени”» (1, 52). Эту историю, основанную на «Жизнеописаниях» Плутарха, рассказывала Хроника Георгия Амартола.

Заметим, что имя Михаил в ту пору было довольно редким в княжеской среде. Так, на 125 потомков сына Ярослава Мудрого Всеволода, отмеченных источниками в период XII—XIII веков, было лишь четыре Михаила — племянник Юрия Долгорукого Михаил Вячеславич (ум. 1130), брат Всеволода Большое Гнездо Михалко (ум. 1176) и два внука Всеволода Михаил Ярославич Хоробрит (ум. 1248) и Михаил Иванович Стародубский (109, табл. 6). На 82 потомка другого сына Ярослава Мудрого Святослава

(родоначальника Черниговского княжеского дома) приходится всего три Михаила — князь-мученик Михаил Всеволодович Черниговский, казнённый в Орде в 1246 году, и два неприметных рязанских князя, отец и сын, первый из которых погиб во время рязанской резни 1217 года, а второй известен лишь по имени.

Изучение истории княжеских имён наталкивается на невидимые с первого взгляда «подводные камни». Так, например, нет ясности в вопросе о том, как долго сохранялась традиция наречения младенцу двух имён: *христианского*, дававшегося при крещении, и *родового*, дававшегося родителями, исходя из семейных традиций и разного рода привходящих обстоятельств. Родовые имена имели славянское происхождение (Владимир, Ярослав, Мстислав, Святослав, Изяслав, Ростислав и т. д.) или же уходили корнями во тьму варяжских времён (Олег, Игорь). В этих именах чуткому уху «ревнителей благочестия» слышался отзвук языческой древности. Постепенно родовые славянские имена вытеснялись христианскими именами из месяцеслова, имевшими главным образом греческое происхождение. Этот процесс отразил общее усиление позиций церкви в период ордынского ига. В XIV столетии повседневные княжеские имена были почти сплошь «крестильные», освящённые авторитетом месяцеслова.

Однако традиция двуимённости сохранялась ещё некоторое время. Вероятно, в ней видели средство предохранить человека от злых чар и колдовских наговоров. Но при этом как первое, так и второе имя происходило из списка христианских имён месяцеслова. Так, например, суздальский князь Дмитрий Константинович — тесть Дмитрия Донского — имел второе имя Фома. Второе имя могло появиться у князя и в ходе предсмертного пострижения в схиму. Так Александр Невский стал Алексеем, а Иван Калита — Ананией.

Но и вполне «церковные» имена сильно различались по своему значению и месту в неофициальной, но всем известной иерархии именовслова. Так, например, одно из самых значимых и насыщенных разного рода аллюзиями имён — Николай — почти никогда не давали детям в княжеских семьях. То же самое относится и к имени Пётр. О причинах этого можно только догадываться (135, 37). Напротив, имена Василий («царский», «царственный») и Иоанн («Божия благодать») были в большом употреблении в силу их значения, а имена Константин и Дмитрий — в силу связанных с ними христианских легенд.

Итак, наречение имени новорождённому младшему сыну Ярослава

Ярославича Тверского было результатом долгих размышлений княгини-вдовы и бояр. На выбор имени Михаила повлияла династическая ситуация. «Михаил Ярославич появился на свет вскоре после смерти своего отца, однако, будучи посмертным ребёнком, не был наречён отцовским родовым именем. Со всей очевидностью он получил христианское имя другого родича, скончавшегося незадолго до его рождения, а именно — своего единокровного брата Михаила. Таким образом, имя Михаил в данном случае совмещало в себе функции родового и христианского» (89, 580).

Возможно, в наречении имени сыграло роль и желание княгини-вдовы Ксении Юрьевны таким образом сблизить своего сына с его сводным братом — князем Святославом. Младенец должен был стать для бездетного Святослава младшим братом. При этом княгиня учла и то, что в имени Михаил, как уже было сказано, довольно редком среди потомков Всеволода Большое Гнездо, трудно было усмотреть какую-либо политическую претензию, кроме одной, естественной претензии — на роль младшего брата правящего тверского князя Святослава.

Доискиваясь во всём таинственного смысла, древнерусские книжники любили рассуждать о символическом значении княжеских имён (36, 566). В них они видели знаки Провидения.

При наречении имени для нашего героя сыграло свою роль и символическое значение имени Михаил. Таинственную глубину этого имени услышал и передал словами Павел Флоренский в своём трактате об именах. Выстраивая ряд «земных» имён, философ замечает:

«Но есть и другие имена. Они созданы не для земли, не в земле живут их корни. Это — силы, природе которых чуждо воплощаться в плотных и тяжёлых земных средах. Они могут попадать и на землю, как семена, приносимые лучами солнца из небесных пространств; и, попадая на непригодную для них почву, они прорастают и образуют себе тело из земных стихий, входя тем самым в разные земные отношения и связи. Но, подчиняя себе, силою своей жизненности, сотканное из земных стихий тело, эти имена всё-таки остаются чуждыми миру, в котором они произрастали, и никогда не овладевают им вполне. Хорошие или плохие, носители таких имён не прилаживаются вплотную к окружающим их условиям земного существования и не способны приладиться, хотя бы и имели на то корыстные расчёты или преступные намерения.

Одно из таких имён — Михаил. Имя Архистратига Небесных Сил, первое из тварных имён духовного мира, Михаил, самой этимологией своей указывает на высшую меру духовности, на особливую близость к Вечному: оно значит “Кто как Бог”, или “Тот, Кто как Бог”. Оно означает,

следовательно, наивысшую ступень богоподобия. Это — имя молниевой быстроты и непреодолимой мощи, имя энергии Божией в её осуществлении, в её посланничестве. Это — мгновенный и ничем не преодолимый огонь, кому — спасение, а кому — гибель. Оно “исполнено ангельской крепости”. Оно подвижнее пламени, послушное высшему велению, и несокрушимее алмаза Небесных Сфер, которыми держится Вселенная.

По своей природе имя Михаил — противоположность земной косности, с её и враждебным, и благодетельным торможением порывов и устремлений. И, попадая на землю, это имя живёт на ней как чуждое земле, к ней не приспособляющееся и не способное приспособиться. Михаил — одно из древнейших известных в истории имён. Но и за много тысяч лет своего пребывания на земле оно остаётся откровением на земле и не делается здесь своим, хотя и обросло житейскими связями и бытовыми наростами. Этому имени трудно осуществлять себя в земных средах, слишком для него плотных. Птице, если бы она и могла как-нибудь просуществовать на дне океана, не летать под водою на крыльях, приспособленных к гораздо более тонкой стихии — воздуху. Так же и небесное существо, Михаил, попадая на землю, становится медлительным и неуклюжим, хотя сам в себе несравненно подвижнее тех, кто его на земле окружает.

Небесное — не значит непременно хорошее, как и земное — не значит плохое. Деление по нравственной оценке идёт накрест делению по характеристике онтологической. Михаил, сам по себе, в порядке нравственном, ещё не плох и не хорош, а может стать и тем, и другим. Но каким бы ни стал он, в плотных и вязких земных средах двигаться ему и осуществлять свои решения затруднительно, он здесь неуклюж и неудачлив, хотя бы и продал себя миру, хотя бы направил свои усилия на приспособление к нему. Михаилу требуются большие внутренние усилия и соответственное напряжение воли, чтобы достигнуть в мире желаемого. Ему приходится карабкаться, прежде чем долезет он туда, куда большинство других приходит легко и почти не задумываясь» (138, 259-260).

Запомним эти характеристики. Следя за вехами и поворотами жизненного пути нашего героя, мы не раз будем замечать удивительную точность суждений философа. Что это, мистика или иная, ещё не ведомая нам реальность?

Известно, что предсказания цыганки-гадалки часто кажутся прозрением будущего благодаря их универсальности и неопределённости.

Но здесь Флоренский дерзнул на метафизику совсем иного рода. Таинственная связь между формой и содержанием... Банальный, но оттого не менее верный тезис о том, что «форма определяет содержание»... Звуковая форма выражения духовной сущности... Музыка и происхождение гармонии... Сам философ определил свой подход к вопросу предельно просто и отчётливо. «Имя — тончайшая плоть, посредством которой объявляется духовная сущность» (138, 26).

Младший сын князя Ярослава был с самого начала обездолен судьбой, отнявшей у него отца. Но судьба всегда соблюдает некое таинственное равновесие своих даров. Недодав человеку в одном, она с избытком воздаёт в другом. Тоскливая безотцовщина, горькое одиночество, необходимость с малых лет самому принимать решения и самому прокладывать себе дорогу в жизни... Но в этой кузнице куётся железный характер. Среди разнообразного родового наследства Михаил получил от отца и деда, может быть, самое главное — генетическую матрицу героя.

Пророк из Патары

В XIII столетии Тверь обладала собственной летописной и книжной традицией. В детстве Михаил общался с придворными книжниками, грамотными иноками городских монастырей. Помимо собственно Священного Писания и византийских хроник он слышал от своих наставников разнообразные легенды и предания на темы русской истории и христианской древности.

Одной из самых читаемых в ту пору на Руси книг было переводное апокрифическое *Откровение Мефодия Патарского* (38, 45). Именно этот трактат называет летописец, рассказывая о битве на Калке и рассуждая о причинах нашествия татар.

«Того же лета (1223) явишася языци, их же никто же добре ясно не весть, кто суть, и отколе изидоша, и что язык ихъ, и которого племени суть, и что вера их. И зовуть я татары, а инии глаголють таумены, а друзии печенези. Ини глаголють, яко се суть, о них же Мефодий, Патомьский епископ, сведетельствует, яко си суть ишли суть ис пустыня Етриевьскы, суще межю востоком и севером» (7, 132).

Автор Откровения жил в III—IV веках н. э. в Малой Азии и был епископом города Патара...

Сегодня Патара пуста. Под ногами хрустит гравий насыпной дороги. На каменистом плато среди гор одиноко высятся ворота в виде триумфальной арки — парадный въезд в город. Поодаль — развалины античного театра и бесчисленные обломки камней, некогда составлявшие колоннады портиков и стены зданий цветущего города. На старом кладбище — почерневшие от времени каменные гробницы. Кругом — ни души. Патара лежит в стороне от экскурсионных маршрутов. Покой руин тревожат лишь юркие ящерицы, усыпавшие нагретые солнцем камни.

Безлюдье и глубокая тишина навевают мысли о вечном. Окружённая со всех сторон горами, древняя Патара привлекает любителей медитации и одиноких прогулок. В тишине, среди вечных пейзажей Востока яснее слышен голос Неба. Здесь епископ Мефодий увидел грядущие судьбы человечества. И может быть, одна из этих каменных гробниц некогда скрывала бранные останки пророка...

Основываясь на Библии и древних авторах, Мефодий написал величественный по тону и тёмный по содержанию трактат, посвящённый

наступлению «последних времён» — то есть конца света. Эта тема по-разному воспринимается разными людьми. А потому для объективности суждений обратимся к научному справочнику.

«Откровение — краткий рассказ о истории мира от Адама до светопреставления, распределённый по тысячелетиям на семь периодов. Вторая половина Откровения, в которой повествуется о седьмом тысячелетии (в ней освещаются события, которые будут предшествовать кончине мира и происходить в последний период его существования, — царство антихриста, второе пришествие Христа, страшный суд), привлекала к себе наибольшее внимание средневековых читателей. Большое место как в исторической, так и в пророческой части Откровения занимает история борьбы израильтян с измаилтянами и рассказ о “нечистых” народах, заключённых Александром Македонским в неприступных горах. Племена измаилтян, разгромленные израильским вождём Гедеоном и бежавшие в Етривскую пустыню (сюжет этот восходит к Библии), в седьмом тысячелетии выйдут из Етривской пустыни и поработят многочисленные страны. После их нашествия в мире воцарится беззаконие, наступит полное падение нравов. Но со временем праведный *греческий царь* (курсив наш. — Н. Б.) одолеет насильников. Наступит расцвет христианства и всеобщее благоденствие. И тогда заточенные Александром “нечистые” народы выйдут и покорят почти весь мир. Тогда Бог пошлёт своего архистратига, который погубит всех захватчиков. Через некоторое время родится антихрист. После царства антихриста последует второе пришествие Христа и страшный суд.

Откровение получило широкое распространение в византийской литературе. Сохранившиеся списки дают четыре редакции произведения; первая редакция представлена двумя вариантами. С греческого языка Откровение уже в ранний период своей литературной истории стало переводиться на латинский и славянский языки. Латинский текст Откровения сохранился в двух редакциях. С латинского текста памятник переводился на западноевропейские языки. На славянский язык Откровение переводилось дважды, оба раза в Болгарии, сербский перевод восходит к болгарскому оригиналу. В основу славянского перевода легла первая редакция греческого текста. Оба славянских перевода, не зависящие друг от друга, восходя! к различным вариантам первой греческой редакции Откровения, но в основе их лежат более древние и близкие к авторскому тексту списки, чем дошедшие до нашего времени. На Руси славянский перевод Откровения стал известен очень рано — не позже начала XII в.» (63, 283).

Мефодий Патарский не относится к классикам святоотеческой литературы. Жанр пророчества гораздо сильнее представлен в библейских книгах Ветхого Завета. Однако в определённых исторических обстоятельствах интерес читателей к его сочинению резко возростал. Временами пророчества Мефодия оказывались весьма востребованными. Так, особой актуальностью звучала для Руси в XIII столетии тема нашествия и господства степных народов («измаилтян»). Уже в рассказе о нашествии Батые летописец цитировал Мефодия Патарского. Русские люди с нетерпением ждали исполнения Мефодиева пророчества относительно «греческого царя», который прогонит поработителей и восстановит былое благоденствие.

Со временем в текст Откровения были сделаны интерполяции. Так, в некоторых списках произведения появилась не только тема «царя последних времён», но даже имя этого «греческого» (то есть православного) царя — Михаил. Своим происхождением имя, по-видимому, обязано Ветхому Завету (79, 235). В книге пророка Даниила о «царе последних времён» говорится следующее:

«И восстанет в то время Михаил, князь великий, стоящий за сынов народа твоего; и наступит время тяжкое, какого не бывало с тех пор, как существуют люди, до сего времени; но спасутся в это время из народа твоего все, которые найдены будут записанными в книге» (Дан. 12:1).

Всё это позволяет думать, что князь Михаил Ярославич уже в детстве — когда память так свежа, а восприятие так непосредственно — слышал вокруг разговоры о том, что ему суждена особая судьба. Именно он и есть тот «царь последних времён», о котором сообщали древние пророчества. Он — «Михаил, князь великий», стоящий за сынов избранного Богом русского народа.

В сетях текстов

Открыв свою провиденциальную миссию, Михаил Тверской должен был уяснить и свои повседневные задачи как тверского князя. Каким правителем он должен быть? Куда вести свой народ? Как строить отношения с «измаилтянами»? Понятно, что для ребёнка эти вопросы не имели значения. Но по мере того, как княжич Михаил вырос, он всё чаще обращался к ним. И, вероятно, искал советов в древних книгах, в рассказах о правлении посланного Богом «царя последних времён» Михаила.

Книжники времён Михаила Тверского часто украшали свои рукописи миниатюрами и орнаментальными заставками в начале текста. Один из наиболее распространённых мотивов этих заставок — птицы, запутавшиеся в сетях, — служил аллегорией человека, опутанного сетями греха. Судьба этих птиц подстерегает историка, взявшегося выяснить первоначальный вид какого-либо популярного и потому много раз переписанного памятника древнерусской литературы.

В разнообразных списках и редакциях Откровения образ Михаила представлялся по-разному. В одних это чисто мистическая фигура, своего рода знак на путях Провидения, в других — идеальный правитель, установивший среди своих подданных порядок и справедливость. Приводим первую версию по изданному В. М. Истриным «Интерполированному» списку, датированному XVI—XVII веками, а вторую — по изданному Н. С. Тихонравовым списку из собрания А. С. Уварова, относящемуся к XVIII столетию. Начнём с более раннего. Для удобства читателя мы разделяем текст на смысловые блоки:

«Тогда (после появления антихриста. — Н. Б.) повелением Божиим придет Михаил изо островов морских и сядет во Иерусалиме царём на 12 лет царствуя; и тогда пришёл сын пагубе из Капернаума послужит Михаилу царю во Иерусалиме и будет возлюблен Михаилу и будет у него в первых слугах. Михаил же не знает его, кто есть, а он Михаила знает и служит ему Божиим повелением; и егда ж приидет ему 11 лет Михаилу царствуя во Иерусалиме, тогда *сын пагубе* (антихрист. — Н. Б.) начнёт ходити по своей воли, проявляя своё царствие; егда ж приидет в 12 лето, тогда приидет царь Михаил на место Голгофы, идеже распятыя Господь наш, и на том месте с небеси пришёл крест станет на воздухе пред Михаилом; и снем Михаил с

себя венец и возложит на крест, все людем видящим, и воздев руце свои горе на небо и даст царство Богу и отцу.

И тогда сбудется пророчество Давидово, глаголюще: “в *последняя дни* (перед концом света. — Н. Б.) Ефиопия *варит* (опережает других. — Н. Б.) рука ея к Богу”; того ради Ефиопию нарече греческий, яко от племени Ефиопия Алимтияна сына Ефиопия ныне дщери Фола царя ефиопскаго, того ради реченно есть: “Ефиопия варит рука ея к Богу в *последняя дни*”.

И взыдет людем видящим и царь Михаил предаст дух свои в руце Господеву и уснёт сном вечным; и тогда воскричат вси людие горце вопиюще: “горе нам братие, яко уже погибохом; днесь заиде полуденное солнце”» (68, 128—129).

Заметим, что последний абзац в несколько изменённом, но вполне узнаваемом виде встречается в Житии Александра Невского (80-е годы XIII века). Слова о «закатившемся солнце» агиограф вкладывает в уста митрополита Кирилла, встречавшего во Владимире гроб с телом князя Александра Ярославича.

Эта мистическая картина преуспевания антихриста и трагической кончины «царя последних времён» наполняется конкретным содержанием в редакции, которую В. М. Истрин назвал «Интерполированной» за обилие в ней дополнительных сюжетов, отсутствующих в первоначальном составе Откровения Мефодия Патарского:

«*О Михаиле царе*. И в той час ангел Господень принесёт Михаила царя от Рима и положит во святей церкви Софии в алтаре. Христиане же беспрестани вопиюще: “Горе, горе нам, братие! яко до конца от измайлович погибаем!” Тогда царь Михаил возбудится от сна, и возьмёт меч свой и с яростию речёт: “дадите ми конь борз” и поиде против измайлович с великою яростию и нанесёт меч свой на них со гневом. Ангел же Господень, первое ходивый со измайловичи, обратится с Михаилом на них и разслабит сердце измаильтяном, яко воду, а телеса их, аки воск, растает и мужество их ни во чтоже будет: не возмогут бо стати против силы Божия и мнози избиени будут, аки скот, и от страха его погибнуть вси, аки вода. Разлучатся принуждени отъ них языцы, с ними ходивше: пришед, поклонятся царю Михаилу, глаголюще: “Царю Михаиле! умилостивися над нами; мы есмы пленницы и по неволе со измайловичи воююще, а не своею охотою”. Он же начнёт их отпущати во свояси. Измайловичи же разгнани будутъ, аки птичье стадо, и совокупятся на овчей купели, стануть во стремнинах и начнутъ вдавати с себя оружия и луки, рекущи сице: “Великий царю Михаиле! Бог было дал нам сие царство, а ныне его отья у насъ и преда его тебе”. И взявше злата и сребра много, и прешедше

поклонятся царю Михаилу, глаголюще: “Приидохомъ поклонится тебе, великому царю, и что нам повелиши, рабом твоим, яко въ руце твои вси есмы”. Тогда царь Михайло пороботит их христаном и жёны их и дети их всех под ярем греческий подклонит. И будет на них ярем греческий со вторицею (с удвоенной силой. — Н. Б.), объимет их беда и скорбь велика, будут алчни и жаднии, и работати начнутъ измаильтяне и жёны их и дети их, якоже преди рехом.

И будетъ Михайлова царства 33 лета: по всей земли не будет ратей и никоего мятежа и начнут ходити путём до Иерусалима и до Индеи, и во вся страны устроятся пути вящши первых лет, иже бе при первых летех и царех; поновят грады разорённый и церкви созиждут и патриарха устроят и митрополиты и попы. И объявятся вей кладове тогда, иже от Адама сокровены суть. Царь же Михаил начнёт давати людем богатство всякое, и обогатеют вси людие. Тогда не будет ни татя, ни разбойника, ни резоимца, ни клеветника, ни завистника, ни чародея, ни скомороха: престанет бо тогда всякое дело и будет радость и веселие и тишина велия.

И начнут пити и ясти и упиватися без меры, и не знати начнут отца и матери и блуд будут творити с родом своим. И разгневается на них Господь Бог гневом великим за их беззаконие, и повелит Господь Михаилу царю скрытися во едином острововъ морских. И внидет царь Михайло в корабль, и отнесёт его Бог во един от остров морских и пребудет в нём до уреченнаго ему времени» (133, 257—259).

Иван и Михаил

Нужно ли, недолго думая, отнести все эти подробности благого правления к фантазии поздних переписчиков Откровения? Или допустить древность этих картин, хотя и не подтверждённую документально? Привычная осторожность историка заставляет пойти по первому пути. Но есть одно соображение, позволяющее допустить как гипотезу и вторую версию. Легко заметить, что перечисление добродетелей правителя в этом списке весьма похоже на тот ряд добродетелей, за который современники хвалили другого «царя последних времён» — московского князя Ивана Калиту. В приписке к Сийскому Евангелию 1340 года писцы Мелентий и Прокоша ставят в заслугу уходящему в историю князю именно эти деяния. О них же свидетельствуют и другие источники времён Калиты. Князь Иван «иже исправи Русьскую землю от татей и от разбойник», прекратил надругательства «измайловичей» над Русью, установил «великую тишину», щедро раздавал людям своё богатство (5, 465, 561).

К этому остаётся добавить лишь одно: московский князь был младшим современником Михаила Тверского. Оба они жили в напряжённом ожидании Страшного суда. Оба читали или слушали рассказ Мефодия Патарского о «последних временах». Оба мечтали о «великой тишине» и «собрании Руси». Но судьба свела их как злейших врагов на узкой тропе единовластия.

Осознав себя историческим аналогом мистического героя — «Михаила, князя великого», Михаил Тверской строил жизнь с оглядкой на образ своего тезки. И не в этих ли пророчествах Мефодия Патарского, воспринятых нашим героем как откровения, он черпал мужество для героического самопожертвования в Орде?

Глава 3

ВРЕМЯ ПОЗНАНИЯ

Деньги поработили оружие.

Плутарх

Мир, в который пришёл младенец, наречённый в святом крещении Михаилом, жил по определённом укладу. То был уклад личной и семейной жизни, уклад политической борьбы и церковный уклад. Познание этих укладов — выражаясь научным языком «структур повседневности» — составляет основное содержание детских лет человека. Так было и с нашим героем. Первые 12 лет его жизни были временем познания мира. И надо сказать, что мир в ту пору был весьма суровым...

Бедствия Батыева нашествия не исцелили, а, напротив, усугубили нравственные недуги русского общества. Лучшие представители правящего класса погибли с оружием в руках. Выжили прежде всего ловкие и беспринципные, сумевшие переждать грозу в каком-нибудь медвежьем углу или у родственников за рубежом. Вернувшись, они быстро сумели поладить с чужеземцами. Такой же «естественный отбор» произошёл, вероятно, и среди простонародья. Из этого оскудевшего человеческого материала гнетущие обстоятельства выдавливали последние остатки благородства.

Следствием военного поражения стала утрата страной независимости. Внешний диктат пагубно воздействовал на экономическое, политическое и культурное развитие Руси. Однако едва ли не самым печальным в сложившейся ситуации стала моральная деградация. Ощущение безысходности, постоянное унижение порождали слепую злобу на того, кто находился рядом.

Беспринципные карьеристы — часто это были младшие отпрыски правящих семейств — добивались своих целей путём заискивания перед чужеземцами. Они годами жили в Орде, заводили там дружеские и родственные связи, усваивали привычки и образ жизни победителей. Говорят, что сам Александр Невский побратался с сыном Батыя Сартаком (62, 173).

В итоге князья возвращались домой с ханским ярлыком на искомое княжение и татарским отрядом в качестве почётного эскорта, а в некоторых случаях и силовой поддержки. В полной мере испытав на себе высокомерие победителей, Рюриковичи теперь с таким же высокомерием относились к собственному народу.

Всё на продажу

Летописцы стыдливо замалчивают такое позорное явление, как торговля людьми — своими собственными соотечественниками, православными христианами, взятыми в плен в ходе княжеских войн или иными путями утратившими свободу. Знаменитый проповедник второй половины XIII столетия епископ Серапион Владимирский горько упрекал сильных мира сего в том, что они «братью» свою продают «в погань», то есть язычникам-степнякам (7, 448). Заметим, что продажа своих соотечественников в рабство к чужеземцам была весьма выгодным делом. В удельную эпоху князья промышляли этим совершенно безнаказанно. Объединив Русь и сбросив власть Орды, Иван III ополчился и против этого «чёрного рынка». Судебник 1497 года предусматривает смертную казнь за «головную татьбу» — похищение людей с целью их продажи в рабство за рубеж (42, 218).

С приходом монголов жизнь превратилась в выживание. Бесконечные княжеские войны и татарские набеги опустошали целые области. Дороги наполнились нищими, леса — разбойниками, а реки — пиратами-ушкуйниками. Торговля между городами стала почти невозможной. Цена человеческой жизни стремительно падала, а о таких понятиях, как честь и достоинство, уже почти никто не вспоминал. Клятвы, скреплённые целованием креста, нарушались с необыкновенной лёгкостью.

И всё же главным пороком того времени современники называли сребролюбие. Людью овладела безграничная алчность. «Несытовьство имения (ненасытная жадность. — Н. Б.) поработи ны», — сетовал Серапион (7, 448). И на то были свои причины. Если до потери Русью независимости сила денег до некоторой степени умерялась воинской доблестью, силой традиции, правом рождения и престолонаследия, — то теперь она оказалась беспредельной. Всем распоряжалась Монгольская империя, в которой господствовал «золотой род» — потомки Чингисхана. В междоусобной борьбе за власть Чингизиды использовали различные инструменты, в том числе и золото.

За деньги в степях можно было купить многое, хотя и не всё. Не продавались земля и вода, воинская слава и удача, харизма лидера и доблесть. Но русским князьям при наличии денег можно было приобрести чужое княжение, а при их отсутствии — потерять собственное. С помощью

серебра князя и бояре выкупали своих попавших в плен подданных, а порой — родных и близких. Щедрый дары ордынским вельможам могли спасти провинившегося князя от ханского палача. При этом коренным монголам торговля и связанные с ней товарно-денежные отношения казались чем-то низменным и даже позорным. Поручив это дело другим народам, они продолжали своё тысячелетнее кружение по Великой Степи, как дети, забавляясь пёстрыми подарками своих вассалов. Старики со вздохом вспоминали то время, когда монголы, завоевав Северный Китай, отливали из награбленного серебра кормушки для своих коней...

Но у Руси были свои воспоминания и свои проблемы. В стране, не располагавшей в ту пору собственными серебряными рудниками и золотыми приисками, единственным источником поступления этих металлов была внешняя торговля. Помимо *челяди*, то есть рабов, основным предметом продажи служили природные богатства Руси — мёд, воск, а главное — «мягкое золото», пушнина. Однако важнейшие районы добычи ценных сортов меха (соболя, горностая, песца) находились далеко на севере и жёстко контролировались новгородскими боярскими кланами.

Знать или не знать?

Во второй половине XIII века русская знать потеряла свой прежний блеск и превратилась в крохоборов у ханского стола. Стремление выжать деньги из тех, кто стоял ниже на социальной лестнице и не имел средств для защиты, становилось основным мотивом поведения правящей элиты. Люди, находящиеся на вершинах мира, всегда служили простым смертным образцом для подражания как в добродетели, так и в пороке. Их эгоизм и алчность, как зараза, быстро распространились и в других слоях общества. Домонгольское прошлое со всеми его невзгодами и неурядицами казалось теперь «золотым веком нравственности» (95, 339). Однако возврата к нему уже не было...

В одной из своих проповедей, произнесённой около 1275 года, Серапион Владимирский сравнил поведение татар и русских князей. И сравнение это оказалось не в пользу князей:

«Погании бо, закона Божия не ведуще, не убивают единовѣрных своих, ни ограбляют, ни обадят (обвиняют. — *Н. Б.*), ни поклеплют, ни украдут, не запрятыся (зарятыся. — *Н. Б.*) чужаго; всяк поганый брата своего не продасть; но кого в них постигнет беда, то искупить его и на промысл (жизнь. — *Н. Б.*) дадутъ ему; а найденая в торгу проявляют; а мы творимся, вернии, во имя божие крещени есмы и, заповеди его слышаще, всегда неправды есмы исполнени и зависти, немилосердыя; братью свою ограбляем, убиваем, в погань продаём; ободами (доносами. — *Н. Б.*), завистью, аще бы мощно, снели друг друга, но вся Бог боронит. Аще велможа или простой, то весь добытка жалает, како бы обидети кого» (7, 454).

Однако не следует думать, будто татары сознательно перестраивали русский мир по своим правилам и представлениям. Напротив. Подобно другим строителям варварских империй древности, Чингисхан не вмешивался во внутреннее устройство покорённых народов. Насладившись кровавым пиром победителей, он требовал от побеждённых в знак покорности уплачивать ежегодную дань и при необходимости посылать своих воинов в походы вместе с монголами. Та часть местной правящей верхушки, которая изъявляла покорность завоевателям, сохраняла свои права и привилегии.

Следуя заветам «Потрясателя Вселенной», потомки Чингисхана

продолжали его имперскую политику. Суть этой политики, её тайная энергетика — в сочетании безумной мечты о завоевании мира с эффективной технологией власти. «Религией монголов и высшей целью является достижение могущества и господства над миром» (148, 16).

Что же касается русской знати (ибо о жизни простого народа в эту эпоху мы не знаем практически ничего), то она в монгольском имперском проекте могла рассчитывать лишь на второстепенную роль. Русские князья долгое время вообще не могли понять, куда влечёт их ход событий. Не зная, как поступить, они делали вид, будто ничего серьёзного не произошло. Они убеждали себя в том, что можно жить по-старому и рассматривать татар как новых половцев. Вынужденные как-то реагировать на новые вызовы, они шли по пути морального падения и умственной деградации.

«Со смертью Андрея Александровича (1304 год), — пишет английский исследователь средневековой Руси, — умерла целая эпоха. На землях Руси, раздираемых феодальными сварами, пришёл конец эры, по-видимому, крайней, свинцово-мрачной безнадёжности и бесцельности, когда правители как будто утратили всякие ориентиры. Это был конец эпохи хаоса разъединённости, раздробленности, слабосильных стремлений, военной неподготовленности и беспомощности. Слабость Руси XIII столетия была вызвана не столько внешними факторами или так называемым *татарским игом*, сколько преступным консерватизмом, органически присущим правившим княжеским родам, их нежеланием и неспособностью изменить устаревший, трещавший по всем швам порядок, вопиющей бездарностью большинства князей. К 1304 году великий князь на Руси имел меньше авторитета и меньше реальной власти в вопросах общенационального значения, нежели когда-либо прежде. Бывшая Киевская империя лежала в развалинах. Она была в прошлом, и значительно позднее наступит время, когда её станут оплакивать и вспоминать о ней с сожалением и какой-то ностальгией. Юго-Западная Русь была целиком обращена к Восточной Европе и к концу столетия почти не имела связей с Суздальской землёй. Нигде не обнаруживалось и намёка на процветающую экономику. Исключение — Новгород. Единственно известные связи с внешним миром, помимо торговых отношений с Востоком, осуществлялись либо новгородскими и в меньшей степени смоленскими купцами с Западом, либо православной церковью с измученной и грозящей вот-вот рухнуть Византией, да и то очень редко и нерегулярно. Всякому, кто обладал бы в то время знанием общего положения дел, могло показаться, что у Руси (или скорее у Суздальской земли и Новгорода) есть только два возможных варианта будущего. Первый

— быть физически подавленной Кипчакской ордой, впасть в политическое забвение (подобно Киеву и Чернигову после 1240 года) и в конце концов быть поглощённой растущей и агрессивной Литвой. Второй — возродиться под руководством твёрдого и решительного правителя или княжеского рода, который сумел бы использовать политику татар, а не просто уповал бы на ханов как своих военных союзников, подобно своим предкам, полагавшимся на половцев» (137, 208).

Уважая знания специалиста, заметим, однако, что в этой картине гораздо больше категоричности и пессимизма, нежели позволяют данные источников. Но общие контуры схвачены верно...

Правила Батыея

Завоевав Северо-Восточную Русь в 1237—1239 годах, Батый ещё два года продолжал свой поход в Европу. Затем его внимание переключилось на борьбу вокруг трона великого хана в Монголии. И только два или три года спустя он нашёл время для русских дел. В сбивчивой хронологии этих страшных лет всплывает горькое признание летописца: «И оттоле нача работати Руская земля татаром» (32, 114; 33, 92). Иначе говоря, с этих времён Русская земля попала в рабство к татарам. Трудно выразить точнее и короче суть того двухвекового страдания Руси, которое историки назовут *татаро-монгольским игом*.

Власть Орды над Русью отчеканилась в трёх уставах. Во-первых, Батый собрал одноразовую контрибуцию с покорённых земель, размер которой был примерно равен традиционной «десятине» — десятой части всего богатства. Во-вторых, в 1243 году он вызвал в свою ставку уцелевших во время нашествия русских князей и велел им платить ежегодную дань. В-третьих, он объявил, что сохраняет за Рюриковичами их право на родовое владение русскими землями. Это положение соответствовало представлению самих монголов о том, что верховная власть над миром принадлежит всему «золотому роду» потомков Чингисхана.

Наконец, в «русском улусе» сохранялся традиционный «лествичный» (от древнерусского «лествица» — лестница) порядок наследования великокняжеской власти — от брата к брату. В случае кончины великого князя Владимирского его титул, а вместе с ним права и обязанности, земли и доходные статьи переходили к следующему по старшинству родному брату умершего. В конце концов, владимирский венец получал младший из братьев. Когда братьев уже не оставалось, титул переходил к следующему поколению — старшему сыну старшего брата.

Эта на первый взгляд ясная и логичная схема родового владения Русью и властного преимущества старшего в роде таила в себе капкан безысходности. Она не позволяла сосредоточить власть и землю в руках одной княжеской семьи и, умножая этот потенциал, передавать его по наследству от отца к сыну и внуку. Некоторые историки считают её главным препятствием на пути объединения страны (137, 209).

Установленные Батыем правила в принципе могли стать основой для

мирного существования Руси в рамках старых политических форм. Однако изменчивая реальность не укладывалась в старые схемы. Прежде всего стабильность властных отношений в правящей верхушке разрушал демографический фактор. Рюриковичей становилось всё больше и больше. Соответственно, размеры их наследственных вотчинных владений уменьшались, а княжеские споры становились всё более ожесточёнными. Быстрому размножению князей способствовало и традиционное русское добродушие. На Руси в отличие от Орды или Византии очень редко применяли такие «азиатские» методы борьбы за власть, как отравление или ослепление соперников, поголовное уничтожение целых семейств.

Спасаясь от нищеты, мельчавшие князья искали новых земель. Но возможности территориальной экспансии для правителей Северо-Восточной Руси были ограничены. На юге их останавливали кочевники Дикого поля, на востоке — дремучие леса Заволжья, на севере — тайга и Ледовитый океан, на западе — сильные государства и государственные образования — Литва, Польша, Венгрия, Ливонский орден, Швеция. Русские князья питали надежду при помощи татар расширить свои владения на западе. Но жизнь показала, что завоевательная энергия степняков уже иссякла. И в качестве неуправляемых союзников они приносили Руси больше неприятностей, чем успехов.

В итоге главным и почти единственным источником расширения своих владений и пополнения своей казны для потомков Всеволода Большое Гнездо стал бесконечный передел одних и тех же земель. Новых территорий практически не прибавлялось. Так, например, Тверское княжество, распадаясь на уделы, практически не меняло общих границ за весь период своего существования.

Но если мельчавшие князья могли спорить и долгие годы враждовать из-за какой-нибудь пограничной волости, то для первого ряда Рюриковичей главным призом в бесконечных усобицах был златоглавый Владимир...

Титул великого князя Владимирского являлся прерогативой старшего по династическому счёту среди потомков Всеволода Большое Гнездо. Обладатель этого титула был своего рода старостой княжеского сообщества. Младшие князья должны были чтить его как отца, держать «в отца место». Великий князь Владимирский выступал и как судья в княжеских спорах, и как предводитель боевых сил региона. С приходом татар он получил и ещё одну обязанность: обеспечивать своевременный сбор ордынского «выхода» с русских земель и его доставку к ханскому двору. Новая обязанность подразумевала и новые права. В принципе только великий князь Владимирский имел право обращаться к хану по различным

вопросам общерусского значения. Но на практике это правило часто нарушалось.

Сложные формулы отношений между Рюриковичами с середины XIII века ещё более усложнялись наличием двух переменных величин. *Первая* — произвол Орды, желание хана по той или иной причине продвинуть вперёд одного князя и задвинуть другого. Впрочем, Чингизиды не злоупотребляли своей верховной властью и старались сохранить в «русском улусе» традиционные порядки. Для острастки они периодически устраивали кровавые расправы над князьями, уличёнными или заподозренными в каких-то тяжких преступлениях перед ханом. Первопричиной таких расправ обычно был донос кого-нибудь из соперников. Доносчик получал «продвижение по службе» — новые владения или даже великое княжение Владимирское — и военную помощь для утверждения в новом качестве.

Второй переменной величиной было признание (или непризнание) князя в Великом Новгороде. В принципе ещё в предмонгольский период новгородское княжение стало прерогативой великого князя Владимирского, который осуществлял свои функции (военные, судебные, организационные) либо лично, либо через своих наместников — сыновей или младших братьев. Однако Новгород всегда имел особый статус как «банк всея Руси». Большие денежные средства, которыми располагала новгородская знать, позволяли ей в условиях ослабления великокняжеской власти требовать возвращения к *старине* — свободному приглашению на новгородский стол любого из Рюриковичей. Деньги и связи среди сарайского купечества позволяли новгородцам заручиться благожелательным отношением хана к их политическим пожеланиям. В целом же Орда придерживалась нейтралитета в новгородских спорах. В этих условиях признание князем в Новгороде могло принести соискателю великое княжение Владимирское, а его отсутствие — лишить князя и того, что он имел.

«Обладание княжой властью в Великом Новгороде стало самостоятельным фактором в борьбе за и против великокняжеской власти, открывая господину Великому Новгороду широкие перспективы как влияния на эту борьбу, так и развития в её условиях своего “народоправства” путём закрепления за новгородцами вынужденных уступок со стороны княжеской власти» (102, 68).

Великий князь Владимирский мог использовать свои связи в Орде для запугивания новгородцев угрозой татарского нашествия. Так действовал, например, отец нашего героя Ярослав Ярославич Тверской в 1270 году.

Вдобавок к своим собственным полкам он призвал для похода на Новгород ордынское войско. Опасаясь сражаться с ордынцами, новгородцы вступили на извилистую тропу дипломатии. Они привлекли на свою сторону Василия Костромского, младшего из сыновей Ярослава Всеволодовича.

Василий Костромской

Жизненный опыт ребёнка складывается из примеров поведения окружающих его взрослых в той или иной ситуации. Постепенно накапливаясь, этот опыт определяет поведение повзрослевшего человека. Так складывались и поведенческие стратегии князя Михаила Тверского.

Главным ориентиром для сына служит поведение отца. Судьба лишила Михаила этого маяка. Отсюда — особая роль матери и вообще «женского начала» в характере будущего святого. С возрастом к нему были приставлены воспитатели из круга ближних бояр. Вероятно, это были достойные и опытные в своём деле люди. Но отдавая им должное, Михаил всегда помнил о своём княжеском «гнезде». Там были его мерка, его идеал. Отыскивая образцы для подражания в тогдашнем княжеском сообществе, он неизбежно должен был внимательно присмотреться к двум незаурядным личностям — сводному брату Святославу и дяде по отцу Василию Костромскому.

Василий Ярославич Костромской, младший брат Александра Невского, — одна из самых оригинальных и загадочных фигур русской истории второй половины XIII столетия. В год кончины Василия Михаилу Тверскому было всего пять лет. Но воспоминания об этом человеке, сохранявшиеся в анналах тверского двора, волновали его воображение и служили одним из нравственных ориентиров.

Герой всегда приходит неожиданно. До его внезапного и дерзкого выступления против старшего брата Ярослава Тверского в защиту новгородцев Василий Костромской слыл среди княжеской братии неудачником. Ему было уже за тридцать, но на его личном счету всё ещё не значилось ни громких подвигов, ни заслуживающих памяти деяний. В сообщении о его кончине (1276 год) летописец утверждает, что Василий был «незлюбив и прощателен к согрешающим к нему» (17, 153). То есть он был добродушным и не помнил зла. Однако можно ли историку полагаться на этикетные похвалы некролога?

Но даже если Василий и вправду был «незлюбив и прощателен», то это отнюдь не те качества, которые гарантируют правителю входной билет в историю. В обществе людей, привыкших даже мелкие имущественные споры решать судебным поединком («полем»), доброта и всепрощение могли вызвать лишь насмешку. Этой монетой современники и

расплатились с Василием Костромским. Они дали добряку презрительное прозвище *Квашня* (147, 264).

Добродушный Василий Костромской, кажется, не был книгочеем и, во всяком случае, не завёл собственного летописания (94, 66). Видимо, его мало интересовали такие вещи, как историческая репутация и память потомков. В результате Кострома в нашей истории молчит, как немая на церковной паперти. А сам Василий за пренебрежительное отношение к летописям — тогдашним «средствам массовой информации» — получил от историков суровый приговор. «Кратковременное великое княжение Василия Ярославича (ум. 1276) — бледная страница в летописной традиции, ничем характерным не отмеченная, кроме новгородских дел» (102, 74).

Мотивы, которые мы сочиняем...

В 1266 году Василий Костромской женился, а в 1270 году, словно проснувшись после долгого сна, в полный голос заявил о себе, решительно вмешавшись в тяжбу Ярослава Ярославича с новгородцами. Причины этого пробуждения могли быть самыми разными. Заметим, что вопрос о мотивах поступков исторических лиц — самый неприятный для историка. Столкнувшись с этим вопросом, он обычно ведёт себя так, как воспитанный человек, увидевший посреди тротуара след утренней прогулки собачки: либо осторожно обходит его, делая вид, что не замечает, либо произносит какую-нибудь обличительную тираду...

Итак, мы не знаем мотивов, по которым Василий Костромской, подобно позднему Даниилу Московскому, вдруг развернул бурную деятельность и стал привлекать к себе внимание летописцев. Но должность историка заставляет нас всё же высказаться на сей счёт..

Возможно, Василий услышал зов проснувшегося честолюбия. Князь спохватился, что уже достиг тридцатилетия — возраста, в котором Илья Муромец слез с печи и отправился совершать свои подвиги, — и почувствовал жажду деятельности. Эти внезапные приступы недовольства собой и своим положением случаются у людей незаурядных. Светоний рассказывает, как однажды Цезарь пережил нечто подобное, увидев в храме Геркулеса в Гадесе статую Александра Великого. «Он вздохнул, словно почувствовав отвращение к своей бездеятельности, — ведь он не совершил ещё ничего достопамятного, тогда как Александр в этом возрасте уже покорил мир, — и тотчас стал добиваться увольнения, чтобы затем в столице воспользоваться первым же случаем для более великих дел» (134, 9—10).

Нашему скромному герою, конечно, далеко и до Ильи Муромца, и тем более до Цезаря. Но жажда славы тускло мерцает в каждом из нас. Ветер судьбы может раздуть её слабый огонь в яркое пламя...

А может быть, открыв однажды наугад Священное Писание — таким способом спрашивал совета у Небес ещё его знаменитый тёзка Владимир (в крещении Василий) Мономах, — Василий Костромской словно в первый раз прочёл одну из заповедей блаженств: «Блаженны миротворцы...» И будучи человеком глубоко религиозным, воспринял её как императив поведения.

А может быть, этот добрый человек был растроган слезами своих новгородских родственников по линии матери, умолявших его вмешаться и предотвратить затеянный Ярославом Ярославичем Тверским поход татарского войска на Новгород...

Как бы там ни было, но Василий широким шагом выходит из безвестности. Вместе с новгородскими послами он отправился в Орду с жалобой на старшего брата. Там они убедили хана Менгу-Тимура (1266—1280) в незаконности действий Ярослава в Новгороде.

Любой успех в Орде отливал серебром. Вероятно, в дело пошли придворные связи и тяжёлые кошельки новгородских купцов. Благоклонно прислушавшись к этим аргументам, хан приказал вернуть с полпути уже отправленное на помощь Ярославу татарское войско. Кажется, это был единственный случай подобного рода. Орда не любила менять свои решения, считая такие перемены признаком слабости.

Подробности этой удивительной истории столь же неизвестны, сколь и мотивы поведения Василия Костромского. Но так или иначе, а затея Ярослава Тверского провалилась. Трагедия века — погром Великого Новгорода татарами — не состоялась. Сказочный *младший сын* слез со своей костромской печи и сотворил чудо...

Василию Костромскому, кажется, понравилось быть на виду и совершать смелые поступки. Взойдя на великое княжение Владимирское после кончины Ярослава Ярославича Тверского (1272), он потребовал от новгородской знати восстановить те привилегии и доходные статьи княжеской власти, которые были отменены при Ярославе:

«Князь великий Василий, сед на великое княжение, посла в Новгород наместники своя и повеле грамоты брата своего Ярослава отринута, рекий (сказав. — *Н. Б.*): “Не по делу вынудили грамоты у брата моего, чего ся испокон не повелось, суд у князя и дань чёрную отъемлете и печерскую”» (129, 50).

Видимо, Василий полагал, что новгородцы в неоплатном долгу перед ним за ордынское дело. Но старая истина гласит: «Оказанная услуга не стоит ни гроша».

Новгородцы отказались исполнить требования своего вчерашнего благодетеля и, порвав с ним всякие отношения, пригласили на княжение его племянника Дмитрия Переяславского. Тот согласился и поехал в Новгород. Узнав об этом, оскорблённый Василий послал в погоню за племянником своего воеводу Семена, а сам, бряцая оружием, двинулся из Владимира к столице своего соперника — Переяславлю (17, 151).

Василию Костромскому не удалось тогда захватить Дмитрия

Александровича — этого, по мнению некоторых историков, «лучшего из русских военачальников того времени» (137, 178). Однако костромской князь начал планомерное наступление на Новгород как военной силой, включая татар, так и экономическими мерами — блокадой новгородских товаров. Это сильное средство воздействия на Новгород, изобретённое ещё Юрием Долгоруким, с успехом применяли многие владимирские князья.

Партия без партнёра

Вечная аналогия политике — шахматная доска. Политическая история Северо-Восточной Руси во второй половине XIII века, какой её представляют скудные летописные известия этого периода, напоминает странную шахматную партию. Историк тщетно пытается понять смысл отдельных ходов, которые совершают партнёры, при том, что вся партия, вся расстановка фигур на доске остаётся ему неизвестной...

Итак, предоставим слово современному исследователю тверской истории:

«Между тем Василий Ярославич не был удовлетворён таким поворотом дел: он собрал против Переяславля войска и напал на пограничный новгородский город Торжок. В то же время Святослав Ярославич Тверской, будучи союзником великого князя, атаковал новгородские «пригороды» Волок Дамский, Бежицы и Вологду. Войска обоих князей при этом явно были поддержаны татарскими отрядами. Помимо этого в Твери и Костроме посадили в тюрьму новгородских торговых людей и отняли их товары; в Новгород был прекращён подвоз зерна» (72, 71).

И снова парадокс мотивации или словно вывернутая наизнанку логика поведения. Василий Костромской был в ссоре с Ярославом Тверским из-за сорванного похода татар на Новгород. И вот теперь вопреки всему сын Ярослава Тверского Святослав вдруг — словно забыв недавнее прошлое — стал союзником Василия Квашни...

Обязанность историка — всё понимать. Или по крайней мере делать вид, что ему всё ясно. Для объяснения мотивов, по которым историческое лицо совершает те или иные поступки, у историка есть два «ключа»: *ключ греха* и *ключ добродетели*. Пользуясь первым, историк объясняет действия своего героя разного рода низменными мотивами — алчностью, властолюбием, тщеславием, завистью и т. д. Этот подход можно определить как своего рода «презумпцию виновности». Соответственно, второй подход — «презумпция невиновности». Опасаясь прослыть наивным, современный историк пользуется почти исключительно *ключом греха*. Однако в реальной жизни линия поведения каждого человека выстраивается как равнодействующая этих двух мотивов. Весь вопрос — в

их соотношении в каждом конкретном случае. Разумеется, точно определить это соотношение не в силах даже и сам действующий субъект. Ведь нередко мы и сами не вполне понимаем мотивы своих поступков, доверяясь таинственному «внутреннему голосу» или непознанным законам подсознания.

Но, как бы там ни было, историкам следует помнить суждение С. М. Соловьёва: «Мы считаем непозволительным для историка приписывать историческому лицу побуждения именно не нравственные, когда на это нет никаких доказательств» (124, 198).

За три века до Соловьёва на ту же тему высказался Монтень: «Я вижу, что большинство умов моего времени изощряется в том, чтобы умалить славу прекрасных и благородных деяний древности, давая им какое-нибудь низменное истолкование и подыскивая для их объяснения суетные поводы и причины.

Велика хитрость! Назовите мне какое-нибудь самое чистое и выдающееся деяние, и я берусь обнаружить в нём, с полным правдоподобием, полсотни порочных намерений. Одному Богу известно, сколько разнообразных побуждений можно, при желании, вычитать в человеческой воле! Но любители заниматься подобным злословием поражают при этом не столько даже своим ехидством, сколько грубостью и тупоумием» (93, 213). Простейшее объяснение событий с помощью *ключа греха* очевидно: Святослав пошёл на союз с Василием Костромским для совместной победы над Новгородом. Новгород — вот главный враг Твери. Господство в Новгороде — главная цель её политической стратегии. Новгород должен стать на колени перед стольным Владимиром, а в конечном счёте — перед Тверью. Таков был завет Ярослава Ярославича, принятый к исполнению его сыновьями.

Заметим, что борьба вокруг Новгорода и борьба боярских партий в самом городе составляют основное содержание политической истории Северо-Восточной Руси во второй половине XIII столетия. В этой борьбе у каждого из князей были свои методы и своя стратегия. Будущее показало, что прямолинейная, силовая стратегия тверской политики по отношению к Новгороду таила в себе опасность грядущей катастрофы. «Банк всея Руси» умел мстить своим обидчикам. Но кто из смертных может заглянуть в будущее?

Пользуясь же *ключом добродетели*, мы скажем, что Святослав Тверской вступил в союз с врагом своего отца Василием Костромским, исходя из принципа легитимности, нарушение которого вело Северо-Восточную Русь к хаосу и разрухе. Это был для него тяжёлый морально, но

необходимый шаг. Со временем Михаил Тверской поймёт: брат Святослав дал ему полезный урок столь редкой в политике принципиальности.

Новгородский выбор

Новгородцы — вероятно, ссылаясь на старинную «вольность в князьях» — не оставили своих планов относительно приглашения на Волхов молодого и энергичного Дмитрия Переяславского. Они развернули действия на двух направлениях — дипломатическом и военном. Новгородское посольство отправилось для переговоров к Василию Костромскому, надеясь уговорить его признать Дмитрия Переяславского новгородским князем. Тот принял послов во Владимире дружелюбно, но никаких уступок не обещал. Между тем новгородцы во главе с Дмитрием Переяславским собрали войско и двинулись в сторону тверских владений. В Твери воцарилось тревожное ожидание. Однако дойдя до Торжка, новгородские ополченцы по неизвестной причине возмутились и стали требовать прекращения похода.

Эта история весьма напоминала столь частый в истории Древнего Рима мятеж пограничных легионов, вызванный трудностями службы или переменой политической погоды в столице. Подхваченный волной солдатского гнева полководец мог на этой волне взлететь к вершинам императорской власти — или погибнуть под копьями легитимистов. Новгородским «легионерам» явно не хотелось идти на Тверь или штурмовать хорошо укрепленный Торжок, в котором Василий Костромской уже успел посадить своего наместника и поставить гарнизон.

Эти происходящие на скудно освещённой летописями исторической сцене события сопровождались манёврами закулисного характера. Реальная политика всегда делается в тишине и за кулисами, оставляя простакам мишуру речей и фанфары мнимых побед.

Как и Святослав Тверской, Василий Костромской имел возможность жёстко перекрывать новгородцам торговый путь по Волге. География была его союзником. Кострома стоит у впадения в Волгу реки Костромы, верховья которой уходят на север и сходятся с правыми притоками Сухоны. По реке Костроме новгородские промышленники вывозили на Волгу пушной товар из Подвинья и всего необъятного Русского Севера. Эта колониальная торговля приносила Новгороду основные доходы.

Однако новгородское предпринимательство было разнонаправленным. Соответственно, единое мнение Новгорода по тому или иному общезначимому вопросу (о котором сообщает летописец) всегда было

результатом компромисса между делившими рынки боярскими кланами. Механизмы этого компромисса оставались в тени. Можно лишь уверенно утверждать, что огромную роль в новгородском обществе играли личные отношения, родственные связи, традиции и обычаи.

Итак, после ожесточённой закулисной борьбы новгородцы определили свой выбор. Перевес получили те, кто не хотел терять доходы, втягиваясь в затяжную и дорогостоящую войну с Василием Костромским и Святославом Тверским. В Твери вздохнули спокойно...

В спорах русских князей и даже в борьбе новгородских боярских кланов большое, а зачастую и решающее значение имела позиция Орды. В рассказе о войне Дмитрия Переяславского с Василием Костромским и Святославом Тверским летописец не упоминает об Орде. Однако именно ханские императивы служили первопричиной этой усобицы. Весьма убедительно выглядит реконструкция ордынского фактора событий в Новгороде, предложенная современным историком:

«Внешний ход событий 1272 г. как будто возвращает нас в те времена, когда не существовало признания великокняжеского суверенитета, а приглашение князя осуществлялось по принципу “вольности в князьях”. Однако в действительности борьба 1272 г. полностью основывается на приятии великокняжеского суверенитета как основы новгородского княжения. И Дмитрий, и Василий были законными наследниками власти умершего Ярослава. Ещё в 1269—1270 гг. они оба совершают с Ярославом поездку в Орду, где вопрос о преемниках Ярослава был решён в духе старой политики Гююка: Василий Ярославич наследовал великое княжение, оставаясь только костромским князем; Дмитрий Александрович получал Владимир, но не великое княжение. Проблема княжеского суверенитета над Новгородом после смерти Ярослава Ярославича была осложнена, за Новгородом оставалось право выбора между суверенитетом Владимира, которым владели и Александр Невский, и Ярослав Ярославич, и суверенитетом номинальной великокняжеской власти. По существу выбор князя в данном случае зависел главным образом от исхода той усобицы, в которую вступили оба наследника Ярослава» (150, 224).

Борьба за великое княжение Владимирское отражалась и на смене действующих лиц на политической сцене Новгорода. На Волхове в 1272 году произошла смена посадников: вместо сторонника князя Дмитрия посадника Павши Онаньинича к власти пришёл Михаил Мишинич. Однако правил он недолго и в том же году уступил место Павше, который съездил к новому великому князю Василию Ярославичу в Кострому и сумел

наладить с ним добрые отношения.

Трезвый расчёт подсказал новгородцам окончательное решение спора о князьях. Признание новгородским князем Василия Костромского сулило больше политических выгод. Ещё недавно тепло встречавшие Дмитрия Переяславского на Волхове «золотые пояса» теперь холодно отказались от его услуг и предложили князю убраться восвояси.

Но сына Александра Невского трудно было удивить политическим цинизмом. Он уходил, чтобы вернуться. Уже достаточно опытный политик, Дмитрий простился с новгородцами «со слезами на глазах». Хлопать дверью или сжигать мосты в тонкой политической игре всегда было дурным тоном.

«И съступися Дмитрии стола волею и поиде прочь с любовью» (5, 322).

Он уехал в свой родной Переяславль. Там его утешением стала Псалтирь — вечная спутница проигравших. Рассеянно поглядывая из оконца своего терема на позолоченные низким вечерним солнцем просторы Плещеева озера, Дмитрий слушал мудрые наставления царя Давида. «Блажен человек, которого вразумляешь Ты, Господи, и наставляешь законом Твоим, чтобы дать ему покой в бедственные дни, доколе нечестивому выроется яма!» (Пс. 93: 12). Князь слушал, повторял, мысленно соглашался... и с нетерпением ждал нового поворота колеса фортуны.

Горькая чаша

Осенью 1273 года умер глава новгородского боярского правительства архиепископ Далмат, а зимой скончался и посадник Павша.

По случаю столь важных перемен князь Василий Костромской лично приехал в Новгород. Вероятно, при его прямом участии новым посадником стал Михаил Мишинич, а кандидатом на архиепископскую кафедру назван был духовник умершего владыки Климент. Для утверждения на кафедре тот отправился к митрополиту Кириллу в Киев. Вся эта эпопея завершилась лишь 2 августа 1276 года, когда новый владыка был торжественно возведён на кафедру в новгородском Софийском соборе.

В январе 1277 года в возрасте тридцати пяти лет Василий Ярославич Костромской скончался. В качестве великого князя Владимирского (1272—1276) он отличился терпением и осторожностью. Благодаря этим качествам Василий спокойно провёл последние отведённые ему судьбой годы (147, 264).

За благоволение Орды князьям приходилось платить горьким унижением в ханской ставке. Впрочем, некоторые чувствовали себя в Орде как рыба в воде. Но такие перерождения удавались не каждому. Думается, что для Василия Костромского Орда была «горькой чашей», испить которую он был принуждён обстоятельствами. Об одной из таких поездок источники сохранили относительно подробный рассказ. В 1275 году Василий, как обычно, отправился к ханскому двору для доставки очередного ордынского «выхода» — дани с русских земель. Это была его прямая обязанность как великого князя Владимирского. Однако на этот раз в Орде Василия ожидали серьёзные неприятности. Подробности этого вояжа сообщает в своей «Истории Российской» историк середины XVIII столетия В. Н. Татищев:

«Князь великий Василей поиде во Орду к хану. Егда прииде князь великий во Орду и принесе дань урочную со всея земли по полугривне с сохи, а в сохе числиша 2 мужи работнии, и дары многи, и выход особ, и хан прият его с честью, но рече: “Ясак мал есть, а люди многи в земли твоей. Почто не от всех даеши?” Князь же великий отъимаяся числом баскаков прежних. И хан повеле послати новы численники во всю землю Рускую с великими грады, да не утаят люди» (129, 51).

(Соха — условная величина площади, размеры поля, которое может

быть обработано за сезон. *Полугривна* — денежная единица, предположительно равная рублю. *Ясак* — дань. *Численники* — чиновники налогового ведомства, проводившие *число* — перепись населения).

Анализ этого известия на фоне других отрывочных данных о финансовой системе и величине налогов в ту эпоху позволяет утверждать, что «ордынская дань» в размере одного или двух рублей в год — это настоящий грабёж, практически не оставлявший населению деревень и городов возможностей не только для расширения производства, но и для обычной жизни» (78, 85).

Хан Менгу-Тимур не бросал слов на ветер. Летописи не сохранили приведённый Татищевым разговор хана с великим князем Василием Костромским, но подтверждают сам факт второй переписи в 1275 году (17, 152).

У Василия Костромского не осталось мужского потомства. (Возможно, именно бездетность позволяла тем князьям, которых судьба отметила этой горестной печатью, быть умереннее в своих притязаниях).

Разделив судьбу многих выморочных владений, Костромское княжество вошло в состав великого княжения Владимирского. Несколько лет спустя князья договорились возродить Костромское княжество и отдать его сыну великого князя Дмитрия Переяславского Ивану. Статус этого пожалования остался неясен. Иван скоро умер, также бездетным, и унёс с собой в могилу эту маленькую тайну. Позднее Костромой некоторое время правил сын Даниила Московского Борис. Статус его пребывания в Костроме также неизвестен.

Таким образом, Василий Квашня был первым и последним полновластным князем тускло мерцающего в глубине XIII столетия Костромского княжества. Не оставив наследников, он сошёл в тёмные подвалы отечественной истории. Памятью о нём осталась лишь его любимая икона Фёдоровской Божьей Матери, которую ещё и в мои времена можно было увидеть в церкви Воскресения на Дебре в Костроме...

Чёрное солнце

Старый поклонник Костромы, я позволю себе немного задержаться на этом сюжете. Воспоминания уносят меня в «застойные 70-е». Золотое кольцо России с его наскоро отреставрированными достопримечательностями и спартанскими гостиницами призвано было утолить столь свойственное русским людям стремление к неведомым берегам. Профсоюзы, «школа коммунизма», щедрой рукой оплачивали культурно-просветительные мероприятия. И среди них едва ли не самое любимое — автобусные экскурсии в старые русские города. В дороге каждый находил себе занятие по душе. Интеллигенция, «инженерно-технические работники», сонно внимали краеведческой чепухе, которую заученно нёс в охрипший микрофон экскурсовод. А на задних сиденьях рабочий класс уже позвякивал стаканами и начинал бессмертную песнь про парней на улицах Саратова...

Но Кострома... Да, Кострома с её кустодиевскими торговыми рядами, ветхими деревянными особняками на веером расходящихся тихих улицах, широкими плёсами Волги и, конечно, — вознесённой над береговым обрывом гостиницей «Русь»... Эта Кострома была моей любимой экскурсией...

Среди многочисленных достопримечательностей Костромы Фёдоровская икона занимала особое место. Говорили, что это единственная чудотворная икона, оставшаяся в действующем храме. Уже самый храм, в котором поместили после долгих мытарств знаменитую икону, — церковь Воскресения на Дебре — вызывал уважение своей трёхсотлетней древностью и какой-то особой пряничной красотой. Спустившись по кособогу вдоль узкого переулка, я приходил вечерами сюда, чтобы подышать старинными запахами, полюбоваться отблесками свечей на серебре и золоте окладов, погрузиться в радостный мир православного богослужения.

В сумраке низких папертей, с трёх сторон окружающих храм, теплились одинокие лампадки. В их трепетном свете можно было рассмотреть всевозможную церковную утварь, снесённую сюда из разорённых костромских церквей. А со стен смотрели темноликие святые и грозные ангелы Апокалипсиса.

Храм был практически двухэтажным. Снизу на паперть вела широкая

лестница, на ступенях которой штатные нищие настойчиво взывали к сочувствию посетителей. А в самом храме словно забытые каким-то давним веком старушки дребезжащими голосами тянули акафист.

«Фёдоровская» помещалась под вызолоченной сенью на почётном месте справа, близ иконостаса. Обычно здесь стояла очередь желающих приложиться к святыне. Время покрыло знаменитую икону непроницаемой чернотой. И лишь силуэт Богородицы с младенцем, словно вырезанный из тьмы позолоченным окладом, сохранял свои благородные очертания. В этом сочетании сверкающего золотом оклада и глубокой, ночной черноты самой иконы было нечто древнее и грозное...

Реставраторы уверяют, что «Фёдоровская» — точнее, её лицевая сторона, ибо на обороте хорошо сохранился образ Параскевы Пятницы, — необратимо почернела и уже пропала как памятник живописи. Возможно, и так. Но как средоточие бесчисленного множества молитвенных обращений древняя икона в своей бездонной черноте хранит неведомую науке энергию веры...

Всякая чудотворная икона живёт происходящими от неё чудесами. Обычно это исцеления и «прощения» больных и увечных людей. Чудесная сила Фёдоровской иконы совершила чудо иного масштаба. Рассказывали, будто однажды большой татарский отряд, захвативший Ярославль, приближался к Костроме. Помолившись перед иконой Фёдоровской Божьей Матери, князь Василий вышел навстречу врагам и нанёс им полное поражение. Пленники, которых татары гнали в Орду, получили свободу, а награбленное добро стало достоянием победителей. «Озеро, при котором произошла битва, как и селение при этом озере, в память заступничества Богоматери и по сие время называется Святым», — писал А. В. Экземплярский в конце XIX века (147, 264). Там монахи соседнего Ипатьевского монастыря воздвигли белую часовню, напоминающую об этом легендарном сражении.

Легенда о разгроме татар под Костромой не подтверждается историческими источниками. Однако её героический пафос весьма характерен для русской литературы XIII столетия. К тому же известно, что в глубине каждой легенды скрывается историческое ядро.

Святослав Тверской: тяжёлое наследие

Святослав Тверской, сводный брат Михаила Ярославича, безусловно, был одним из тех, чей образ в детстве служил для будущего святого положительным примером. В справочнике А. В. Экземплярского биография Святослава представлена предельно кратко:

«До занятия Святославом великокняжеского стола (в Твери. — *Н. Б.*) мы встречаем в летописях следующие известия о нём: а) когда отец его в 1266 году посажен был на новгородский стол, он стал княжить во Пскове; б) в 1267 году в Литве убит был князь Миндовг, вследствие чего произошли сильные возмущения; множество литовских семейств прибежало из Литвы в Псков. Новгородцы хотели перебить этих беглецов, но Ярослав удержал их от этого. Всех этих беглецов Святослав крестил. Между беглецами был и Довмонт, которого псковичи объявили своим князем. Это обстоятельство оскорбило Ярослава, и он хотел с войском идти на Псков — но новгородцы удержали его от такого шага; в) в 1268 году вместе с братом своим Михаилом (Старшим. — *Н. Б.*) Святослав участвовал в знаменитой Раковорской битве; г) в 1269 году Ярослав хотел идти на Кольвань, почему приказал Святославу привести в Новгород “низовские” (из Северо-Восточной Руси. — *Н. Б.*) полки, а во время ссоры с новгородцами в 1270 году посылал его на вече для переговоров» (147, 455).

После кончины отца 16 сентября 1271 года Святослав возглавил небольшое и уже почти выморочное тверское семейство, состоявшее помимо него самого из двух персон — княгини-вдовы Ксении Юрьевны (второй жены Ярослава Ярославича Тверского) и её сына «пеленочника» Михаила.

Образ князя Святослава Ярославича в наших источниках настолько неуловим и зыбок, что его можно сравнить со скользкой тенью. Ни дата его рождения, ни дата кончины не удостоились заметки в летописях. По косвенным данным можно полагать, что к моменту вступления на тверской трон ему было лет 20-25. Однако источники не сообщают о его женитьбе и рождении детей.

Важной деталью для биографии Святослава может служить известие летописи о том, что при нашествии татар на Северо-Восточную Русь в 1252 году князь Ярослав Ярославич Тверской ушёл от Неврюевой рати в Ладугу, а его жена с детьми попала в плен к татарам:

«Царевич же Невруй съ татары своими взяша Переславль, иже на Клещине озере, и яша княгиню Ярославлю и з детми и убиша ея, а иныя дети Ярославли в полон поведоша, а воеводу их Жидислава убиша, и люди вся в полон поведоша, и все имение взяша, и идоша во Орду» (17, 139).

Если допустить, что Святослав был одним из «детей Ярославлих», уведённых татарами в Орду, — а это вполне вероятно, — то можно себе представить весь ужас пережитого им потрясения.

Первым же потрясением для детей Ярослава было бегство отца от опасности в далёкие северные края. Вероятно, они почувствовали себя брошенными, преданными отцом.

(Заметим, что такое, на первый взгляд позорное, бегство от татар совершали многие русские князья — от Юрия Всеволодовича Владимирского, павшего на Сити в 1238 году, до Дмитрия Донского и Василия I. Безусловно, это была не трусость в её обычном понимании, но своего рода манёвр, стремление увести врага от родного гнезда. Однако понимание тонкостей военного дела приходит с годами. Пережитые в детстве, такие потрясения как глубокие шрамы остаются на всю жизнь).

Но бегство отца было только началом драмы, пережитой Святославом. Княгиня-мать, по-видимому, вела себя столь дерзко по отношению к «поганым», что они вопреки обыкновению — богатый выкуп! — расправились с ней. Ту же чашу испил и воевода Жидислав, на попечение которого князь Ярослав оставил семейство. Вполне возможно, что эта кровавая расправа произошла на глазах у детей. Их ожидало унижительное рабство в Орде...

Со временем Ярослав сумел вызволить детей из Орды. Но как сказались эти испытания на их физическом и психическом здоровье? А главное: как могли они после этого гостить в Орде, поднимать чашу за здоровье татарских эмиров, среди которых могли быть и убийцы их матери?.. Да, есть в этом «татарском периоде» русской истории нечто такое, чего мы не понимаем и, наверное, никогда уже не поймём.

Итак, в год кончины отца Святославу было лет 20-25. В этом возрасте княжичи уже сопровождали отцов в их поездки в Орду. Вероятно, Святослав сопровождал отца в его последнем путешествии в ханскую ставку. Младший брат Михаил Старший (вскоре умерший) оставался дома и при помощи бояр оберегал княжество от всяких угроз.

Святослав Тверской: дороги мира

Святослав правил тихо и почти не привлекал внимания летописцев. Впрочем, летописи мирного времени вообще отличаются необычайной краткостью. Летописцам неведомо было умение современных «рыцарей пера» делать из мухи слона и превращать пустяки в события мирового значения. Напротив. Монашеский чин научил их великому искусству молчания. Нередко они молчат даже там, где и «камни вопиют», оставляя плачущих историков наедине с их изменчивыми гипотезами...

Святослав Тверской не претендовал на Владимир, но внимательно следил за развитием событий. Он понимал, что старые раны могут кровоточить, а старые обиды — вспыхивать новой враждой. С кончиной Василия Костромского настал наконец час торжества для Дмитрия Переяславского. «В Неделю всех святых» (23 мая 1277 года) он под звон колоколов Святой Софии взошёл на новгородское княжение.

Осторожный Святослав в январе 1277 года не поехал на княжеский съезд в Костроме по случаю кончины Василия Костромского. Вероятно, для отсутствия был найден благовидный предлог. Однако истинная причина состояла в том, что на съезде всем распорядился новый великий князь Владимирский — Дмитрий Переяславский. В этой ситуации Святославу следовало подумать и о личной безопасности. Впрочем, причиной могла быть и болезнь Святослава или его душевное состояние.

Дальнейшая судьба Святослава Тверского отмечена всё тем же стремлением к миру. Однако идти этой дорогой становилось всё труднее и труднее.

В начале 1280-х годов Святослав принял участие в затяжной кровавой усабице между сыновьями Александра Невского. О причинах этой усабицы и её конкретных деталях источники дают лишь самое общее представление. Вместе с Даниилом Московским (который, рано потеряв отца, был воспитан в Твери при дворе великого князя Ярослава Ярославича) и новгородцами (с которыми Святослав сумел на время подружиться) он в 1282 году выступал против своего старого недруга Дмитрия Переяславского. Впрочем, в этом конфликте дело закончилось миром. Здесь сыграл свою роль и миролюбивый характер Святослава.

После войны 1282 года Святослав уже не появляется на страницах летописи. Судя потому, что в 1285 году летописцы называют тверским

князем нашего главного героя — князя Михаила Ярославича, — Святослав к этому времени уже ушёл с исторической сцены. Наследников он не оставил.

Летописи не сообщают о его кончине. А между тем Святослав был достаточно заметной политической фигурой.

Это умолчание можно понимать по-разному. Можно и как свидетельство того, что Святослав ушёл из жизни не со ступеней тверского трона, а с какой-то другой, менее заметной позиции. И здесь уместно вспомнить одно загадочное сообщение Новгородской Первой летописи. Рассказывая о войне между Дмитрием и Андреем Александровичами в 1293/94 году, летописец сообщает, что укрывшийся в Твери Дмитрий посылал к своему брату и сопернику для переговоров о мире тверского епископа Андрея и какого-то Святослава. «И приела в Торжок владыку тферьскаго и Святослава с поклоном к брату Андрею и к новгородцем» (5, 328).

Вопрос о том, кто такой этот Святослав, равный достоинством тверскому владыке и носящий княжеское имя, давно занимал историков. Полагали, что он происходил из полоцких князей и этим близок был тверскому владыке Андрею (102, 347). Однако дело может объясняться проще. Не есть ли этот загадочный Святослав ушедший от дел и поселившийся в монастыре тверской князь Святослав Ярославич? В чрезвычайной ситуации, когда большая война стучалась в ворота Твери, долг христианина требовал от князя-инока исполнить евангельскую заповедь о миротворцах. Высокий нравственный авторитет среди князей позволил Святославу с успехом исполнить этот долг.. Заметим, что сходная история случилась примерно в это же время среди литовских князей. Удалившийся в монастырь сын Миндовга Воишелк сбросил рясу и вернулся в мир, чтобы отомстить убийцам его отца. Исполнив месть, он вернулся в свою обитель.

Постриги

Судя по всему, Святослав не испытывал враждебных чувств по отношению к мачехе и сводному брату. Княгиня-вдова была занята воспитанием сына и не вмешивалась в заботы власти. Михаил рос под опекой матери и учителей. Одним из самых ярких воспоминаний его детских лет были, безусловно, постриги. Этот древний обряд символизировал начало возмужания малолетнего княжича «при переходе из младенчества по четвёртому году» (69, 26). Подобно монашескому пострижению, обряд заключался в отрезании у ребёнка пряди волос. Потом его впервые в жизни сажали на коня. Вероятно, духовные лица говорили соответствующее напутствие, читали молитву, поздравляли счастливых родителей и окропляли всех святой водой. Затем следовало праздничное застолье.

«В лето 6700 (1192), июля 28. Быша постригы у великаго князя Всеволода (Большое Гнездо. — *Н. Б.*) сыну его Георгиеви в граде Суждали. Том же дни и на конь его всади, и бысть радость велика в граде Суждали. Ту суццу блаженому епископу Иоанну» (10, 409). Заметим, что Юрий родился 27 ноября 1188 года и имел ко дню пострига возраст 3 года и 8 месяцев.

Два года спустя обряд был совершён над другим сыном великого князя Всеволода — Ярославом. Он родился 8 февраля 1190 года. Возраст ко дню пострига — 4 года и 2 месяца (109, 169).

В первом случае днём пострига был вторник, во втором — среда. При совершении обряда присутствовал ростовский владыка Иоанн. Примечательно, что в обоих случаях постриги не были связаны с каким-либо церковным праздником и даже воскресным днём. Полагают, что обряд носил чисто семейный, домашний характер (69, 26). Однако летописи указывают на публичное совершение постригов. Так поступил в 1230 году Михаил Всеволодович Черниговский. «В то же лето князь Михаил створи постриги сынови своему Ростиславу Новегороде у Святей Софии и уя (отрезал. — *Н. Б.*) влас архиепископ Спиридон; и посади его на столе, а сам поиде в Чернигов» (5, 69).

Добавим, что для постригов часто выбирали Великий четверг (четверг Страстной недели) (135, 141).

Обычай постригов сохранялся и в XIV столетии. Однако в летописях

имеется лишь одно известие такого рода. В 1302 году «тое же осени месяца ноября в 8, на събор Михаилов, быша постриги у князя Михаила Тферскаго сыну его Дмитрию» (22, 85). Михаил Тверской приурочил совершение обряда над старшим сыном, которому было тогда около четырёх лет, к большому церковному празднику — Собору Михаила Архангела. Этот день княжеских именин был и городским праздником Твери.

Исследователи отмечают двойственное отношение церковных властей к обряду пострига. «Постриги могли расцениваться как суеверие и в качестве такового осуждаться церковью: так, например, в цветнике 1754 г. Румянцевского собрания при перечислении суеверий, предаваемых проклятию, упоминается и то, что “съ робят первыя волосы стригут”» (135, 168).

Понятно, что по мере усиления контроля духовенства за жизнью народа более жёстким становилось и отношение к древним, в истоках своих языческим обычаям. Одна ситуация была в середине XVIII столетия, и совсем другая — в эпоху Михаила Тверского. «В Древней Руси считалось грехом, если “детя умерло, а первыя власы не стрижены”» (135, 168). При пострижении волос были восприемники, «то есть постриги рассматривались как нечто аналогичное крещению» (135, 168).

Все эти окольные сведения подводят нас к прямому вопросу: был ли обряд постригов совершён над будущим героем Бортеневской битвы? Увы, источники молчат об этом. Но логика вещей позволяет ответить на этот вопрос положительно.

Глава 4

СТРАХ

В последние дни и времена
их изыдут на землю Израилеву
от стран северных Гог и Магог...

Откровение Мефодия Патарского

В 70-е годы XIII века Тверь жила относительно спокойной жизнью. Детские впечатления Михаила Тверского до поры до времени были ясными, как майское утро. Но в начале 80-х годов на этих ясных горизонтах появились грозные тучи. Разбуженная эгоизмом и алчностью русских князей Орда — как китайский дракон на монгольских знамёнах — зашевелилась и выпустила когти.

И если прежде Михаил знал об ужасах татарских набегов и ордынского плена только от старшего брата Святослава и от беженцев из других княжеств, то теперь ему пришлось увидеть многое из этого своими глазами. Он лицом клицу увидел Гога и Магога — косматых вестников ужаса, о появлении которых перед концом света говорили Апокалипсис и древние пророки. Смерть была их поприщем и их предназначением. Нигде нельзя было спастись от их меча.

Сияние трона

С кончиной властного и опытного хана Менгу-Тимура в 1280 году борьба за верховную власть в Золотой Орде приняла новую, более изощрённую форму. И если прежде могущественный темник Ногай довольствовался управлением автономной территорией, примерно в границах современной Молдавии, а на остальном пространстве признавал главой государства Менгу-Тимура, то теперь он забрал в свои руки всё государство. Его манило сияние трона. Однако внешне отношения оставались в рамках традиции. В силу ордынских понятий о верховной власти (приоритет сыновей, рождённых в законном браке, над сыновьями от наложниц) Ногай, дед которого был незаконным сыном Джучи, не мог сам стать «царём» — как называли русские хана Золотой Орды — до тех пор, пока существовали законные потомки Джучи (101, 47). А потомков этих было более чем достаточно. Сложившаяся ситуация могла разрешиться двумя путями: либо тотальное истребление Ногаем всех законных претендентов, либо его превращение в реального правителя при номинальном правлении кого-то из чистокровных Чингизидов.

Отказавшись от первого пути как слишком сложного и рискованного, Ногай предпочёл второй путь. Он энергично поддержал претензии на трон младшего брата Менгу-Тимура «царевича» Туда-Менгу. Воссев на трон, Туда-Менгу «отблагодарил Ногаю, возведя его в ранг бекляри-бека — фактически премьер-министра и верховного главнокомандующего войсками всей Золотой Орды» (101, 59).

Степная держава была предрасположена к наличию номинального и реального правителей в силу отсутствия чёткой системы престолонаследия. В принципе любой Чингизид мог решением курултая стать ханом. Однако до середины XIV века предпочтение отдавалось прямым потомкам Батыя. Случайно оказавшиеся на вершине власти беспечные «царевичи» — как называли русские всех сородичей правящего «царя» — нуждались в опытном советнике, который, в свою очередь, быстро прибирал к рукам дела управления государством. Так позднее управлял Золотой Ордой от имени ничтожных «царевичей» темник Мамай. Так за сто лет до Мамаю вёл дела Орды темник Ногай.

Однако «царевичи» выросли, умнели и начинали сопротивляться всевластию своего опекуна. Тайные недруги временщика убеждали юного

хана избавиться от тягостной опеки и взять в свои руки всю полноту власти. История любой монархии полна такого рода примерами. Вскоре Туда-Менгу стал тяготиться зависимостью от Ногая, который ещё во времена Менгу-Тимура начал распоряжаться княжескими отношениями в Южной и Юго-Западной Руси. Хан задумал поставить на место своего зарвавшегося бекляри-бека. И для начала решил показать свою власть в русских делах.

«Наиболее радикальным вмешательством Туда-Менгу в политику Руси стала замена одного великого князя другим — такого не позволял себе ни один ордынский правитель со времён Бату, помогшего Александру Невскому сместить своего брата Андрея! В 1281 г. к хану обратился князь Андрей Городецкий... с жалобой на своего старшего брата, великого князя Дмитрия. Андрей обвинил брата в неподчинении ханской власти и сумел убедить хана, что будет куда лучшим вассалом, нежели Дмитрий» (101, 60).

Хан решил показать, кто в доме хозяин. Степь пришла в движение. Кочевники седлали коней и потирали руки в предвкушении увлекательного развлечения — карательного похода на Русь. Так начались полные огня и дыма 80-е годы XIII столетия.

Сыновья Александра Великого

Возникновение в 1280-е годы двух параллельных центров власти в Золотой Орде — ханского двора и ставки Ногая — отразилось и на политических отношениях в Северо-Восточной Руси. Здесь зеркально повторилась ситуация в степях: одна коалиция князей, которую возглавлял великий князь Владимирский Дмитрий Александрович (1276— 1293), искала поддержки у бекляри-бека Ногая, а другая — во главе которой стоял князь Андрей Александрович Городецкий — делала ставку на хана Туда-Менгу, а позднее — на Тохту.

Помимо вечной, как мир, борьбы за верховную власть, в этом противостоянии угадываются и обычные человеческие пороки — алчность и тщеславие. Сыновья Александра Невского, которого уже современники называли Великим, явно недотягивали до величия отца. Более того. В истории XIII столетия они стали тенью его светлого образа.

Плутарх рассказывает, что в Спарте существовал такой обычай: «Если у братьев возникал раздор, спартанцы наказывали отца за то, что его сыновья восстают друг на друга» (97, 301). Очутившись в Спарте, Александр Невский понёс бы тяжкое наказание согласно этому обычаю. Два его сына, Дмитрий и Андрей, были лютыми врагами; третий, Василий, самый старший из братьев, восстал и против отца...

Вечно занятый делами и метавшийся между Новгородом и Ордой, Александр Великий мало заботился о воспитании своих детей. Во всяком случае, плоды этого воспитания оказались горькими. Вот как характеризует правление Александровичей современный историк:

«Ни один из двух великих князей, преемников Василия Ярославича на владимирском престоле, не имел ни силы, ни решимости, ни способности, ни даже удачи, чтобы объединить князей Суздальской земли или чтобы бросить вызов растущему влиянию семьи их брата Даниила Московского или их двоюродного брата Михаила Ярославича Тверского. Не удалось им создать и свои династии» (137, 186).

И всё же старший из них, Дмитрий, в изображении летописцев выглядит скорее жертвой, нежели хищником. Младший же, Андрей, ведёт себя как беспринципный властолюбец и отпетый коллаборационист. Летописцы видят корень зла в том, что, не имея никаких формальных прав на великое княжение Владимирское, он решил добиться заветной цели

через личное расположение правящего хана...

Не знаем, давал ли Александр Невский своим сыновьям уроки успешной политики. Однако легко заметить, что Андрей пришёл во Владимир тем же путём интриг и произвола, что и его отец. Не станем вступать в давний спор поклонников и хулителей Александра Невского — золотой легенды русского Средневековья. Отметим лишь очевидное: если успех политики, проводимой Александром Невским, принёс Руси десять лет покоя под его твёрдой рукой, то успех его наследников и подражателей не дал стране ничего кроме бесконечных усобиц и ужасов татарских погромов.

Поставив цель, Андрей не затруднялся относительно средств. Вместе со своими приятелями — и, кажется, такими же коллаборационистами, как и он сам, — ярославским князем Фёдором Чёрным и ростовскими князьями братьями Дмитрием и Константином Борисовичами Андрей подолгу живёт в Орде, принимает участие в походах ордынцев на Северный Кавказ, Польшу и Литву. Похоже, что Андрей настолько освоился в Орде, что начал забывать в себе русского князя. Впрочем, скудность наших знаний об этой далёкой эпохе не позволяет давать окончательные оценки. Многие вещи представляются потомкам совершенно иначе, чем их современникам. Так, известный своими связями с Ордой князь Фёдор Чёрный после кончины был причислен к лику святых. Его союзников ростовских князей летописец хвалит за то, что они, подолгу находясь в Орде, выручали там русских пленников, а инициатор многих татарских набегов на Русь Андрей Городецкий получил полное отпущение грехов у историка С. М. Соловьёва за то, что хотел стать «государем всей Русской земли». «При таком вопросе нельзя было разбирать прав и средств», — полагает патриарх отечественной историографии (35, 335; 123, 231).

Первая рать

Михаил Тверской впервые увидел татарский набег в возрасте около десяти лет. Это зрелище навсегда осталось в его памяти. Как, вероятно, и перекошенные ненавистью лица князей, призвавших косматых всадников ужаса в русские земли...

Окончательный разрыв между братьями Александровичами состоялся в конце 1281 года. Летописец посвятил этому событию большую статью, по тону напоминающую проповеди Серапиона Владимирского:

«Тое же зимы бысть *первая рать* (курсив наш. — Н. Б.) на князя великаго Дмитрея Александровичя, прииде ис татар князь Андрей ратью на брата своего старейшаго князя Дмитрея, испросив себе княжение великое под братом своим, имея споспешника себе и пособника Семена Тонильевичя, и с ним инья коромолники. И прииде к Мурому с погаными татары, и посла по князя Феодора Ростиславичя (Ярославского. — Н. Б.), по князя Михаила Ивановичя (Стародубского. — Н. Б.), по князя Костянтина Борисовича (Ростовского. — Н. Б.) и по вся князи, и поиде с ними ратью на Переяславль. Татарове же разсыпашася по земли...» (22, 78).

Далее следует скорбное описание бедствий, причинённых татарами. В нём восходящие к византийской традиции литературные клише служат материалом для изображения подлинной жизненной драмы. Примерно так же работали и агиографы, составляя из универсального набора добродетелей и ситуаций мозаичный, но нередко исторически достоверный образ святого.

«Земля крови...»

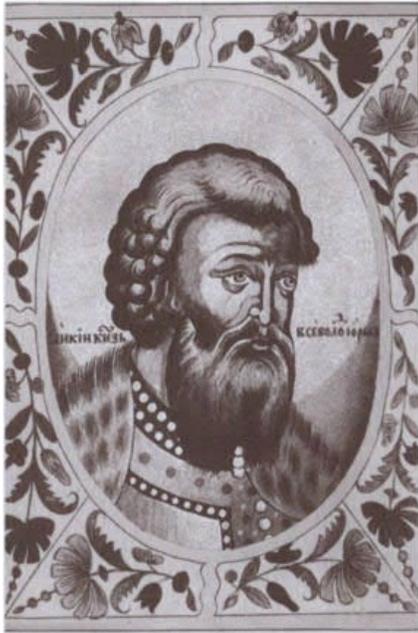
Приведённые Андреем татары вновь, как и во времена Батыея, прошли по русским землям, «все людье секуще, акы траву» (5, 289). Их отношение к мирному населению трудно даже назвать жестокостью. Это было что-то другое, запредельное, лежащее вне традиционной системы моральных оценок. Людей либо просто убивали, «как траву», либо превращали в живой настил для преодоления крепостных рвов.

Сопоставление различных взглядов на одно и то же явление или событие всегда плодотворно для историка. Вот как описывает завоевание татарами Венгрии в 1241—1242 годах живой свидетель этих событий — посланник папской курии магистр Рогерий:

«Наконец, после разорения всей той земли, татары, небольшим числом своих воинов собрав множество пленённых русинов, команов (половцев. — *Н. Б.*) и венгров, со всех сторон окружили большое поселение и выслали вперёд на битву захваченных венгров, а после того, как все они были перебиты — русинов, исмаилитов (мусульман. — *Н. Б.*) и команов. Татары же, стоя позади них, смеялись над гибелью их и падением, и те из них, кто отступал, попадали в водоворот мечей. Сражаясь днём и ночью, за одну неделю засыпав рвы, они захватили поселение. Воинов и знатных женщин, которых много пребывало вне города в поле, они отправили в одно место, а простолюдинов — в другое. И когда деньги, оружие, одежда и прочее добро были у них отобраны, и после того как некоторым дамам и девицам была сохранена жизнь, и они были уведены для утех, все прочие были жестоко перебиты секирами и мечами. Те же, кто остался в живых и по воле случая лежал среди мёртвых, хотели укрыться, испачкав себя чужой кровью. О скорбь, о жестокость и ярость точно взбесившихся людей! Ибо тот, кто в здравом уме мог бы вообразить себе погибель всех этих людей, назвал бы это место землёю крови» (4, 53).

Князь Михаил Ярославич Тверской и его мать Ксения, предстоящие Спасу. Выходная миниатюра тверского списка «Хроники Георгия Амартола». XIV в.

Великий князь
Всеволод Большое Гнездо,
прадед Михаила.
Миниатюра из «Титулярника»
1672 г.

Великий князь
Ярослав Всеволодович,
дед Михаила.
Миниатюра из «Титулярника»
1672 г.

Спасо-Преображенский собор в Переяславле-Залесском. XII в.

Древнерусский
книжник.
*Скульптура
перед входом
в художественный
музей города
Твери*

Река Тверца
в окрестностях
Торжка.
Фото автора

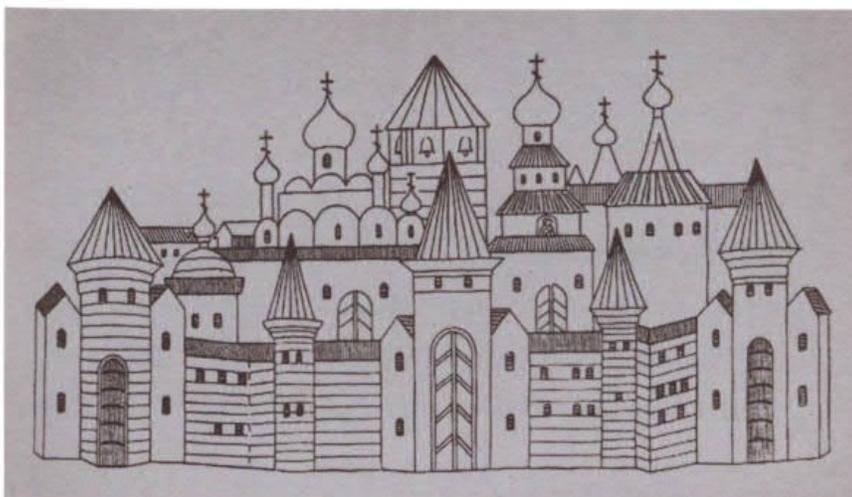

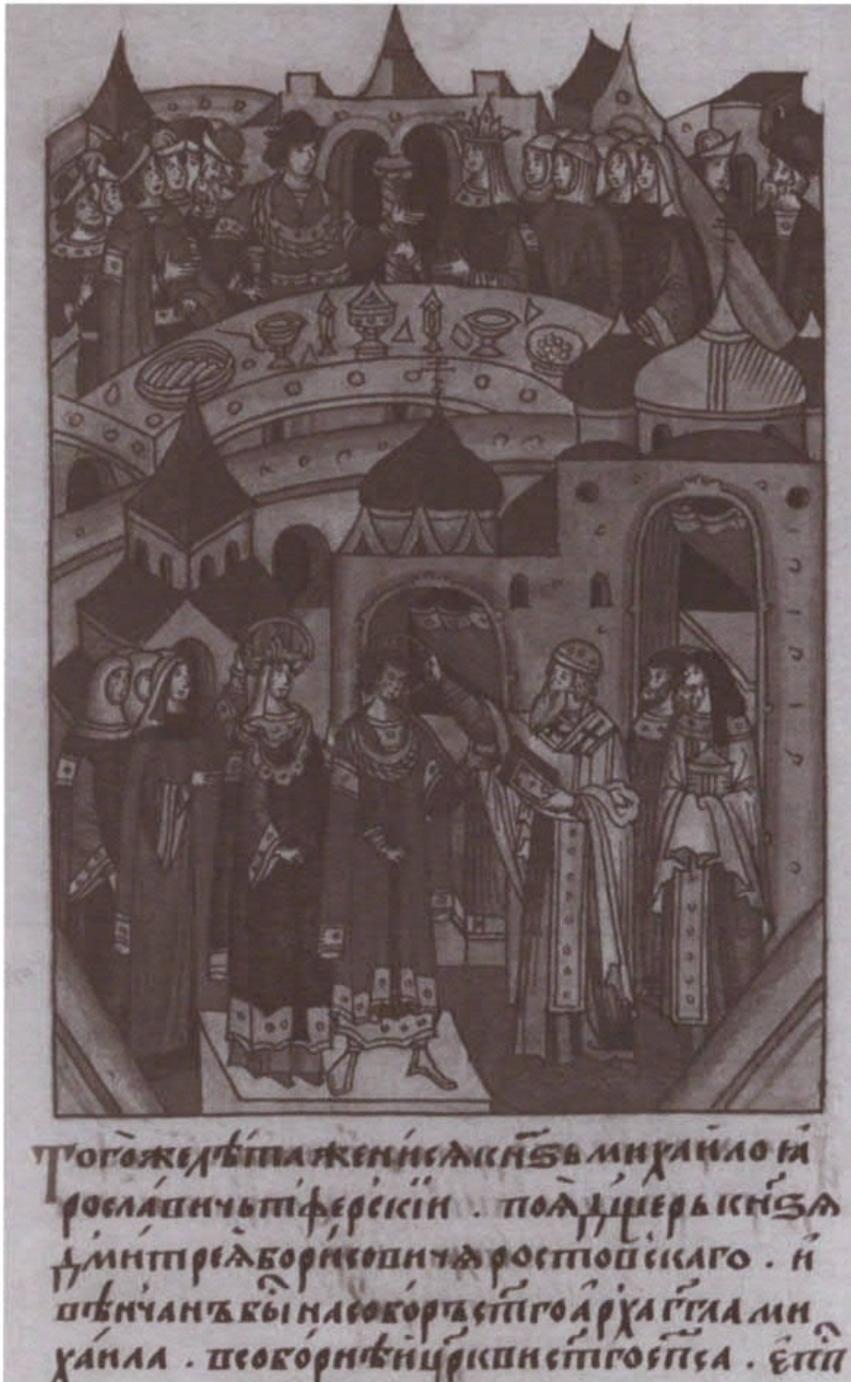
Святые Михаил и Ксения Тверские. Икона. Вторая половина XVII в.

Памятный крест
на месте
разрушенного
в 1935 году
Спасо-
Преображенского
собора в Твери

Тверской кремль.
*Прорис с иконы
святых Михаила
и Ксении Тверских*

Того же дѣла женихъ князь Михаилъ
Ярославичъ Псковскій . по дѣщерь князя
Дмитрия Борникова Ростовскаго . и
Псковчанъ къ набокорѣ стѣго архидіаки
Михаила . Псковчанъ въ церквѣ стѣго бѣса . Етѣ

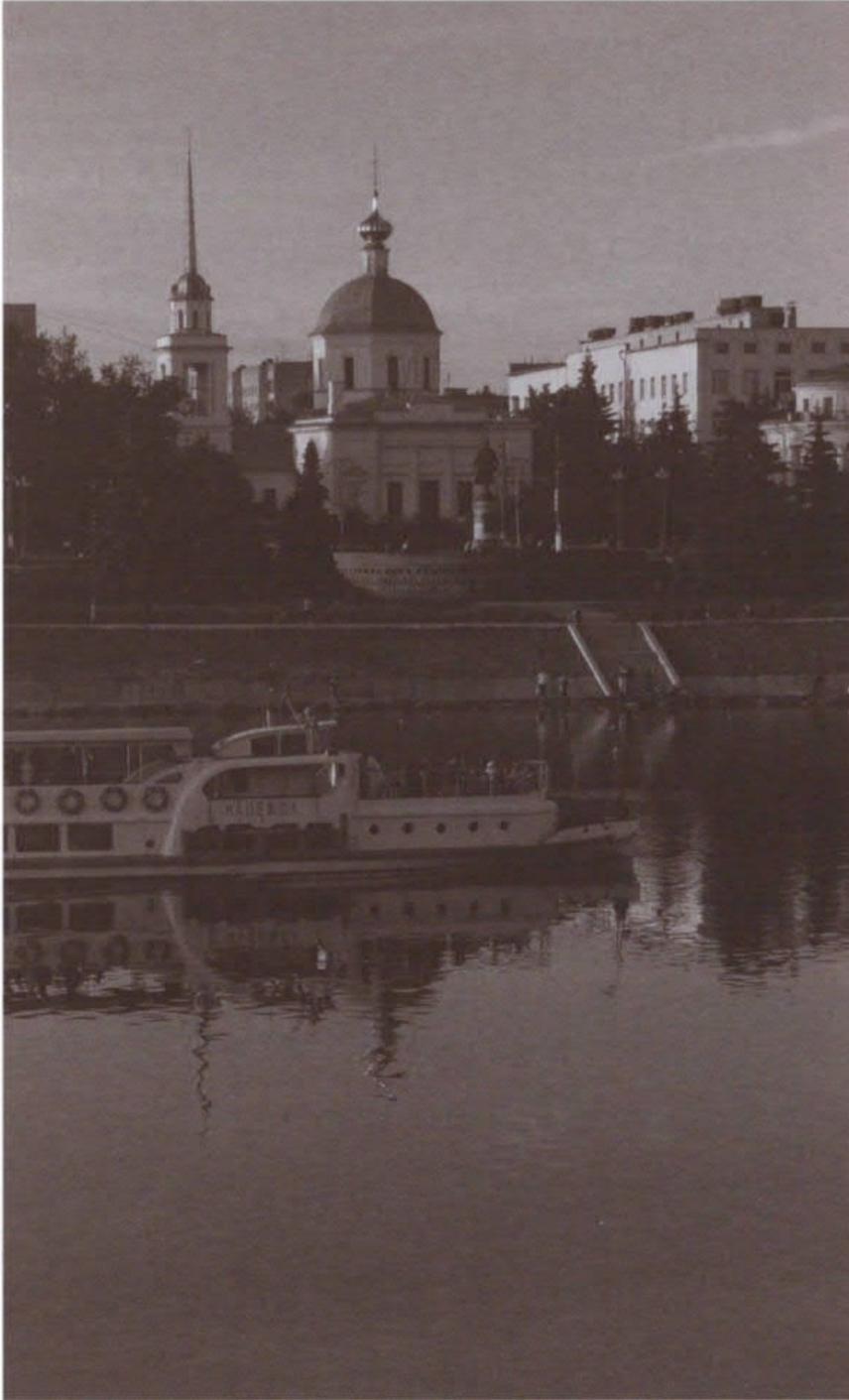
Свадьба тверского князя Михаила Ярославича.
Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

Княгиня Анна Кашинская. Роспись трапезного храма Святого Александра Невского в Свято-Троицком Серафимо-Дивеевском женском монастыре

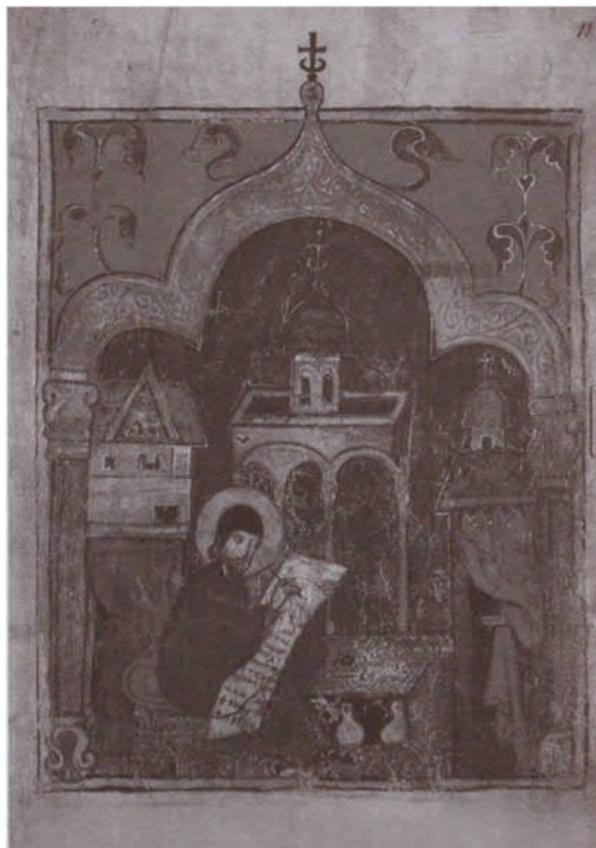
Город Кашин. Валу XIII—XIV веков. Фото автора

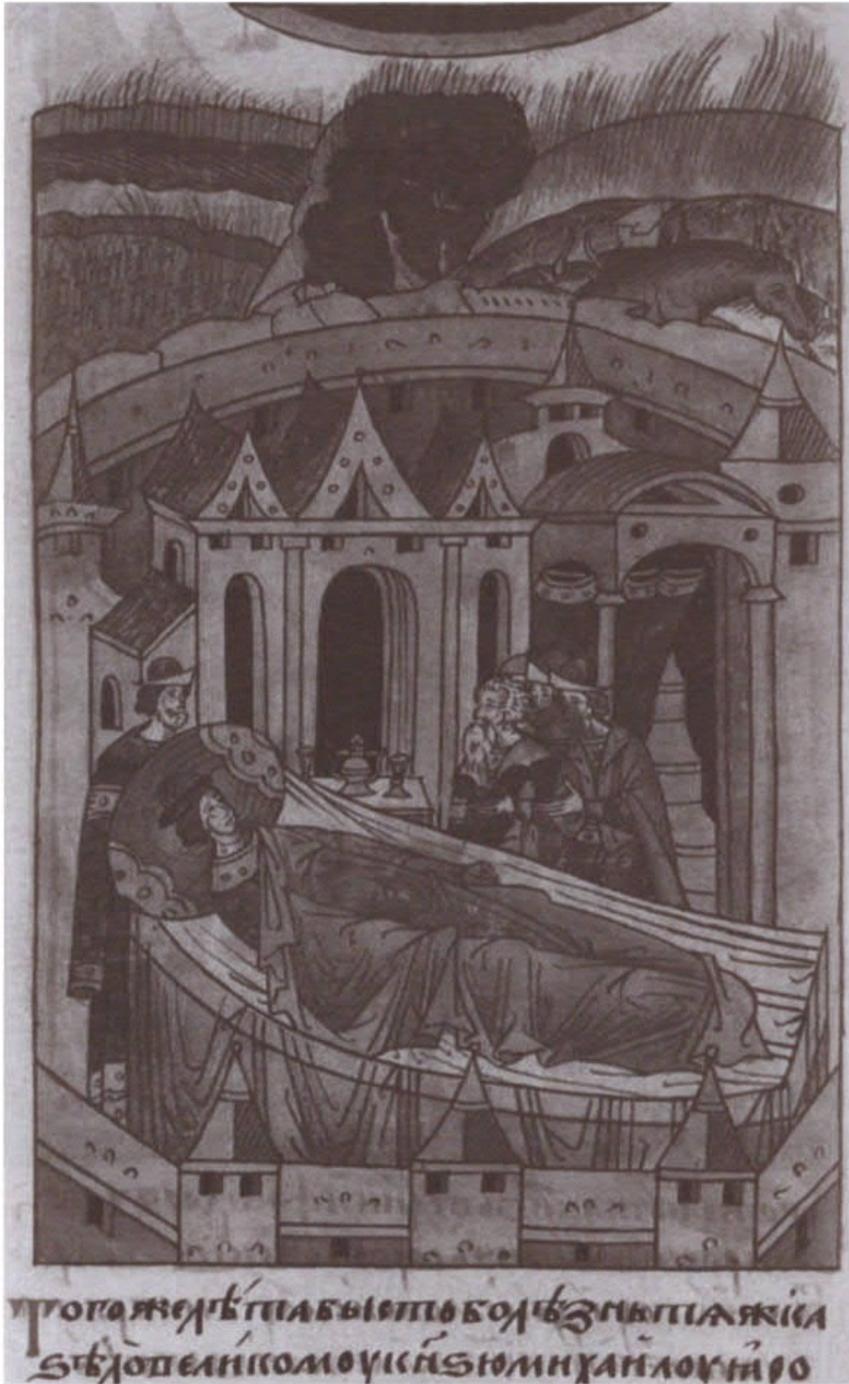

Тверь. Вид с реки Волги. *Фото автора*

Миниатюры
тверского списка
«Хроники Георгия
Амартола»

Болезнь князя Михаила Ярославича Тверского.
Миниатюра Лицевого летописного свода

Покров с изображением святого митрополита Петра. 1574 г.

Церковь
Святого
митрополита
Петра
в Переяславле-
Залесском. XVI в.

Старица.
Современный вид.
Фото автора

То поже рече та князь михайло рослаши
тверскіи . прїиди з оуды цр҃а на се
днїе кнѣже іе . нї дена ше нї со мѣ кнѣ

Начало великого княжения Михаила Тверского.
Миниатюра Лицевого летописного свода

Князь Даниил Александрович
Московский.

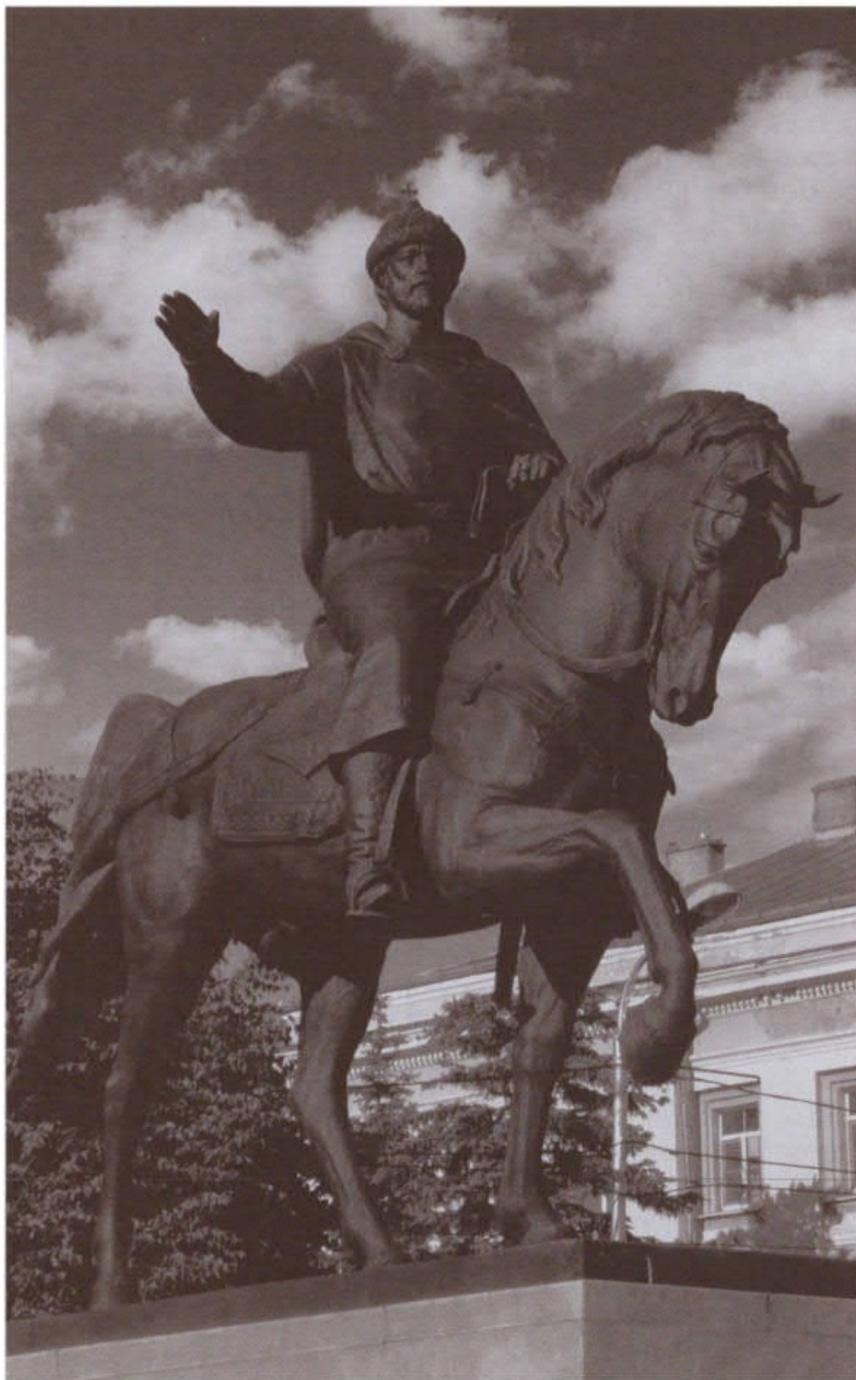
Миниатюра из «Титулярника» 1672 г.

Великий князь
Иван Данилович Калита.

Миниатюра из «Титулярника» 1672 г.

Успенский собор во Владимире. XII в.

Памятник князю Михаилу Ярославичу в Твери.
Автор композиции А. Н. Ковальчук

Этнографы давно отметили тот факт, что многие первобытные народы просто не способны воспринимать представителей других народов как равных себе людей. Другой — значит, чужой. Чужой — значит, враг. Враг — не человек. Он враг, и этим всё сказано. Его нужно пленить или убить. Иначе он сделает это с тобой...

Выросшие среди бессловесного скота и даже до соседней юрты скакавшие на лошади, монголы напоминали древнегреческих кентавров. Привыкшие смотреть на всё живое вплоть до сусликов и крыс как на пищу, они не смущались кровавыми сценами. На их непроницаемых лицах читался приговор судьбы. Взгляд сквозь узкие щели глаз напоминал лезвие меча. И вот теперь эти кентавры рассыпались по Русской земле. Словно саранча, они опустошали и Тверскую землю. Князь-отрок Михаил видел их не только сквозь бойницы в крепостной стене, но и прямо перед собой. Они явились в Тверь, чтобы потребовать выкуп. Пока коленопреклонённые бояре вели с ордынцами позорный торг, князь-отрок Михаил испуганно смотрел на них и чувствовал, как всё его существо охватывает липкий страх. Ему казалось, что холодная и скользкая змея обвивается вокруг его груди и всё сильнее стягивает свои кольца. Ему хотелось кричать, звать на помощь и срывать с себя кольца змеи. Но тяжёлые руки бояр держали его за плечи, заставляли стоять на коленях перед сидевшим на тверском троне ордынском *темником*.

Это ощущение страха, удушливого как кольца змеи, Михаил запомнил на всю жизнь. С годами он понял, что это был самый сильный из всех видов страха — страх мучительной смерти...

Русские летописцы не любили говорить от первого лица. Свои переживания они отливали в этикетные литературные формы или скрывали за занавесом эпической невозмутимости. Западноевропейская эпистолярная традиция с её античными корнями и заветами «последнего римлянина» блаженного Августина широко использовала жанр авторских воспоминаний. Но природа человека единообразна на Востоке и на Западе, его переживания в сходных ситуациях аналогичны. А потому рассказ уже знакомого читателям магистра Рогерия, побывавшего в плену у татар во время завоевания ими Венгрии в 1241—1242 годах, позволяет понять переживания русских людей XIII столетия. В литературном отношении это уже не подбор литературных клише, а живые воспоминания потрясённого очевидца событий:

«И пока мы пребывали в таковой опасности, мои слуги, которые были оставлены для заботы о лошадях, и прочие, у кого были мои деньги и одежда, бежав с острова, были настигнуты татарами и перебиты мечами; я

же остался на острове почти без средств с одним слугой. После этого усилился шум, и упомянутое тевтонское поселение, Мост Тамаша, на рассвете захватили татары, и кого они не захотели брать в плен, с ужасной жестокостью перебили суровым мечом. Когда об этом стало известно, волосы встали дыбом на моём теле, начало тело моё трепетать и дрожать от страха, язык жалобно заикаться. И понял я, что наступил момент жестокой смерти, когда выжить уже нельзя. Глазами сердца я увидел убийц, и ледяной смертный пот выступил на моём теле. Увидел я и убитых, беспрестанно ожидающих смерти, не имеющих возможности протянуть руки к оружию, защитить себя, пойти в безопасное место и даже представить себе его. Чего же больше? Я нашёл людей, едва живых от страха...» (4, 49).

В рассказах западных источников о зверствах татар порой трудно увидеть грань, за которой реальность превращается в миф, а косматые всадники Батгя — в сказочных свирепых людоедов:

«Их трупами вожди со своими и прочими лотофагами словно хлебом питались, и оставили они коршунам одни кости. Но что удивительно — голодные и ненасытные коршуны побрезговали тем, чтобы доестъ случайно оставшиеся куски плоти. А женщин старых и безобразных они отдавали, как дневной паёк, на съедение так называемым людоедам; красивых не поедали, но громко вопящих и кричащих толпами до смерти насильовали. Девушек тоже замучивали до смерти, а потом, отрезав им груди, которые оставляли как лакомство для военачальников, сами с удовольствием поедали их тела» (4, 277).

Меч косматых всадников был вездесущим и неизбежным. Непреодолимый трепет перед слепым взглядом Гога и Магога знаком был тогда каждому русскому человеку. Страх отнимал силы, превращал свободных людей в рабов. Преодолеть страх могла только вера, подкреплённая чудесами. Такая вера приходила к человеку как благодать. Но для снискания этой благодати он должен был совершить тяжкий труд самоотречения.

Опустошение

Стараниями Александра Невского и его братьев Ярослава и Василия Северо-Восточная Русь в период с 1253 по 1281 год почти не видала татарских нашествий. И тем страшнее было то, что происходило здесь зимой 1281/82 года. В сущности, это была семейная ссора двух братьев. Но степняки, приведённые князем Андреем Городецким на своего брата Дмитрия Переяславского, словно туча саранчи, уничтожали всё на своём пути...

«Татарове же разсыпашася по земли, Муром пуст сътвориша и пограбиша люди, мужи и жёны, и дети, и младенци, имение то все пограбиша и поведоша в полон. Князь же великий Дмитриий выбежа ис Переяславля в мале дружине. Татарове же испустошиша и городы, и волости, и сёла, и погосты, и монастыри, и церкви пограбиша, иконы и кресты честныа, и сосуды священныа служебныа, и пелены, и книги, и всяко узорочие пограбиша, и у всех церквей двери высекоша, и мнишьскому чину поругашася погании; якоже рече пророк: “Боже, приидоша языци в достояние Твоё, оскверниша церкви святыа Твоя”. Около Ростова и *около Тфери пусто сътвориша* (курсив наш. — Н. Б.) и до Торжьку, множество безчислено христиан полониша, по селом скот и кони и жита пограбиша, высекающе двери у хоромов; и бяше велик страх и трепет на христианском роде, черници и попадьи осквернены, и много душ от мраза изомроша, а иных оружием изсекоша» (22, 78).

Эта беда случилась незадолго до праздника Рождества Христова (25 декабря). Летописец скорбно замечает, что вместо праздника «прииде бо плач велик и вопль мног, кождо бо плакахуся жёны и детей, а друзии отца и матери, а друзии братьи и сестр, а друзии племени, роду и друзей» (22, 78).

Дмитрий Переяславский едва успел бежать от татар на север (59, 16). Новгородцы не приняли его, опасаясь мести со стороны Андрея и его татар. Далее путь изгнанника лежал через Копорье во Псков — давнее прибежище всех гонимых на Руси. Но и это был не последний рубеж его изгнания. Из Пскова Дмитрий ушёл «за море», то есть в Швецию (17, 159). Андрей отпустил татар в Орду, взошёл на великое княжение Владимирское и был признан князем в Новгороде.

Летопись сообщает об участии князей Святослава Тверского и Даниила Московского в войне Андрея Городецкого против Дмитрия

Переяславского (15, 176). Однако их участие ограничилось демонстрацией силы и заключением мирного договора после пяти дней стояния где-то возле Дмитрова. Не вполне ясно: было ли это до прихода из Орды *первой рати* или после.

В рассказе о *первой рати* сообщается лишь о том, что татары «около Ростова и около Тфери пусто сътвориша и до Торжьку» (22, 78). Тверь как таковая не была целью ордынских отрядов. Её фактический нейтралитет имел под собой серьёзные основания. В декабре 1281 года в Твери всё ещё правил миролюбивый князь Святослав. Причиной его миролюбия могли быть покаянные настроения или какая-то болезнь, от которой он вскоре и скончался, не оставив потомства. Позднее, когда тверской трон занимал сводный брат Святослава отрок Михаил Ярославич при регентстве матери, княгини Ксении Юрьевны, уклонение тверичей от войны с Дмитрием тем более понятно. Женское регентство всегда отмечено благоразумным миролюбием.

Счастливо избежав погрома во время *первой рати*, Тверь не миновала другой беды. Летопись сообщает, что уже на следующий год (1282) «погоре город Тферь» (22, 78).

Галицкий брак

Известно, что на горях и пепелищах флора бывает особенно густой и рослой. Этот закон природы имеет всеобщий характер, таинственным образом влияя и на дела людей. А потому, оставив на время мрачные картины пожарищ и татарских ратей, обратимся к более светлым сюжетам матримониального характера. Следом за сообщением о тверском пожаре 1282 года в Троицкой летописи помещено ещё одно известие тверского происхождения: «Того же лета ведена бысть княжна дщи Ярослава Ярославичя Тферьскаго за князя Юрья Волынскаго» (22, 78).

Это отрадное известие заслуживает внимания не только как знак торжества жизни над смертью, но и как своего рода хитроумный план, цели которого нам неизвестны. Впрочем, и современники событий далеко не всегда понимали сокровенный смысл княжеских матримониальных проектов. В династических браках дальновидный политический расчёт причудливо переплетался с родительской заботой о будущем своей «кровинушки», а тщеславная щедрость свадебного пира — с мелочными препирательствами о приданом.

Неожиданный брак тверской княжны с будущим правителем всей Галицко-Волынской Руси Юрием Львовичем (1301—1308) вызывает много вопросов. Выдали невеста единоутробной сестрой Михаила Тверского или только сводной, рождённой в первом браке Ярослава Ярославича? И кто занимался устройством её замужества: Святослав или княгиня-вдова Ксения Юрьевна, епископ Андрей или тверская правящая элита?

Обратимся к любимому занятию историков — рассуждениям и предположениям. Конечно, для Ксении Юрьевны не составляло большого труда сосватать тверскую княжну с хорошим приданым за какого-нибудь удельного молодца из второго ряда потомков Всеволода Большое Гнездо. Но вслед за этим возникала опасная перспектива. У всех на памяти был брак князя Фёдора Чёрного с ярославской княжной Марией, в результате которого овдовевший смоленский зять оттеснил родню жены и стал хозяином Ярославля. Схема была общеизвестной и универсальной. В 1320 году именно таким способом будущий герой Литвы Ольгерд станет княжить в Витебске.

В год заключения галицкого брака (вероятно, Святослав к тому времени или уже умер, или постригся в иноки) тверская династия состояла

из одного лишь одиннадцатилетнего Михаила. Но жизнь человеческая так хрупка и мимолётна. Особенно если этот человек кому-то сильно помешает... Тверская элита понимала, что в случае внезапной кончины Михаила муж Ярославны станет первым претендентом на тверской стол. Заручившись поддержкой кого-то из сильных князей, он сможет быстро получить желаемое. И тогда тверскую знать ожидал неизбежный — пользуясь выражением Ивана Грозного — «перебор людишек».

История Фёдора Чёрного и подобные ей сюжеты заставляли тверскую элиту очень осторожно относиться к замужеству княжон. Тверскую Ярославну выдали замуж за галицкого князя Юрия Львовича, который никак не мог претендовать на тверской трон. Все его интересы и династические связи были обращены на запад, к Литве и Польше. После преждевременной кончины тверской княжны он женился вторым браком на сестре своего давнего союзника польского князя и будущего короля (с 1321 года) Владислава Локетика Евфимии.

Взгляд на запад

Помимо житейских соображений галицкий брак, конечно, имел и определённый политический расчёт. Южнорусские князья — в частности Лев Данилович Галицкий, отец жениха, — ещё в 70-е годы установили тесные связи с бекляри-беком Ногаем. Вместе с присланными Ногаем отрядами татар они ходили в походы на Венгрию и Польшу (101, 60). Один из таких походов на Польшу состоялся в 1280 году (141, 14). Фактически галицко-волынские князья стали вассалами Ногая. Возможно, дальновидные тверские политики надеялись через галицких свояков получить расположение Ногая, который в 80-е годы был всесильным временщиком при ханах Туда-Менгу (1280—1287) и Тула-Буге (1287-1290).

Вопросы без ответов... Единственное, что может сделать историк в этой безнадёжной ситуации, — составить краткую биографию жениха. Князь Юрий Львович (родился после 1253-го — умер 24 апреля 1308) был внуком знаменитого Даниила Галицкого и сыном князя Льва Даниловича (ум. 1301). Его матерью была принцесса Констанция, дочь венгерского короля Белы IV. Юрий Львович был сильным правителем, сумевшим объединить под своей властью всё Галицко-Волынское княжество. Он отверг притязания папской курии установить контроль над Юго-Западной Русью и добился открытия в Галиче собственной православной митрополии (141, 12). С 1307 года Юрий, следуя примеру деда, принял титул «короля Галицкого» (76, 260).

Можно ли провести некую параллель между этим браком и женитьбой Андрея Ярославича Суздальского (младшего брата Александра Невского) на дочери Даниила Галицкого в 1250 году? Там некоторые историки видят династический союз, имевший целью союз политический и в конечном счёте — восстание против власти Орды. Здесь об этом говорить не приходится. Но неоспоримым фактом является постоянное стремление тверской знати к налаживанию отношений с западными соседями. Сравнительно небольшое по территории княжество с невысоким экономическим потенциалом, окружённое врагами, Тверь по логике вещей должна была искать союзников и покровителей на западе. Со временем западный вектор станет главным в политической игре потомков Ярослава Ярославича Тверского.

«Западная тема» угадывается и в церковно-политических отношениях

Тверского княжества. Именно Юрий Львович, зять Михаила Тверского, в 1306 году выставил в качестве кандидата на Киевскую митрополию игумена Петра Ратского — будущего московского первосвященника митрополита Петра. В эти годы Михаил Тверской занимал владимирский стол и был активным участником борьбы вокруг митрополичьей кафедры. Принято думать, что Михаил изначально отнёсся враждебно к святителю и тем совершил грубую политическую ошибку. Однако в реальности всё могло быть значительно сложнее. Московская версия этой истории, изложенная в общерусском своде 1408 года и Житии митрополита Петра, оставляет место для тверской версии. Но эта последняя — увы — не дошла до наших дней...

Невеста Христова

В старину девушек, принявших монашеский постриг, называли Христовыми невестами. Эта нелёгкая судьба ожидала другую сестру Михаила Тверского — Софью. Её тверской княгине не удалось пристроить столь же удачно. Под 6799/1291 мартовским годом Симеоновская летопись лаконично сообщает: «В лето 6799 пострижесе в черници княжна София, дщи князя великаго Ярослава Ярославичя Тферскаго, девою суци в девичи манастыри, месяца февраля в 10 день, на память святого мученика Харлампия, в великое говеино въ вторник на 1 недели поста» (22, 82).

Церковный календарь позволяет уточнить хронологию событий. В 1291 году Великий пост начинался в понедельник 5 марта, в 1292-м — в понедельник 18 февраля, а в 1293-м — в понедельник 9 февраля. Таким образом, княжна ушла в монастырь во вторник 10 февраля, но не 6799-го (1291), а 6801 (1293) года. Светлый образ рано умершей княжны-инокини вызывал возвышенные религиозные чувства. Полагают, что уже в 1305—1306 годах было составлено её Житие (80, 133; 82, 109—110). Это «ещё и не житие в полном смысле слова, а лишь эскиз к нему, “память” княжны-инокини» (76, 11).

Житие Софьи Ярославны представляет немалый интерес для исследователей и вызывает разного рода комментарии.

«Памятник невелик по объёму. В раннем списке вместо заглавия киноварью выделено начало первой фразы: “В лето 6801-е месяца февраля в 10 день на память святого мученика Харлампия въ седмыи час ноци...”, — далее говорится о пострижении Софьи в мужском монастыре (курсив наш. — Н. Б.) Архистратига Михаила епископом Андреем и игуменом этого монастыря. Софья постригается, таясь от матери, и в отсутствие в Твери брата. Далее рассказывается о любви и особом доверии между братом и сестрой, о давнем стремлении княжны в монастырь. Внутрисемейные отношения представлены здесь не традиционными штампами, а переданы в эмоциональных искренних выражениях: Михаил “любляше свою сестру акы свою душу” и не мог “долго терпети”, не видя её» (76, 13).

Вызывает удивление пострижение Софьи в мужском монастыре. Летописец своей властью исправил *мужской* на *девичий*. Однако исследователи допускают правильность первоначального чтения. «Едва ли

пострижение Софьи в мужском монастыре Архистратига Михаила — плод воображения автора “памяти” о Софье, ибо эта часть произведения изобилует фактическими подробностями. Речь может идти, скорее, об образце поведения для самой княжны, чем об образце литературном для автора» (76, 18).

Со временем княжна-инокиня основывает в Твери женский монастырь с церковью во имя святого Афанасия. Эта обитель стала своего рода памятником отцу Софьи — тверскому князю Ярославу-Афанасию Ярославичу. Церковь Святого Афанасия была заложена 17 мая, а освящена 17 сентября, в день именин самой Софьи (76, 17). Под 6805/1297 годом Никоновская летопись сообщает: «Поставлена бысть церковь въ Твери Святый Афонасей, того же лета и священа бысть» (17, 171). Год закладки церкви можно уточнить, зная устойчивую традицию приурочивать закладку храмов к воскресенью. Это могло быть воскресенье 17 мая 1299 года. Заметим, что предшествующий, 1298 год был памятен для Твери всевозможными бедствиями: пожарами, засухой, мором, тяжёлой болезнью князя Михаила. В этих условиях князья обычно давали всевозможные обеты, самый значимый из которых — постройка храма в честь святого покровителя династии. Церковь Святого Афанасия, по-видимому, была небольшим каменным храмом монастырского типа, сложенным из старицкого известняка. Примечательно, что примерно в это же время — в 6805/1297 году по Тверскому сборнику — была осуществлена постройка крепости в Старице.

В качестве настоятельницы Софья проявляет себя как энергичная и умная руководительница. Её аскетические подвиги отвечали всем требованиям соответствующей традиции. И всё же местное почитание княжны-инокини Софьи Ярославны не получило дальнейшего развития. О причинах этого можно только догадываться.

Вторая рать

Гремящая железом история Средних веков то и дело заставляет летописца возвращаться на поля сражений. Разгром владений Дмитрия Переяславского, учинённый приведёнными Андреем татарами зимой 1281/82 года, не достиг цели — полного уничтожения Дмитрия как политической силы. Пользуясь выражением одного римского оратора, можно было сказать, что «война не умерла, а только задремала» (96, 112).

Многие князья сочувствовали Дмитрию и проклинали Андрея как «ордынского служебника». Возможно, именно благодаря этому сочувствию князь Дмитрий, подобно известной детской игрушке «неваляшке», после каждого удара, нанесённого ему врагами, падал, но затем вновь поднимался.

Раздосадованный «непотопляемостью» брата, Андрей на следующий год выпросил у хана ещё одну «рать». Вот что сообщает об этом Московский летописный свод начала XV века:

«Того же лета бысть *другая рать* (курсив наш. — Н. Б.) на князя Дмитрея Александровича, прииде князь Андреи ис татар, а с ним рать татарская, Тура и Темерь и Алын, а с ними Семён Тонильевич в воеводах, и сътвори зло въ земли Суздальской такоже, якоже преже сказахом» (22, 78).

Понятие «Суздальская земля» летописец мог использовать как в широком смысле (вся Северо-Восточная Русь), так и в узком (собственно Суздальское княжество). Учитывая тотальный характер *первой рати*, второе предположение кажется более вероятным. Суздальские князья Михаил и Василий Андреевичи — дети брата Александра Невского Андрея Суздальского — редко упоминаются в летописях. Братьев трудно причислить к союзникам их кузена Андрея Александровича Городецкого. И потому их владения могли стать целью для *второй рати*. И всё же главной целью как *первой* так и *второй* рати были разгром и изгнание Дмитрия Переяславского. Однако судьба русских князей решалась в Орде.

Хан Туда-Менгу, покровитель Андрея Городецкого, не смог довести разгром Дмитрия до конца. Власть бекляри-бека Ногая, покровителя Дмитрия, превосходила или по меньшей мере не уступала власти хана. Встревоженный наступлением Андрея Городецкого, Дмитрий Переяславский также отправился на поклон к степнякам. Однако вместо ставки Туда-Менгу, который благоволил Андрею, Дмитрий решил посетить

ставку Ногая.

«Князь Дмитрий Александрович со дружиною своею иде в Орду ко царю Ногою» (15, 176). Заметим ценное уточнение, сделанное летописцем. Дмитрий пошёл в Орду «с дружиной». Очевидно, он предполагал заслужить милость Ногая участием в его военных предприятиях в Восточной Европе.

Пробыв у Ногая полгода или год — которые с точки зрения фактических сведений представляют как бы чёрную дыру в его биографии, — Дмитрий вернулся на Русь. Бекляри-бек Ногай добился от хана Тудаменгу желательного для него решения «русского вопроса». Братьям велено было помириться, а ярлык на Владимир получил старший по возрасту Дмитрий Переяславский.

«Того же лета прииде из Орды князь великии Дмитреи Александрович и взя любовь и смирися съ братом своим съ князем Андреем» (22, 79).

Казалось, наступило время мира. Но огонь вражды тлел под пеплом примирения. Во имя прочности достигнутого мира (а может быть, и по каким-то другим соображениям) великий князь Дмитрий приказал схватить и убить боярина Андрея Городецкого Семена Тонглиевича, которого летописец называет «льстивым кромольником» и считает главным виновником вражды между князьями. В этой тёмной истории неясно всё, за исключением финала, который состоял в том, что русский боярин с татарским отчеством был убит в Костроме (на территории великого княжения Владимирского) двумя посланными великим князем Дмитрием боярами — Антоном и Феофаном (22, 79). Прежде чем убить Семена Тонглиевича, порученцы пытали его, желая выведать какие-то секретные сведения, а главное — узнать намерения князя Андрея. Но боярин хранил молчание, ссылаясь на долг верности своему князю.

Эта, по выражению С. М. Соловьёва, «гнусная расправа» только усилила ненависть Андрея к старшему брату (123, 230). И лишь боязнь рассердить всемогущего Ногая заставляла его до поры до времени держать меч в ножнах.

В 1285 году Андрей не удержался от искушения нанести брату новый удар. Эта *третья рать*, по-видимому, носила характер «частного предприятия». Андрей привёл на Русь какого-то татарского «царевича», который прошёл огнём и мечом по владениям Дмитрия Переяславского. В летописных известиях об этом событии есть значительные расхождения. Вот версия Никоновской летописи:

«Того же лета (6793/1285) князь Андрей Александрович Городецкий приведе царевича из Орды на старейшаго своего брата, великого князя

Дмитрея Александровича. Бывшим же татаром въ розгонех семо и тамо, князь велики же Дмитрий Александрович собрався со мною ратью и иде на них, и побеже царевич во Орду, а князь велики Дмитрий Александрович бояр Андреевых переима» (17, 166).

А вот версия Новгородской Четвёртой летописи:

«...А князь Андреи приведе царевича, и много зла сътворися крестьяном. Дмитрии же съчтався съ братьею, царевича прогна, а боляры Андреевы изнима» (11, 246).

Из сообщения можно понять, что Дмитрий призвал родного и двоюродного братьев — Даниила Московского и Михаила Тверского, чтобы общими силами прогнать ордынского «царевича». В таком случае это было первое боевое крещение Михаила Тверского, которому в 1285 году исполнилось 14 лет. Знаменательно, что будущий герой Бортеневской битвы начал свой ратный путь схваткой с татарами...

Военная сторона вопроса облегчалась тем, что приведённые Андреем татары рассыпались мелкими отрядами с целью грабежа. Вероятно, «царевич» происходил из родственников «царя» Туда-Менгу, что позволило Дмитрию, протеже Ногая, действовать достаточно смело. Конечно, он мечтал захватить не только Андреевых бояр, но и его самого. Однако Андрей уже имел немалый боевой опыт и был настороже.

В целом ситуация *третьей рати* 1285 года напоминает ситуацию 1317 года, когда Михаил Тверской внезапным ударом разгромит рассыпавшиеся по Тверской земле для грабежа отряды Юрия Московского и приведённых им татар. И кто знает, не вспомнит ли Михаил Тверской на заснеженном поле Бортеневской битвы это упоительное чувство победы над страхом, победы над непобедимым, казалось бы, врагом?..

Между тем временщик Ногай продолжал укреплять свою власть над степным миром. В 1287 году он подготовил свержение с престола хана Туда-Менгу, который осмеливался спорить со своим бекляри-беком, и возвёл на трон молодого и послушного хана Тула-Бугу (101, 61). Для полноты контроля Ногай окружил нового хана конкурентами. «Фактическими соправителями нового хана стали его родной брат Кунчек и два двоюродных — Алгуй и Торгул, сыновья Менгу-Тимура. Ногай сохранил за собой пост бекляри-бека, а кроме того, самовольно присвоил себе статус “ака” — главы рода Джучидов с правом разрешать по собственному усмотрению все споры в ханском семействе» (101, 62).

Успехи Ногая придали уверенности его русским вассалам. Дмитрий Переяславский в 1288 году предпринял какое-то наступление на Михаила Тверского, но получил решительный отпор:

«Того же лета не въсхоте Михаил Тферскыи покоритися великому князю Дмитрию и начат наряжати полкы. Слышавше се великий князь и созва братью свою Андреа Александровича и Данила и Дмитриа Борисовичи и вся князи, яже суть под ним и поиде с ними ко Тфери. И приидоша къ Кашину и объступиша град и стояша 9 днии и сътвориша страну ту пусту, а Къснятин весь пожгоша. И отьтоле въсхотеша ити къ Тфери, Михаил же въсхоте и рассмотрився стати противу выеха. Великыи же князь сътвори мир съ Михаилом и распусти братью свою въсвоеси, а сам възвратися въ Переяславль» (20, 34).

Можно только догадываться относительно причин похода большой княжеской коалиции на Тверь. Судя по неожиданному единству недавних врагов, Михаил каким-то образом затронул их общие интересы. Такой общезначимой темой могла быть, например, раскладка платежей по ордынскому «выходу». Отсюда и выступление великого князя Владимирского в качестве инициатора похода.

Но как бы там ни было, семнадцатилетний тверской князь в этой ситуации действовал мужественно и решительно. Он «противу их изыде съ своею силою», то есть вышел с войском из тверской крепости, чтобы сразиться с объединёнными силами едва ли не всех князей Северо-Восточной Руси (17, 167).

Шло время. Скоротечная усобица 1288 года не изменила общей расстановки фигур на шахматной доске тогдашней русской политики. Оплакав неудачный набег «царевича» и выкупив попавших в плен к Дмитрию Переяславскому бояр, Андрей Городецкий терпеливо ждал своего часа. Он по-прежнему подолгу жил в Орде, искал дружбы и покровительства местной знати. Его путь к власти был долгим и тернистым. Орда часто порождала новых фаворитов и уничтожала старых. В 1290 году Тула-Буга и его соправители были свергнуты и убиты в результате подготовленного Ногаем нового дворцового переворота. На залитый кровью трон взошёл семнадцатилетний сын Менгу-Тимура Тохта. Это был умный и энергичный правитель. Поначалу он проявлял полную покорность Ногаю. Но со временем и он стал думать о том, как избавиться от всесильного временщика, и начал проявлять самостоятельность. Одним из первых серьёзных решений, принятых Тохтой без ведома Ногая, стала отправка на Русь большой рати в 1293 году...

В 1293 году Андрей Городецкий получает наконец разрешение хана Тохты собрать *четвёртую рать* и пойти с ней на Русь. Вскоре косматые всадники, которыми командовал брат Тохты Тудан (в русском

произношении Дюдень), уже гнали своих коренастых лошадок на север. Это была печально знаменитая *Дюденева рать*...

На фоне всеобщего ужаса и паники, вызванных Дюденовой ратью, Тверь и её князь Михаил Ярославич выглядели весьма достойно. Но об этом мы расскажем читателю несколько позже...

Глава 5

СОБОР

А божественная Елена отправилась
в Иерусалим на поиски святого креста.
И, обретя крест, она построила
удивительную церковь...

Хроника Георгия Амартола

Первое появление святого и благоверного князя Михаила Ярославича Тверского на страницах летописей связано с религиозной темой — строительством тверского Спасо-Преображенского собора. И это глубоко символично...

В 1285 году быстрый рост Твери, наполняемой беженцами из великого княжества Владимирского, заставил подумать о возведении белокаменного собора — необходимого атрибута любого значительного древнерусского города, а тем более центра епархии. Как это часто бывает, оживлению строительства способствовал пожар, опустошивший Тверь в 1282 году.

«Того же лета (6793/1285) заложена бысть на Тфери церковь камена благоверным князем Михаилом Ярославичем, и материю его княгиню Оксинью, и преподобным епископом Семеоном; преже было Козма и Дамиан, и преложиша во имя Святого Спаса честнаго Преображения» (22, 81).

В современном жизнеописании княгини Ксении встречаем предположение относительно точной даты закладки храма: «Несмотря на то, что точной даты закладки Спасо-Преображенского собора в летописях нет, событие явно было приурочено к празднику Преображения Господня, которое отмечалось Церковью 6 августа. Скорее всего, закладка храма происходила 1 августа, в день празднования Всемилоственного Спаса или накануне праздника из-за начала Успенского поста» (52, 64).

Это предположение сомнительно. В средневековой Руси закладка храмов обычно происходила поздней весной, в начале строительного сезона. На Преображение, более вероятно, могло состояться освящение уже готового собора. Так, например, 6 августа 1225 года был освящён Спасо-

Преображенский собор в Спасском монастыре в Ярославле (22, 52).

Владыка Симеон Тверской

Постройка каменного собора способствовала развитию различных областей материальной и духовной культуры Твери, в частности возникновению местного летописания. То затихая, то оживая, оно существовало на протяжении полутора веков и фрагментарно сохранилось в общерусских летописных сводах. Вероятно, первый тверской летописец принадлежал к соборному клиру. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что первые опыты тверской летописной работы отражают строительство и украшение собора. За этим смелым проектом внимательно следила не только вся Тверь, но и вся Русь. Насколько известно, это был первый каменный храм, построенный в Северо-Восточной Руси и Новгородской земле после Батыева нашествия. Он стал символом выживания русской веры в условиях ордынского ига. И хотя ордынцы в соответствии с заветами основателя Монгольской империи никогда не преследовали христианскую веру как таковую, любое движение в сторону независимости неизбежно принимало религиозную форму.

Из-за недостатка средств и квалифицированных мастеров строительство собора шло медленно. Заказчики торопили строителей, что, вероятно, отрицательно сказывалось на качестве работ.

Душой всего строительного проекта был тверской епископ Симеон. Владыке не суждено было увидеть осуществление своей мечты. Чувствуя скорый конец, он совершил первую литургию в неоконченном храме. Вероятно, для этой цели в храме был устроен боковой придел.

«Того же лета епископ Симеон Тверский свящал малым священством церковь камену на Твери Святого Спаса, ещё не съвършену сушу, и служааше в ней, а мастера делаху Святого Спаса» (22, 81).

Эта необычная служба состоялась летом 1287 года. А на следующий год епископ Симеон ушёл в лучший мир. В традиционной риторике его летописного некролога пробивается искренняя скорбь:

«В лето 6796 (1288) преставися блаженный Симеон, епископ Тверский; сий бяше учителей и силён книгам, князя не стыдяся пряся, ни велмож, излише же чтяше чин ереиский и мнишьский, нищя же и сироты и вдовица жаловаше, и положиша тело его в церкви на правой стороне, месяца февраля в 3 день, на память святого Симеона Богоприемца и Анны пророчицы» (22, 81—82).

Запомним эту характеристику. Более чем вероятно, что именно этот незаурядный иерарх был воспитателем князя-отрока Михаила Тверского и развил в нём те качества, которые сделали его способным на жертвенный подвиг.

На смену владыке Симеону на тверскую епископскую кафедру пришёл игумен общежительного монастыря Пресвятой Богородицы на реке Шоше Андрей. Он отправился на поставление к митрополиту Максиму, жившему тогда в Киеве. О происхождении нового владыки летописец даёт лишь краткую справку: «Сии Андрей бяше родом литвин, сын Ердень, литовскаго князя» (22, 82). В это время многие представители правившего в Литве большого семейства Миндовга принимали христианство по православному или католическому обряду.

Заметим, что литовский князь Ердень нигде более не упоминается. Очевидно, это был правитель местного масштаба. Гораздо более заметный след в истории оставил его сын — тверской епископ Андрей.

Этот удивительный человек заслуживает внимания историков. При всём лаконизме летописец сообщает о новом тверском владыке некоторые подробности.

Надо полагать, что вопрос о преемнике Симеона на тверской кафедре оживлённо обсуждался ещё при жизни старого владыки. Человек высокой духовной культуры — «учителен и силён книгами», Симеон и наследником своим хотел видеть достойного пастыря.

«Общее житие»

Летописец не случайно отметил, что монастырь, во главе которого стоял игумен Андрей, был «общим», то есть имел общежительный устав. Здесь необходим краткий экскурс в историю христианского монашества. Создателем первого общежительного устава был один из Отцов Церкви — Василий Великий (IV век). «Общее житие» — высшая форма монашеской жизни, при которой все монахи обители имели одинаковую пищу и одежду, беспрекословно подчинялись игумену и выполняли разнообразные «послушания». Отказ от частной собственности как источника всех зол был главным принципом монашеского «общего жития». Вступая в общину, инок отдавал всё своё имущество монастырю. Вернуть его обратно он уже не имел права.

В общежительном монастыре существовала сложная иерархия священных санов, должностей («послушаний») и степеней духовного совершенства. Всеми сторонами жизни иноческой общины управляла коллегия — 12 «соборных старцев» — во главе с игуменом.

Со временем в монашеской практике возникли различные уставы, построенные на принципах «общего жития». Различия могли касаться как подробностей дисциплинарного характера, так и нюансов богослужебного распорядка.

Монашеский подвиг — живая вода христианства. Уже в XI веке на Руси появились многочисленные монастыри. Самый почитаемый среди них — Киево-Печерский — принял так называемый *Студийский устав*. Это был общежительный устав, принятый монахами монастыря Феодора Студита в Константинополе.

Со времён своего первого игумена преподобного Феодосия Печерского Киево-Печерский монастырь вёл активную миссионерскую деятельность. Его воспитанники расходились по всей Руси в качестве проповедников, основателей монастырей, руководителей церковных округов — *епархий*. Они разносили повсюду принципы «общего жития».

Монахи делали своё дело. Но жизнь вносила в их усилия свои поправки. Строгое следование тем или иным принципам — удел немногих. Любая высокая идея на практике приспособляется к запросам и умственному развитию народной массы. Монастыри интегрировались в современное им русское общество, которое ожидало от них не только

религиозной, но и практической пользы. Постепенно монастыри в силу их универсальной внутренней структуры начинают обрастать многообразными социальными функциями. В силу разных соображений как морального, так и материального характера они принимают на себя заботу о том, о чём прежде не заботился никто. Так появляются общедоступные монастырские больницы и монастырские гостиницы. Монастырь служит беспроцентной ссудной кассой и приютом для бездомных, школой и крепостью, домом для умалишённых и тюрьмой для государственных преступников. Наконец, множатся так называемые *вотчинные монастыри*, возникавшие на средства знатного семейства и служившие этому семейству родовым кладбищем и богадельней.

Нередко монастыри возникали по инициативе окрестного населения, которое искало в них не только религиозного ритуала, но и практических услуг. За это монастыри получали от местных общин средства к существованию.

В повседневной жизни иноки зачастую отступают от идеалов «общего жития». Частная собственность в той или иной форме сохраняется и разделяет иноков на степени неофициального влияния в монастыре. Состоятельные монахи пользуются влиянием и почётом, живут обособленно по кельям, имеют свой особый стол, челядь, житейские удобства и даже собственность за пределами монастыря. Родственные связи в миру также сохраняют своё значение.

Под влиянием этих явлений на Руси возникает и получает широкое распространение упрощённый тип монашеской жизни — «особное житие». Это было явное искажение идеала, его профанация и приспособление к реалиям жизни. Каждый инок жил «особно», встречаясь с другими только на соборной молитве. Власть игумена была скорее номинальной, относящейся к богослужебному ритуалу, нежели практической, повседневной. На этом тусклом фоне редкие монастыри, сохранившие принципы «общего жития» — как монастырь владыки Андрея — привлекали всеобщее внимание и пользовались особым уважением. Обычно такие обители находились в безлюдной местности, вдали от городов.

Литовские предположения

Как мы уже отмечали выше, новый тверской епископ Андрей происходил из Литвы. Литовская тема в истории Твери заслуживает особого рассмотрения. Пока лишь отметим это на первый взгляд довольно странное обстоятельство: суровый подвижник, монах лесного монастыря на реке Шоше, а позднее — тверской епископ, был сыном литовского князя. Впрочем, случаи превращения князя в инока известны в истории русского монашества. Черниговский князь Святослав ушёл в монастырь и принял иноческое имя Николай. Племянник Дмитрия Донского подвизался в новгородском монастыре под именем Михаила Клопского. Литовский князь Воишелк, сын Миндовга, приняв православие, ушёл из мира и принял иноческие обеты. Равным образом известны и случаи превращения литовского князя в русского полководца. Литовский князь Довмонт, спасаясь от преследований сородичей, переехал во Псков, принял православие и стал героем обороны Пскова от внешних врагов.

Приняв православие, один из сородичей Миндовга мог перебраться из языческой Литвы в русские земли. Тверской знати было весьма выгодно иметь своим епископом столь знатного человека, обладавшего, конечно, большими связями в Литве. Но как бы там ни было, через епископа Андрея потянулась из Твери ещё одна нить политических и духовных связей со свободным от ордынского ига Западом.

Под крылом Михаила Архангела

Долгожданное освящение Спасо-Преображенского собора стало праздником для всей Тверской земли. Это произошло в среду, 8 ноября 1290 года.

«В лето 6798 месяца ноября в 8 день, на память честнаго собора архааггела Михаила, свершена бысть на Тфери церковь камена Святого Спаса и священа бысть епископья Тферская великим священием епископом Андреем» (22, 82).

День освящения храма на Руси всегда выбирали тщательно и наполняли глубоким смыслом. Так было и на этот раз. 8 ноября церковь праздновала Собор Архистратига Михаила и прочих бесплотных сил. Этот праздник был установлен в IV веке после того, как поместный Лаодикийский собор отверг учение еретиков об ангелах.

Михаил Архангел и его бесплотные силы — не только служители Бога, но и хранители людей от происков тёмных сил. Князь Михаил Тверской был наречён в честь Архангела Михаила и считал его своим небесным покровителем. Освящение тверского собора именно в день его имени символизировало единение духовной и светской власти. Примечательно, что многие события в истории Твери будут приурочены к 8 ноября. В 1295 году именно в этот день князь Михаил Ярославич обвенчается в соборе с Анной Кашинской (22, 83). В 1302 году Михаил назначит на этот день постриги своего старшего сына Дмитрия (22, 85). Потомки Михаила сохраняют эту традицию. Правнук святого князя Борис Михайлович Тверской именно в этот день в 1385 году обвенчается в соборе с дочерью смоленского князя Святослава Ивановича (18, 85). В этот день епископ Арсений Тверской освятит церковь Михаила Архангела на Городце (22, 143).

В год освящения Спасо-Преображенского собора князю Михаилу было 19 лет. Единственный представитель тверской династии, он ещё не был женат и не имел детей. В случае его кончины Тверь, скорее всего, была бы инкорпорирована в состав великого княжения Владимирского. Эти тревожные перспективы заставляли тверичей с особой силой молить Бога о здравии и благополучии их юного князя. И Михаил, конечно, знал настроение своих подданных. Он чувствовал себя ответственным за судьбу своих людей, призванным к выполнению какой-то особой

провиденциальной миссии.

Выстраданный всем народом белокаменный тверской собор стал их общей надеждой на снискание милости Божьей, символом тверского патриотизма. Два века спустя тверской купец Афанасий Никитин отправится в своё многотрудное путешествие «от Спаса святого златоверхаго и съ его милостию» (8, 444).

Прослеживая историю строительства собора, тверской летописец отметил и его украшение: «В лето 6800 (1292) иконописци подписаша на Тфери церковь камену Святого Спаса» (22, 82).

Завершённый в 1290 году, тверской собор два года простоял без росписей. Спешка в этом деле была недопустима. Собор должен был полностью просохнуть и принять надлежащую осадку. Однако и медлить не следовало. В воздухе пахло новой большой войной между княжескими коалициями, возглавляемыми двумя родными братьями — Дмитрием и Андреем Ярославичами. Ясно было, что в княжескую распрю вновь будут втянуты татары и это станет бедствием для всей Руси.

Война эта — упомянутая выше *Дюденева рать* — разразилась на следующий год после окончания росписи храма, летом 1293 года. И здесь уже всем стало не до художественных проектов...

Архитектура руин

Как выглядит тверское храмовоздательство на общем фоне каменного строительства в Северо-Восточной Руси во второй половине XIII столетия? Было ли оно чем-то из ряда вон выходящим — или, напротив, заурядным явлением? Ответ на этот вопрос следует искать главным образом в летописях. Рассмотрим их данные в обобщённом виде.

В эпоху расцвета владимирской государственности (вторая половина XII — первая треть XIII века) строительство белокаменных храмов было довольно обычным делом. Исследователи выделяют три основных типа каменных храмов домонгольского периода: *государственно-соборный*, *епископский* и *придворно-княжеский* (142, 550). Основоположником ещё одного, четвёртого типа — который трудно определить в двух словах, но который «органично вписывается в программу создания опорных пунктов для осуществления полудья извне территории Северо-Восточной Руси» (142, 553), — стал беспокойный и тщеславный Юрий Долгорукий. Существует спорное предположение, что при помощи своего зятя князя Владимира Галицкого Юрий сумел договориться о приезде в Северо-Восточную Русь артели романских мастеров, строивших белокаменные храмы в Польше и Юго-Западной Руси (65, 35). Используя белый камень (известняк) из старицких каменоломен, они возвели для Юрия четыре храма — Спасо-Преображенский собор в Переяславле Залесском, церковь Бориса и Глеба в Кидекше, Георгиевский собор в Юрьеве Польском и Георгиевскую церковь во Владимире.

Развитию художественного образа памятников способствовал приезд мастеров из Северной Италии и Германии в период правления Андрея Боголюбского (65, 50). Одновременно идёт развитие местной строительной традиции. В эпоху Всеволода Большое Гнездо и его сыновей русские мастера уже были способны самостоятельно выполнить любой заказ своих патронов. Свидетельством этого расцвета могут служить Дмитровский собор во Владимире и удивительный по обилию и тонкости резного декора Георгиевский собор в Юрьеве Польском, перестроенный князем Святославом Всеволодовичем в 1231—1234 годах, перед самым нашествием монголов.

Следствием Батыева нашествия и установления ордынского господства над Северо-Восточной Русью были не только гибель или

частичное разрушение многих храмов, но и почти полное прекращение живой традиции каменного строительства. А между тем только в самом строительном процессе возможны были развитие зодчества и передача опыта от учителя к ученику. Каменное строительство (и в особенности — белокаменное) требовало больших денежных средств. Опасаясь вызвать подозрения ханских баскаков и быть обвинёнными в утайке ордынского «выхода», князья практически отказались от каменного строительства. Только церковь в лице митрополита всея Руси и епископов могла себе позволить некоторые начинания в этой области.

На географии каменного строительства сказались и различные политические амбиции князей. Борьба за получение и удержание великого княжения Владимирского отнимала у соперников все средства. Но те правители, которые умели сдерживать свои честолюбивые запросы, могли исподволь копить деньги и вести хотя бы эпизодическое каменное строительство. Это в первую очередь можно отнести к ростовским князьям.

Из семи строительных работ, отмеченных летописями в Северо-Восточной Руси после монгольского нашествия до начала XIV века, три происходили в Ростове (ремонт церкви Бориса и Глеба в 1253 году; украшение Успенского собора в 1280 году новой кровлей и полом; перестройка церкви Бориса и Глеба в 1287 году) (51, 131—132). Одна тесно связана с Ростовом, и, возможно, в ней принимали участие мастера ростовской епископии (ремонт церкви Бориса и Глеба в Кидекше в 1239 году). Кроме того, по свидетельству летописца, князь Глеб Белозерский, брат Бориса Васильевича Ростовского, «многи церкви созда и украси иконами и книгами» (22, 81). Крупнейшим памятником деревянного зодчества XIII века был собор в Устюге, сооружённый в 1290 году ростовским епископом Тарасием (49, 180—184). По масштабу строительство в Ростове превышало строительство в стольном Владимире (изготовление новой кровли на Успенском соборе в 1280 году и устройство в конце XIII — начале XIV века небольшого внутреннего придела Пантелеймона в том же Успенском соборе) (50, 355—357). Оно уступало лишь строительству в Твери, где в 1285—1290 годах был построен каменный Спасский собор.

Некоторые исследователи считают возможным, что для постройки Спасо-Преображенского собора в Тверь были приглашены мастера из Галицко-Волынского княжества (52, 65). Однако время призвания иноземных архитекторов безвозвратно прошло. Для постройки небольшого и аскетичного по отделке каменного храма вполне хватило бы познаний местных мастеров. Их родиной мог быть, например, тот же Ростов с его

древней епископской кафедрой и миролюбивыми князьями.

Изображение и воображение

Как выглядел Спасо-Преображенский собор в Твери? Ответить на этот вопрос крайне сложно. Как известно, собор был сильно повреждён в пожаре 1616 года, перестроен в 1634—1635 годах и выстроен заново в 1689—1696 годах (112, 145, 167). Но и этот — условно назовём его «романовским» — собор также не дошёл до нас. Его взорвали воинствующие атеисты в ночь с 3 на 4 апреля 1935 года (112, 11). На месте, где стоял собор — между корпусом Педагогического института и екатерининским Путевым дворцом — поставили памятник М. И. Калинин — «всероссийскому старосте», уроженцу Тверской губернии, в честь которого в советские времена город Тверь был переименован в Калинин.

Основным источником, который хоть как-то представляет сегодня древний тверской собор, является икона «Михаила и Ксении», на которой изображена панорама Тверского кремля. В центре панорамы можно видеть небольшой одноглавый храм с тремя полуциркульными закомарами. Датировка иконы вызывает разногласия среди исследователей. В современной обобщающей работе, посвящённой истории собора, предлагается первая половина 70-х годов XVII столетия (112, 157).

Разнообразные предположения относительно даты и исторической достоверности изображения полны противоречий и допускают ещё одну, не менее вероятную версию. Возможно, художник (на основе древних лицевых рукописей или живописных работ) знал, как выглядел храм во времена его создателей — князя Михаила и его матери княгини Ксении. Исходя из этого, он и дал изображение Спасо-Преображенского собора таким, каким храм вышел из рук его создателей. При таком допущении открывается новая перспектива для поиска истины.

(Условное изображение странного трёхглавого храма на «выходной» миниатюре тверского списка Хроники Георгия Амартола некоторые исследователи также считают реальным изображением тверского Спасо-Преображенского собора 1290 года (98, 22, 31). Однако это едва ли соответствует действительности. Неловко подрисованный при вторичной доработке миниатюры храм не уместился в размер листа. Луковичная главка кургузого центрального барабана оказалась наполовину срезанной верхним краем листа. Единственная возможность придать нескладному сооружению облик храма состояла в подрисовке двух небольших боковых

глав. Именно так и поступил художник).

Переяславский образец

Строительство тверского собора проходило между *третьей* и *четвёртой* ратями Андрея Городецкого. На фоне этой бесконечной усобицы идёт неприметный, но перспективный в историческом отношении рост молодых княжеств — наследственных уделов, и в первую очередь — Твери и Москвы.

Архитектура всегда была зеркалом политики. Каждая сколько-нибудь значительная религиозно-политическая идея имела свой архитектурный символ. Достаточно вспомнить запечатлённые тысячами нагрудных образов очертания храма Воскресения Христова в Иерусалиме — знак принадлежности к паломникам или крестоносцам.

Повсюду господствовал культ традиции. Принимаясь за постройку собора, заказчик прежде всего определял тот образец, который должен служить точкой отсчёта для новой постройки и должен быть так или иначе превзойдён. Хрестоматийным примером служит повторение Ярославом Мудрым построек Константинополя или Иваном III — Успенского собора во Владимире. Такого рода вольные подражания были обычным и повсеместным явлением.

Естественно предположить, что молодой тверской князь Михаил, стремясь разговаривать на равных с великим князем Владимирским, пожелал иметь у себя такой же (или, скорее, — немного больший) храм, как и тот, какой украшал удельную столицу Дмитрия Переяславского. (Напомним читателю, что Спасо-Преображенский собор в Переяславле Залесском был построен в 1152—1157 годах Юрием Долгоруким). Храмы этого типа стояли вдоль главной дороги тогдашней Руси — из Суздаля и Владимира в Новгород: это церкви Бориса и Глеба в Кидекше, Георгия во Владимире, Георгиевский собор в Юрьеве Польском и Спасо-Преображенский в Переяславле. Естественным завершением этого образного ряда, этих маяков веры вдоль древней славянско-норманнской дороги должен был стать собор в Твери.

В размышлениях князя Михаила и епископа Андрея о будущем тверском храме постоянно возникала финансовая составляющая. Как правильно вложить деньги, избежав равно и скупости, и расточительства? Белокаменное строительство требовало гораздо больше средств, чем аналогичные постройки из кирпича (65, 90). Тверь имела собственные

разработки белого камня (Старица), но всё же была слишком бедна, чтобы повторить изысканные образы владимирских соборов. К тому же шаткое время мира заставляло спешить. Но Тверь была и слишком горда, чтобы довольствоваться наспех сложенными приземистыми сооружениями из уже давно ставшего «непрестижным» киевского кирпича. Аскетичная внешняя отделка и вместе с тем общее выражение значительности и силы, присущее небольшому по размерам переяславскому собору, вполне отвечали как средствам, так и целям тверского князя.

Переяславскую родословную тверского собора подтверждает и изображение на иконе «Михаила и Ксении». Представленный здесь тверской собор, в сущности, весьма точно воспроизводит облик переяславского собора, усложнённый двумя приделами. Что касается приделов, изображение которых позволило Н. Н. Воронину видеть прототип тверского собора в Георгиевском соборе Юрьева Польского, то нет никаких оснований считать их изначальными. Напротив. Тот факт, что в 1319 году князь Михаил Ярославич был погребён в самом соборе, неподалёку от гробницы епископа Симеона, и лишь с 1323 года епископская усыпальница переместилась в особый Введенский придел, указывает на отсутствие приделов в соборе 1285—1290 годов.

Затянувшееся на пять лет строительство собора Н. Н. Воронин считал косвенным указанием на его большие размеры и на наличие шести опорных столбов (51, 140). Однако если принять во внимание страшное обнищание русских земель в последней четверти XIII века, вызванное периодическими татарскими «ратями» (1281, 1282, 1285, 1293 годов), то сроки покажутся не столь уж большими. Нельзя забывать и о том, что в самый разгар строительства (1287/88 год) из-за какого-то неизвестного нам конфликта между Михаилом Тверским и Дмитрием Переяславским на Тверь двинулись объединённые войска сильнейших русских княжеств (20, 34). Неизвестно, каковы были условия мира, но едва ли они способствовали ускорению строительства. Во всяком случае, после этого похода Михаил Тверской на протяжении ряда лет не проявлял политической активности.

За сходство тверского собора с переяславским говорит и аналогичное посвящение храма. Предшествовавшая каменному собору деревянная церковь была посвящена «врачам безмездным» Козьме и Демьяну, которых на Руси считали покровителями кузнечного дела. О причинах такого посвящения источники не сообщают. Вероятно, это было связано с какими-то тверскими событиями и легендами. Однако очевидно, что посвящение нового собора центральному образу христианства — Спасителю — было более статусным, отвечавшим растущим притязаниям Твери. Напомним,

что городской собор в честь Спаса Преображения — родовая святыня многочисленных потомков черниговских Ольговичей — красовался в центре Чернигова. В Северо-Восточной Руси городские каменные соборы с этим посвящением имелись в Переяславле Залесском, Угличе и Нижнем Новгороде, а монастырский — в Ярославле. Спаса Преображению был посвящён главный храм Торжка — города, с которым тверские князья имели оживлённые торговые и политические отношения.

(Однако посвящение нового тверского собора Спаса Преображению едва ли выражало стремление Михаила Тверского завладеть Переяславлем, как полагал тот же Н. Н. Воронин (51, 137). Борьба за Переяславль развернулась позднее и была связана с пресечением переяславской династии. В 80-е годы XIII века этот город был постоянным владением старшей линии потомков Ярослава Всеволодовича, оспаривать права которых никто не собирался. Захват Переяславля князем Фёдором Чёрным Ярославским в 1293 году носил характер набега и не ставил стратегических целей).

Параллель тверского собора с переяславским тем более вероятна, что Тверь наряду с Москвой была основным центром, принимавшим население из многократно опустошённого татарами Переяславского княжества. «Во второй половине XIII в. Переяславль-Залесский подвергался разорению пять раз (в 1252, 1281, 1282, 1293 и 1294 гг.), четыре раза было разгромлено Переяславское княжество — в 1281 и 1282 гг.» (117, 192).

Наиболее естественное направление бегства переяславцев — на север, по Нерли Волжской и вверх по Волге, — приводило именно в тверские земли. Привлечение в свои владения переселенческих потоков было важной заботой каждого правителя. Перенесение привычных святынь, так же как повторение на новом месте привычных для переселенцев названий и художественных образов, — обычное явление любой массовой миграции.

За сходство с переяславским собором говорит и отсутствие у тверского храма подклетов. На это указывает летописное сообщение о пожаре в Твери в 1298 году (18, 171). В огне, охватившем деревянный дворец, погибла вся княжеская казна — «казна княжаа вся згоре». Между тем известно, что подклет собора в XIV—XV веках постоянно использовался как хранилище княжеской казны. Было бы странно, что князь Михаил Тверской не использовал для хранения казны этот естественный сейф. Очевидно, подклета просто не было. Как и Спасо-Преображенский собор в Переяславле, тверской собор стоял прямо на земле.

Высокие лестницы, имевшиеся у тверского собора, связаны не с подклетом, а с повышенным уровнем пола, что, в свою очередь, было

обусловлено захоронением в соборе князей и епископов. Кроме того, сооружение в храмах высоких лестниц «усиливало впечатление величественности от этих по существу скромных зданий» (66, 117).

Наше представление о Спасо-Преображенском соборе в Твери находит подтверждение и в наблюдениях над архитектурными типажам второй половины XIII—XIV веков, сделанных современным исследователем вопроса. По его мнению, «мы вправе полагать, что Спасо-Преображенский собор в Твери был одноглавым, четырёхстолпным и имел весьма скромные размеры» (65, 106).

Итак, тверской собор стал своего рода заявкой на самостоятельную, а может быть, и ведущую роль молодого тверского князя в тогдашних политических отношениях Северо-Восточной Руси. Примечательно, что летопись представляет Михаила Тверского рука об руку с его матерью — княгиней-вдовой Ксенией. Судьба Твери во многом зависела от мудрости и дальновидности этой незаурядной женщины...

Взгляд из тьмы

Исследователь русского Средневековья, как правило, не имеет возможности стать лицом к лицу со своими персонажами, заглянуть им в глаза. В истории Михаила Тверского мы, кажется, имеем исключение из этого правила. Но прежде — небольшое отступление...

В истории христианства сияют небесной славой имена римского императора Константина I Великого (306—337) и его матери Елены. Константин утвердил христианство в качестве государственной религии. Другой его заслугой было основание Константинополя. Царица Елена в 326 году обрела в Святой земле Крест Господень и выстроила храм Гроба Господня. Согласно месяцеслову 21 мая празднуется память равноапостольного царя Константина и матери его царицы Елены. Восточным славянам эта история была широко известна со времён Крещения Руси. Ситуация, сложившаяся в Тверском княжеском доме в 80-е годы XIII столетия, имела сходство с древним прототипом. Благочестивая княгиня-вдова и её деятельный сын, проявляющий незаурядные таланты и способности в качестве правителя. По их повелению в городе возводятся новые укрепления и величественные храмы.

Человек Средневековья жил в мире древней истории. Жизнь шла по вечному кругу, повторяя одни и те же первообразы. Придворные писатели часто сравнивали выдающихся правителей с «равноапостольным царём Константином». И ситуативное сходство благочестивого Михаила Тверского с Константином Великим, Ксении — с Еленой, а Твери с Константинополем — при всей его условности — конечно, не прошло незамеченным. Помимо всего прочего это сходство побуждало к различным начинаниям в области литературы и искусства...

Далее мы вступаем на путь более или менее основательных предположений, высказанных исследователями.

Выполняя заказ державной четы, тверские книжники переписали и украсили миниатюрами византийскую Хронику Георгия Амартола (Временник Георгия Монаха), переведённую на церковнославянский язык в Киеве в XI столетии. Эта «всемирная история», пользовавшаяся большой популярностью в средневековой Руси, содержала среди прочего и подробный рассказ о деяниях императора Константина и его матери Елены.

Работа над огромной по объёму рукописью выполнялась несколькими

мастерами и время от времени прерывалась из-за разного рода неблагоприятных обстоятельств. Начало этой работы исследователи относят «к отрезку времени между 1304—1307 годами» (98, 22). В эти годы Михаил Тверской, получив в Орде ярлык на великое княжение Владимирское, находился на вершине славы и был полон честолюбивых надежд.

Тверской список Хроники Георгия Амартола написан на пергамене и украшен 127 миниатюрами в тексте и двумя миниатюрами, предшествующими тексту («выходными»).

Среди этих миниатюр, в большинстве своём весьма посредственных, наибольший интерес представляет «выходная» миниатюра с изображением князя Михаила Тверского и его матери Ксении, предстоящих сидящему на престоле Спасителю. Но если черты лица Ксении практически стёрлись от времени, то лицо Михаила сохранило яркие индивидуальные черты. .

«Прежде всего, поражает наличие уже упоминавшихся выше индивидуальных особенностей, которые свидетельствуют о портретном сходстве: необычность строения удлинённого лица с тупым, почти квадратным подбородком, едва опушённой бородкой (не забыта даже ямочка под нижней губой!), с короткими усами, мясистым носом, выпуклыми, широко расставленными глазами и короткими волосами (прикрытыми повязкой или небольшой зеленоватой плоской шапкой неопределённой формы, скорее похожей на расплывшийся мазок краски). Не раз исследователи говорили о наличии “болгаризмов” в одежде князя. Их видели и в форме кафтана, и в узких рукавах, и поручах, и в чёрных сапогах... Всё же вопрос об одежде князя не может считаться полностью исследованным» (98, 35).

К этому словесному портрету добавим два слова от себя. Человек, изображённый на миниатюре, — личность явно неординарная. В его облике есть что-то болезненное. Такое отрешённое, задумчивое выражение и как бы остановившийся взгляд бывают у людей, привыкших размышлять на отвлечённые темы. Словом, из средневековой тьмы на нас смотрит древнерусский интеллигент, духовный потомок Даниила Заточника.

На подножии трона Спасителя читается надпись писца или миниатюриста — «многогрешный Прокопий писал».

Если принять мнение о том, что работа над рукописью (и, соответственно, «выходной» миниатюрой) началась в 1304—1307 годах, то, стало быть, Михаил Тверской изображён здесь в возрасте тридцати трёх-тридцати четырёх лет.

Глава 6

КСЕНИЯ ЮРЬЕВНА

Древность темна.

Тацит

В Средние века мужчины умирали гораздо раньше, чем женщины. Разумеется, речь идёт о некоей «средней продолжительности жизни». Среди князей встречались долгожители (Владимир Мономах, Юрий Долгорукий, Всеволод Большое Гнездо), а княгини порой умирали в ранней юности тяжёлыми родами. И всех равно время от времени выкашивала «чёрная смерть». Но это — исключения. А в целом дело обстояло именно так.

Нашествие монголов и превращение Руси в улус Золотой Орды резко усилили эту тенденцию. Княгиня-вдова, оставшаяся в миру и занятая не только воспитанием малолетних детей, но и отстаиванием их политических интересов, — обычное явление в первые сто лет ига. Но вся эта «женская половина» отечественной истории тонет во мраке неизвестности.

Примером женщины-правительницы стала княгиня Мария Михайловна Ростовская — вдова убитого татарами князя Василька Константиновича Ростовского. Она не только упоминается в летописях — что уже само по себе свидетельствует о её неординарности, — но также (по мнению некоторых исследователей) участвует в летописной работе и составляет некрологи погибшим от рук татар русским князьям.

Рядом с ней по праву должна занять почётное место княгиня Ксения Юрьевна Тверская.

Выбор пера

Напомним читателю, что отец главного героя нашей книги князь Ярослав (Афанасий) Ярославич Тверской умер, возвращаясь из Орды осенью 1271 года. Михаил Тверской вырос без отца. Его воспитанием занималась мать, княгиня-вдова.

Ксения Тверская была и остаётся неразрешимой загадкой для историков. Сложность загадки состоит не только в отсутствии каких-либо документов личного характера, позволяющих создать достоверный образ этой женщины, но и в том, что историкам недоступен сам механизм участия женщин в политической, общественной, экономической и культурной жизни средневековой Руси. Догадываясь о высоком статусе женщины в тогдашнем обществе, историки не имеют данных для ясного определения этого статуса и обычно ограничиваются комплиментами общего характера. В качестве примера приведём фрагмент предисловия протоиерея Георгия Белодурова к биографии княгини Ксении, изданной недавно одним из тверских издательств:

«Выход книги, посвящённой благоверной княгине Ксении Тверской, в схиме Марии, приурочен к 700-летию со дня блаженной кончины этой выдающейся женщины, воспитавшей не менее выдающегося сына, святого благоверного князя Михаила Ярославича Тверского, и внёсшей немалый вклад в развитие самого Тверского княжества, будучи регентшей при своём знаменитом сыне в период его детства и отрочества»(52, 5).

Писать биографию княгини Ксении — как, впрочем, и любого из русских святых — пером историка гораздо сложнее, нежели пером агиографа. И если для первого необходимы более или менее надёжные исторические источники, то второй может заменить их обычными житийными клише. Несколько утрируя, скажем, что можно написать житие святого, о котором практически ничего не известно. (Множество таких житий содержат, например, макарьевские Четьи минеи — энциклопедия русской святости времён Ивана Грозного).

Тупик аннигиляции

Аннигиляция — по-латыни значит «уничтожение», «исчезновение». Энциклопедия пояснит нам, что это «один из видов превращений элементарных частиц, происходящий при столкновении частицы с античастицей. При аннигиляции частица и античастица исчезают, превращаясь в другие частицы...» (118, 61).

Применительно к исторической биографии Михаила Тверского явление аннигиляции состоит в том, что, работая с источниками, историк желает получить конкретный ответ на свои вопросы (частица «да»). Вместо этого он неизменно получает отрицательный ответ (частица «нет»). Таким образом, частица «да» сталкивается с частицей «нет». Дальнейшее — по законам физики. «...Частица и античастица исчезают, превращаясь в другие частицы»... Эти «другие частицы» — логические построения, основанные на интуиции автора и его общих представлениях относительно мотивации поведения людей данного общества, а также — на понимании автором стоящей перед ним творческой задачи. Эти построения, где грань фантазии так соблазнительно близка, — пожалуй, самые тонкие инструменты в распоряжении историка. Вооружившись этими инструментами, обратимся к биографии княгини Ксении Тверской.

На уже известной читателю миниатюре Хроники Георгия Амартола рядом с изображением князя Михаила представлен и образ матери святого — княгини Ксении Юрьевны. Но если оригинальные черты лица Михаила сохранились довольно чётко, то образ Ксении состоит из одного очертания женской фигуры с покрытой головой и молитвенно воздетыми руками. Всё прочее стёрто временем и прикосновением множества рук читателей книги. Именно такой — в виде лёгкого контура — и осталась княгиня Ксения Тверская в русской истории.

Любая биография начинается рождением и продолжается наречением имени. Само происхождение имени тверской княгини говорило о многом. Среди краткого перечня латинских и греческих женских имён, начинающихся на букву «к», единственное более или менее обрусевшее — Ксения. В переводе с греческого оно означает «иностранка», «странница». Действительно, в пространстве русского языка это имя звучит как-то странно, чуждо.

Известна давняя склонность русского народа переименовывать на свой лад иностранные слова вообще и иностранные имена — в частности. На Руси Георгий стал Егором, Константин — Стянтином, Елевферий — Алфером и т. д. В разговорном русском языке по-гречески суховатое имя *Ксения* произносили с вольным разгулом гласных — *Аксинья* или *Оксинья* (10, 445). В церковных текстах можно найти и такие формы, как *Ауксинья*, *Еуксинья* (145, 171).

Среди десятков женских имён княгинь и княжон дома Рюриковичей наша Ксения — едва ли не единственная. Кроме неё это имя носила только жена ярославского удельного князя Василия Всеволодовича.

Это неприятие русской знатью имени Ксения во многом объяснялось его значением. *Иностранка*, *странница* — и тот и другой смысл подразумевал некое одиночество, необычное положение среди людей. Житие святой Ксении, жившей в V веке, рассказывает о том, что во имя служения Богу Евсевия — так называли святую при рождении — с юности отказалась от радостей семейной жизни. Единственная дочь римского сенатора, она бежала из дома и в сопровождении двух служанок отправилась странствовать в Египет. Скрываясь от искавших её родителей, она сменила имя и стала называть себя Страницей — Ксенией.

Перебравшись в Малую Азию, Ксения построила в окрестностях Милета церковь во имя святого Стефана, а позднее основала женский монастырь, став его настоятельницей. Её постоянными занятиями были щедрая благотворительность и подвиги благочестия.

Житие святой Ксении служило для княгини Ксении Юрьевны богатой пищей для размышлений. Ранняя кончина мужа и постоянный страх за жизнь единственного сына, смерти которого желали весьма и весьма многие влиятельные люди той поры, превратили её жизнь в непрерывное молитвенное стояние. Она каялась и постилась, строила часовни и храмы, заботилась о нищих и бездомных — словом, стала не только горячо верующей, но и деятельной христианкой. И этой деятельной вере она учила своего сына Михаила.

Плоды воспитания

«Всякое дерево познаётся по плоду своему» (Лк. 6:44).

Рассказ очевидца о гибели Михаила Тверского в Орде (Повесть о Михаиле Тверском) свидетельствует о глубокой религиозности князя-мученика. Это — главный из плодов того воспитания, которое дала сыну княгиня Ксения.

Приведём выдержки из Повести по версии Софийской Первой летописи старшего извода — по мнению исследователей, одной из наиболее близких к утраченному оригиналу произведения (83, 128).

Михаил «роди же ся воистину от блаженныя и преподобный матери великия княгини Оксиньи, его же святая та и премудрая мати въспита в страхе Господни и научи святым книгам и всякой премудрости» (14, 376).

Князь с детства имел привычку перед сном молиться и петь псалмы: «Преподобный же благоверный князь великий Михаилу, яко имяше изъмлада, никако же изменяше правила своего, в ночь убо пояше псалмы Давдовы» (14, 385).

Он умел читать и писать. Предчувствуя роковой исход своей поездки в Орду, Михаил отпустил провожавших его до Владимира сыновей, «дав им ряд, написав грамоту, разделив им вотчину свою» (14, 383). В последние часы жизни он «не престающе поя псалтырь, а один отрок его седяше перед ним, прекладая листы» (14, 386).

Все эти достоинства Михаила — лишь обрамление его главной добродетели — готовности следовать евангельскому требованию самопожертвования «за ближних своих». Выступая из Твери против русско-татарского войска Юрия Московского, Михаил подвергает себя не только опасности поражения в битве с сильным противником, но и опасности ханского гнева за сражение с татарами. Объясняя своё решение тверским воинам, князь вспоминает евангельские императивы:

«Братия, слышите, что глаголетъ Господь в еуангелии: “Иже аще кто положить душу свою на другы своя, то велик наречётся в царствии небесном”. Нам же ныне не за один друг или за два положити душа своя, но за тол ко народа, в полону суца, а инии изъбъени суть, а жёны их и дщери осквернени суть от поганых. И ныне, аже за толко народа положим душа своя, да вменится нам слово Господне въ спасение» (14, 379).

Помимо глубокой религиозности княгиня Ксения научила сына и

некоторым житейским добродетелям. Михаил воздерживался от пьянства и похоти, «тем и любим бе материю своею преподобною Оксиниею, беша бо послушлив въ всем матери своей» (20, 36).

Мерцающие даты

Первый вопрос, на который бы хотелось получить конкретный ответ, — годы жизни княгини. И тут же — первое «нет». Дата её рождения неизвестна. В поисках некоей хотя бы относительной истины историк вынужден идти окольными путями. Известен год вступления Ксении в брак с князем Ярославом Тверским. Под 6772 годом Рогожский летописец сообщает: «Того же лета оженися (князь Ярослав Тверской. — Н. Б.) в Новегороде Великом и поятьза ся дщерь Юриеву Михайловича» (20, 33). Это древнерусский календарь, мартовский год (61, 14). Он начинался с 1 марта 1264-го и заканчивался 28 февраля 1265 года.

События этого времени выстраиваются в логическую цепочку. 14 ноября 1263 года в Городце на Волге умер, возвращаясь из Орды, Александр Невский. Настала очередь Ярослава Тверского по порядку старшинства занять стол великого князя Владимирского. Для этого ему нужно было собрать обоз для поездки в Орду, получить там ярлык, затем вернуться с ханским послом на Русь, взойти на владимирский стол и наконец — получить признание новгородцев. Уставшие от тяжёлой руки Александра Невского, они хотели добиться от нового великого князя ощутимых уступок.

На всё это Ярослав потратил несколько месяцев. Надо полагать, что в Новгород он явился летом или осенью 1264 года. Новгородские боярские кланы — чьё могущество основано было на вотчинах и торговых капиталах — начали с князем жёсткий торг. Вот здесь-то, должно быть, и возникла у Ярослава идея породниться с одним из новгородских боярских семейств и тем самым умножить ряды своих сторонников на Волхове.

(Заметим, что в эти годы среди упомянутых источниками новгородских посадников нет человека по имени Юрий Михайлович (150, 511)).

Серьёзным препятствием на пути осуществления этого матримониального замысла было осуждение церковью второго брака. И хотя причина в данном случае была достаточно уважительной — гибель первой жены от рук татар во время *Неврюевой рати* 1252 года, — за разрешением на второй брак князю, скорее всего, пришлось обращаться к митрополиту Кириллу. В таких случаях (например, в истории третьего брака Семена Гордого) просителю обычно приходилось дать митрополиту

или патриарху щедрую «милостыню».

С учётом этих затруднений осуществление брачного проекта князя Ярослава потребовало ещё нескольких месяцев.

Когда же, наконец, второй брак Ярослава стал свершившимся фактом? Некоторое указание на этот счёт даёт известный собиратель народных обычаев И. Сахаров. «Свадьбы старых людей всегда приготавливались к двум уложенным срокам: к Великоденскому и Рождественскому мясодам. Эти времена на Руси называли свадебными» (114, 5—6).

«Великоденский мясоед» — период от Великого дня (Пасхи) до начала Петрова поста. Рождественский мясоед — период от Рождества Христова (25 декабря) до Масленицы. Скорее всего, новгородская свадьба князя Ярослава Тверского состоялась на Рождественский мясоед — период от 25 декабря до Масленицы, «масляной недели», которая в 1265 году приходилась на период с 8 по 15 февраля.

Учитывая особое отношение князя Ярослава, носившего церковное имя Афанасий, к памяти святого Афанасия Александрийского, можно с большой долей уверенности предположить, что свадьба была сыграна 18 января 1265 года. В этот день церковь вспоминала святых Афанасия и Кирилла Александрийских. Примечательно, что в 1265 году 18 января приходилось на воскресенье — обычный день для княжеских свадеб. А ещё через неделю — в субботу 24 января — был день именин невесты. По церковному календарю в этот день вспоминали преподобную Ксению.

В ту пору девушки рано вступали в брак. Допустим, что возраст невесты Ярослава был минимальным — около пятнадцати лет. Тогда год её рождения можно предположительно определить как 1250-й. За периоде 1265 по 1271 год Ксения родила князю Ярославу двух дочерей и сына — будущего святого благоверного князя Михаила Ярославича. Одну из дочерей Ксения, как уже говорилось, в 1282 году выдала замуж за князя Юрия Львовича Галицкого; другая, подобно святой Ксении, рано ушла в монастырь. Такова вполне реальная для той эпохи княжеская семейная картина.

От рассуждения о датах жизни княгини Ксении Юрьевны приходится рано или поздно перейти к дате её кончины.

Наиболее надёжный источник по ранней истории Твери, Рогожский летописец, говорит об этом печальном событии кратко: «Того же лета (6821/1313) преставися великая княгини Ярославля Оксиния, а в пострижении Мариа» (20, 36). Летописеведческие наблюдения свидетельствуют о том, что в данном случае летописец пользуется *ультрамартовским* стилем (61, 18; 108, 47). Иначе говоря, в рамках 6821

года Рогожского летописца находятся события, реально имевшие место с 1 марта 1312-го по 28 февраля 1313 года.

Несколько иначе читается это известие в Симеоновской летописи:

«В лето 6820 преставися княгини Ярославля Ярославичя, именем Оксинья, в черницах и в скиме, и положена бысть на Тфери» (22, 87). Здесь использован мартовский стиль, то есть также помещены события, имевшие место с 1 марта 1312-го по 28 февраля 1313 года.

Никаких более точных данных о времени кончины Ксении Юрьевны источники не содержат. Впрочем, некоторый материал для размышлений даёт её иноческое имя — Мария. Вопреки обычаю оно не начинается с той же буквы, что и мирское имя.

Кто же эта Мария, в честь которой княгиня получила своё монашеское имя? Известно, что давать имя в честь Божьей Матери было недопустимо. Обычно имя Мария означало посвящение одной из жён-мироносиц (Марии Магдалине, Марии Клеоповой), память которых праздновалась в третью неделю по Пасхе. В 1312 году Неделя святых жён-мироносиц приходилась на период с 2 по 9 апреля.

Княгиня Ксения Юрьевна предстаёт на исторической сцене с длинным шлейфом вопросов, не имеющих однозначных ответов.

Кто был её отец? Неизвестно. Одни считают его новгородским боярином, другие — князем Тарусским, отпрыском славного черниговского дома (52, 36). Заметим, что именование по имени и отчеству характерно для новгородской знати. Среди новгородских бояр XIV—XV веков многие носили имя Юрий.

(Согласно тверскому преданию, записанному в Повести о тверском Успенском Отроче монастыре, Ксения была дочерью причетника Афанасия из села Единонова. Её женихом стал отрок Григорий из княжеской свиты. Однако Божьим промыслом Ксения была предназначена в жёны князю Ярославу Тверскому. После ряда романтических приключений именно так и случилось. Потерявший свою невесту отрок Григорий постригся в монахи с именем Гурий и основал близ Твери Успенский Отроч монастырь. Одинок стоящий собор этого разрушенного монастыря и донныне украшает «стрелку» у впадения Тверцы в Волгу...)

Какую роль играла Ксения в политической жизни Твери в период регентства? И как долго продолжался этот период? Мы не знаем точной даты кончины Святослава Тверского. Полагают, что он умер около 1283 года. Но уже в 1285 году четырнадцатилетний Михаил Тверской вместе с матерью начал строить Спасо-Преображенский собор. А вскоре Михаил женился, чем формально положил конец периоду своего

несовершеннолетия. Таким образом, правление Ксении было недолгим и мало что изменило в политическом курсе Твери.

Да и что представлял собой режим регентства как система верховной власти? Могла ли княгиня вести заседание боярского совета? Обладала ли правом решающего голоса при обсуждении военно-политических вопросов? Не имея ответов, можно лишь провести аналогию с традициями Орды, где вдовы ханши (от вдовы Угедея Туракины до вдовы Джанибека Тайдулы) много лет правили степной державой, оттягивая созыв курултая для избрания нового хана. Пример Орды, безусловно, определённым образом воздействовал на русский политический уклад XIII—XV веков.

До конца своих дней Ксения пользовалась большим влиянием на сына и даже отстаивала его интересы в некоторых религиозно-политических конфликтах. Так, в 1305 году она вместе с митрополитом Максимом уговаривала Юрия Московского не вступать в борьбу за великое княжение Владимирское.

После кончины Ксения была погребена во Введенском приделе тверского Спасо-Преображенского собора. В Тверской земле она почиталась как святая. Память её праздновалась 24 февраля, в день её тезоименитства (76, 52).

Глава 7

ДЕВЯНОСТО ТРЕТИЙ ГОД...

Бушует пламя, сверкают мечи,
льётся кровь.

Тацит

В истории народов и государств есть даты, словно написанные кровью. Такой датой в истории Франции стал, например, «девяносто третий год» — 1793-й, год якобинского террора, гильотины и беспощадного революционного трибунала. Виктор Гюго ярко изобразил это в одном из своих произведений, которое он так и назвал — «Дева́нсто третий год».

В русской истории есть свой «девяносто третий год». Эта цифра не связана с революционным террором. Она уводит в далёкое Средневековье, в тёмные времена татарского ига. Но суть события примерно та же: гибель множества невинных людей из-за безумных химер и эгоизма правителей.

Властолюбие князей, порождавшее бесконечные усобицы, в конце концов привело к бедствию, масштабы которого летописцы сравнивали с нашествием Батыя. То была печально знаменитая *Дюденева рать*, случившаяся зимой 1293/94 года. Историки говорят о ней как о «самом значительном погроме Северо-Восточной Руси после нашествия Бату» (64, 186).

Рваная сеть

Древнерусские летописи напоминают сеть, с помощью которой историк вылавливает в реке времени свою скромную добычу. Однако в этой сети порой зияют такие дыры, сквозь которые уходит и самая крупная рыба. Такого рода метафоры часто приходят в голову тому, кто на основе летописей — а другой основы для этого у историков почти нет — пытается восстановить хотя бы контуры событий последней четверти XIII столетия. В качестве подтверждения этих жалоб предъявим читателю саму «дырявую сеть».

Ранний по времени — а стало быть, и наиболее предпочтительный для историка — рассказ об этом событии можно ожидать в Лаврентьевской летописи, написанной в 1377 году в Нижнем Новгороде, но, как полагают, воспроизводящей текст великокняжеского свода князя Михаила Ярославича Тверского (1305 год). Однако именно тот лист, на котором сообщалось о событиях 1288—1294 (6796—6802) годов, в рукописи утрачен. Такой же дефект — отсутствие одной или двух страниц с событиями 1272—1299 годов — имеет и Синодальный список Новгородской Первой летописи, написанный в этой части около 1330 года. И только Комиссионный список Новгородской Первой летописи, написанный в середине XV столетия, сохранил раннюю, но весьма краткую версию рассказа о Дюденевой рати:

«Того же лета (1293) бил чолом Андреи князь цесареви (хану Тохте. — *Н. Б.*) с иными князи на Дмитриа князя с жалобами, и отпусти цесарь брата своего Дуденя съ множеством рати на Дмитриа. О, много бяше пакости крестияном, безвинныя городы поимаша: Володимерь, Москву, Дмитров, Волок и иныя грады, положиша всю землю пусту; а Дмитрии во Пьсков вбежа. Новгородци же Семёном Климовичем дары послаша цесарю Дюдению на Волок: “воспяти (возврати. — *Н. Б.*) рать с Волока”; а по Андрея послаша с поклоном. Андреи князь рать въспяти, а сам поиха в Новьгород и седе на стол, в неделю сыропустную» (5, 327).

Ещё один любимый историками древний источник — Рогожский летописец — сообщает о Дюденевой рати с поразительной краткостью:

«В лето 6801 приведе Андреи из Орды Дуденя ратию на великаго князя Дмитриа и много зло бысть Руси» (20, 35).

Лаконизм летописцев часто заставляет историков в поисках сведений

идти окольными путями. Так происходит и в этом случае. Наблюдения свидетельствуют о близости текста Лаврентьевской и Троицкой летописей. Последняя (сгоревшая в пожаре 1812 года) идентична на интересующем нас временном пространстве тексту сохранившейся до наших дней Симеоновской летописи. Этот устоявшийся в науке взгляд в последнее время вызывает некоторые сомнения. Однако за неимением лучшего воспользуемся традиционным построением.

В нашем повествовании мы берём за основу рассказ Симеоновской летописи, разделяя его для удобства чтения и комментирования на смысловые блоки. При этом отметим, что даже самый подробный и близкий по времени летописный рассказ — не более чем пунктирное обозначение событий. О причинах этих событий летописец либо рассуждает в духе провиденциализма, либо вообще умалчивает.

Нашествие

Итак, открываем Симеоновскую летопись:

«Дюденева рать. В лето 6801 (1293) бысть в Русской земли Дюденева рать на великого князя Дмитрея Александровича, и взяша столный град славный Володимерь и Суждаль, и Муром, Юрьев, Переяславль, Коломну, Москву, Можаяск, Волок, Дмитров, Угличе поле, а всех городов взяша татарове 14» (22, 82). Столько же городов было взято Батыем зимой 1237/38 года (10, 464).

В первых же строках — недоумение. Из общего количества взятых городов — четырнадцати — названы только одиннадцать. Какие города «остались за скобками»? Историк у остаётся только догадываться и на этих догадках строить свою реконструкцию событий...

(Мы часто жаловались читателю на бедность и скудость источников. Но не всё так плохо, как может показаться. Раскроем один из секретов нашего ремесла. За ритуальными жалобами скрывается очарование пустых пространств. Эта пустота, это изобилие свободного для обустройства пространства составляют не подлежащие приватизации владения историка. Здесь он может в полной мере дать волю своему воображению и выстроить *своё прошлое*).

Подлинная картина Дюденовой рати требует красной и чёрной палитры. Сухой реестр захваченных степняками городов можно дополнить сценами из «Горестной песни» магистра Рогерия, описавшего схожее по масштабу бедствие — завоевание татарами Венгрии в 1241—1242 годах:

«Относительно же общего числа погибших (в битве при Шайо 12 апреля 1241 года. — Н. Б.), знатных и простолюдинов, которые утонули в болотах и водоёмах, были сожжены огнём и умерщвлены мечами, ни у кого из смертных не может быть уверенности. Ибо тела многих убитых лежали на полях и дорогах, одни с отсечённой головой, другие расчленённые на части, многие были сожжены в поселениях и церквах, в которых пытались скрыться. Эта гибель, это уничтожение и опустошение тянулись на расстоянии двух дней пути — столько земля была окрашена кровью. Тела возвышались над землёй подобно тому, как стоят на пустынных пастбищах стада скота, овец и свиней, или подобно тому, как стоят в каменоломнях вырубленные для строительства камни. Тела многих утонувших находились в водоёмах, съедаемые обитающими в воде рыбами, червями и

птицами. Земля приняла во владение окровавленные тела тех, кто покоился, будучи уязвлённым копьями, саблями и стрелами; небесные птицы и зубастые звери, как домашние, так и лесные, беспрестанно глодали их кости. Огонь забрал тех, кто был сожжён в церквах и поселениях. Иногда эти тела тушили собой огонь. За короткое время они не могли быть съедены, и часто во многих местах позднее находились завёрнутые в шкуры почерневшие кости: не ставшие лёгкой добычей ни для различных зверей, не повреждённые ни каким-либо иным образом. Побывав во власти первых трёх элементов, эти тела достались четвёртому. Воздуху же, который называется четвёртым элементом, прочие три передали исходящее от тел зловоние» (4, 41).

На основании летописного перечня разорённых городов (в котором, напомним, отсутствуют три города из четырнадцати) историки определяют состав противостоящих княжеских коалиций — сторонников Дмитрия Переяславского и сторонников Андрея Городецкого. За аксиому принимается то, что владения первых были разорены, тогда как владения вторых не пострадали. Однако сохранившиеся в летописях описания совместных походов галицко-волынских князей и татар на Литву и Польшу свидетельствуют о тотальном разорении татарами всех населённых мест на пути их следования (64, 190).

Помимо этого, политические отношения отступали перед законами зимней войны. Конные массы двигались в заваленной глубокими сугробами безлюдной лесной стране. Это обстоятельство диктовало и тактику степняков. Отряды Дюдены сначала размещались в одном городе, а затем оттуда веером расходились в поисках добычи и пленных по дорогам местного значения (64, 185). При этом основными дорогами были замёрзшие реки. Вероятно, выбор времени для нападения на Русь был не случаен. Зимой мирное население не могло долго укрываться в лесах и представляло лёгкую добычу для степняков. Преследователям было достаточно легко найти беглецов по следам на снегу.

Исходя из рассказов летописцев, картина *четвёртой рати* (считая инициированные Андреем три похода татар на Русь в 1281, 1282 и 1285 годах) представляется следующим образом. Татары пришли из Орды по Волге, затем от Нижнего Новгорода по Оке и Клязьме вышли к Владимиру. Великий князь Дмитрий Александрович — главная цель похода, — по видимому, находился в это время во Владимире, но оттуда собирался бежать в свою удельную столицу Переяславль Залесский. Предвидя этот манёвр, татары (вероятно, по совету князя Андрея) обошли Владимир с севера и первым делом захватили Суздаль. Таким образом, они

перехватили торный путь из Владимира в Переяславль Залесский по реке Нерль Клязьминская.

Однако старший сын Александра Невского умел воевать не хуже своего младшего брата. Он успел вовремя отойти из Владимира в Переяславль. Был ли Владимир взят татарами с боем или же не оказал сопротивления — неизвестно.

Азарт погони за великим князем и желание поскорее закончить зимнюю кампанию заставляли степняков и их русских проводников, не засиживаясь во Владимире, спешить в Переяславль.

Город без людей

Князь Дмитрий и его бояре хорошо понимали, что главной целью Дюденовой рати был разгром Переяславского княжества. Эта богатая и давно не подвергавшаяся разорению земля служила экономической основой могущества великого князя Дмитрия. Её тотальное разорение обогащало его гонителей и лишало Дмитрия всяких перспектив.

За провинности князя перед ханом подвергались наказанию его ни в чём не повинные подданные. Таков был древний закон власти, освящённый установками религии. «За государское согрешение Бог всю землю казнит», — говорил Иосиф Волоцкий (34, 176). И это спорное утверждение воспринималось всеми как аксиома.

При всей мощи своих дерево-земляных укреплений, тянувшихся на два с половиной километра, Переяславль не имел достаточно сил, чтобы противостоять многотысячной Дюденовой рати, включавшей и дружины русских князей. Ситуация казалась безвыходной для князя Дмитрия. Не имея сил для защиты Переяславля, он в то же время не мог оставить его на разграбление татарам и своим русским недругам.

Выход из положения подсказала сама жизнь. Узнав о приближении татар, жители Переяславля и окрестных волостей, не дожидаясь княжеских указаний, — а может быть, и получив их, — стали толпами уходить подальше от беды, на территорию соседних княжеств. Таким образом, основное богатство этой земли — люди — ускользало из рук грабителей. Естественным направлением этой панической миграции населения были Тверь и Москва. При этом путь в Тверь — по реке Нерли Волжской и далее по Волге — был более удобным, чем проходивший через лесной водораздел путь в Москву по Шерне и Клязьме.

Не видя смысла защищать покинутый жителями город, князь Дмитрий с дружиной также пошёл на запад, в район Волока (современного города Волоколамска). Эта территория была новгородским анклавом в составе Московского княжества. Там правили местные бояре, наделённые большой самостоятельностью по отношению к Новгороду. По некоторым сведениям, Волк «был уступлен новгородцами Димитрию ещё в 1284 году, и в нём, надобно полагать, сидел сын Димитрия Иван» (147, 7).

Но вернёмся к рассказу о нашествии в Симеоновской летописи:

«Скажем же, какво зло учинися в Русской земле. Поиде бо из Орды

ратью съ тотары князь Андреи и князь Фёдор Ростиславич на князя великаго Дмитрея Александровичя, на брата своего старейшаго, а князь великии Дмитреи тогда был в Переяславли. Слышавше же горожане Переяславци рать татарскую, разбегошася разню люди чёрныя и все волости Переяславьскыя. После же и сам князь великии Дмитреи и з своею дружиною побеже к Волоку, и оттоле к Пскову. И тако замятеся вся земля Суждалская» (22, 82).

Дюденева рать была вызвана не только жалобами Андрея, но и переменами в расстановке политических сил внутри самой Орды. Противостояние Тохты с Ногаем, тянувшееся, то затихая, то разгораясь, через 90-е годы XIII столетия, отражалось противостоянием и даже локальной войной русских клевретов Тохты с протеже Ногаем Дмитрием Переяславским. При этом все внимательно следили за событиями в степях. Под 6801/1293 годом Троицкая летопись сообщает: «Царь Тохта седе на царстве в Орде, а Ногаем победил» (35, 347; 22, 83). Победил и ставленник Тохты Андрей Городецкий.

Кажется, всё сошлось. Однако некоторые исследователи сомневаются в достоверности летописного сообщения о войне Тохты с Ногаем в 1293 году и относят начало боевых действий между степными владыками только к 1298 году (64, 200).

Беспричинный Токтомерь

Ещё в 1282 году Дмитрий Переяславский, спасаясь от нападения Андрея Городецкого и приведённых им татар (*вторая рать*), «бежа во Орду ко царю Ногаю» (17, 161). Поклонившись бекляри-беку и вручив ему щедрые дары, Дмитрий заручился покровительством всесильного временщика.

Логика двоевластия в Орде и на Руси вызывает вопрос: почему во время Дюденевой рати Ногай не поддержал своего вассала Дмитрия Переяславского и не выслал на помощь ему значительное войско? И не была ли поездка Михаила Тверского в Орду к Ногаю в 1293 году именно такой попыткой получить от бекляри-бека помощь против Тохты? Вопросов, как всегда, гораздо больше, чем ответов. И потому всё растут и растут карточные домики гипотез.

Вот как представляет подоплёку Дюденевой рати современный исследователь Золотой Орды:

«Так, в 1293 г. хан (Тохта. — Н. Б.) решил заменить великого князя Дмитрия Александровича Переяславского его братом — Андреем Городецким, который в очередной раз сумел склонить влиятельных ханских советников на свою сторону. Вместе с Андреем Токта направил на Русь своего брата и верного соратника Тудана во главе многочисленных ордынских войск. Поход на Русь 1293 г., известный по русским летописям как “Дюденева рать”, привёл к очередному разорению и опустошению Владимира, Суздаля, Мурома, Юрьева, Переяславля, Коломны, Москвы, Можайска, Дмитрова, Углича и других городов, напомнив русским походы Вату и Неврюя. Цель “рати” была достигнута: великий князь Дмитрий был свергнут, а вскоре и формально отрёкся от великого княжения в пользу младшего брата.

Как мы помним, старший сын Невского Дмитрий являлся ставленником Ногая, и Токта сильно рисковал, действуя за спиной бекляри-бека в пользу Андрея. Однако то ли Дмитрий Александрович со временем утратил благорасположение Ногая, то ли бекляри-бек просто потерял интерес к русским делам, увлёкшись крупной политической игрой на Балканах, но он никак не отреагировал на смену великого князя. И это стало первым шагом на пути усиления власти Токты и, соответственно, ослабления позиций Ногая в Золотой Орде» (101, 76).

Завершая рассказ о Дюденовой рати, летописи дают загадочное известие: «И тое же зимы царь татарьский прииде на Тферь, имя ему Токтамерь, и велику тягость учини людем, овех (одних. — Н. Б.) посече, а овех в полон поведе» (22, 83).

Некоторые историки полагают, что Ногай всё же откликнулся на вызов Тохты и послал на помощь своим русским вассалам татарское войско под началом Токтомера (59, 21). Его появление заставило Дюденя отказаться от штурма Твери, свернуть боевые действия и уйти в степи.

Эта версия выглядит убедительно, однако оставляет без ответа два вопроса. Вопрос первый. Почему Михаил Тверской не отправил присланное ему на помощь войско Токтомера, или Токтомеря, грабить владения своих соперников — Андрея Городецкого и его союзников? Это был бы симметричный ответ на действия противостоящей коалиции... По обычной логике власти «око за око» это необъяснимо. Но кажется нам, что здесь в дела власти вмешивается мораль. Тверской князь Михаил Ярославич был более разборчив в средствах достижения цели, чем его Городецкий кузен со всеми своими присными.

Вопрос второй. Почему посланцы Ногай вели себя в Твери, защищать которую они были присланы, как в завоёванном городе? Ответом на этот вопрос может служить только иная схема событий: предположение о том, что поход на Тверь Токтомеря «можно связать с какими-то действиями тверского князя, вызвавшими очередную феодальную неурядицу и последующую просьбу кого-либо из князей-соперников о присылке карательного отряда» (64, 187).

Грабёж

Как бы там ни было, но четвёртая попытка Андрея занять при помощи татар владимирский трон в 1293 году оказалась успешной. Впереди Андрея ожидали десять лет вожделенной верховной власти. Ценой этого успеха было страшное разорение Северо-Восточной Руси. Татары Дюдены опустошали всё на своём пути, оставляя на пепелищах лишь трупы людей и огромные стаи ворон.

Открываем Симеоновскую летопись:

«Рать же татарская съ князем Андреем и Феодором (Чёрным. — Н. Б.), пришедше в Суждаль, и град весь взяша, также и Володимерь взяша и церкви пограбиша, и дно людное медяное выдраша, и книги, и иконы, и кресты честныя, и сосуды священный, и всяко узорочие пограбиша, а сёла и волости, и погосты, и монастыри повоеваша, и мнишьскому чину поругашася, попадъи жены оскверниша.

Тако потом взяша Юрьев, и сёла, и люди, и кони, и скоты, и имение то всё пограбиша.

Таче же по сём приидоша к Переяславлю и стояли у города много дней, понеже людей несть, выбегли ис Переяславля, и поидоша к Москве, и московскаго Данила обольстиша, и тако въехаша в Москву, и сътвориша также, якоже и Суждалю и Володимерю, и прочим городом, и взяша Москву всю и волости, и сёла» (22, 82).

Вопросы без ответов

Приведённый выше рассказ также вызывает вопросы.

Зачем понадобилось татарам «много дней» стоять возле брошенного жителями Переяславля? Возможно, между князьями и татарами возник какой-то спор о дальнейших действиях или об оплате военных услуг. Андрей и союзные ему князья, в сущности, не хотели разграбления татарами русских городов, так как предполагали в скором времени стать их правителями. Самого Андрея ждал стольный Владимир, а его союзник князь Фёдор Ярославский после ухода Дюдены получил от Андрея в качестве награды за службу Переяславль. Соответственно, князья должны были беречь эти города для себя, в то время как татары искали в них наживы путём грабежа.

Как «обольстили» татары Даниила Московского, позволившего им без боя вступить в Москву? На этот вопрос можно ответить лишь предположениями.

Что до нас, то мы полагаем, что князь Андрей обещал своему младшему брату Даниилу спасти Москву от татар в случае выдачи переяславских беженцев, которых татары и русские князья считали своей военной добычей. Кроме того, имелись (или были выдуманы) какие-то претензии к Даниилу в расчётах по ордынской дани, в основе которых лежала численность населения. Даниил впустил татар в Москву для учёта московского населения. Брат в «число» — перепись населения, подлежащего ордынской дани, — переяславских беженцев он не хотел, понимая, что эти люди с уходом татар постараются вернуться в родной Переяславль. Но едва войдя в Москву, ордынцы принялись за своё обычное занятие — грабёж и насилие.

Взяв Москву без сопротивления, отряды татар стрелами разлетелись по дорогам, ведущим из Москвы во все стороны. Разгрому подверглись Коломна, Можайск, Волок, Дмитров и расположенный в том же, что и Дмитров, направлении Углич. Заметим, что в те времена все эти города — быть может, за исключением Можайска — не принадлежали к Московскому княжеству (59, 20). О их политической ориентации трудно сказать что-то определённое. Вероятно, для татар Дюденовой рати этот веерный набег был не вопросом политики, а вопросом развлечения и наживы...

Историков давно занимает вопрос о политической ориентации

московского князя. Здесь — ключ к пониманию логики событий 1293 года. Но ключ этот — увы! — давно потерян. Остались лишь самодельные отмычки — гипотезы и предположения. Полагают, что Даниил Московский уже в первой половине 80-х годов принадлежал к сторонникам Дмитрия Переяславского (59, 17). Возможно, так оно и было. Однако летописи не дают оснований для бесспорных выводов на сей счёт. Всё, что мы знаем о действиях Даниила Московского во время усобицы его старших братьев, говорит о его миролюбии. Усобица старших братьев вокруг владимирского трона была для него вечным искушением, перед которым он по большей части умел устоять. Благодаря миролюбию Даниила Москва быстро росла и наполнялась беженцами из соседних земель. «Великая тишина» стала её победным знаменем, которое впоследствии так высоко поднимет Иван Калита. И лишь в последние годы жизни Даниил, опираясь на накопленный экономический и военный потенциал своего княжества, стал примериваться к роли великого князя Владимирского.

Спасение Твери

Однако не будем опережать ход истории и вернёмся к событиям зимы 1293/94 года. Захватив Москву, татары двинулись на Тверь. Именно туда ушла основная масса беженцев из Переяславля. Туда нацеливалось теперь острие Дюденовой рати. Для татар это была упущенная добыча, которую следовало вернуть, а для князя Андрея — возможность подорвать могущество молодого соперника — 22-летнего Михаила Тверского.

Продолжим чтение Симеоновской летописи:

«И оттоле въсхотеша ити на Тферь. Тогда велика бысть печаль тферичем, понеже князя их Михаила не бяше в земли их, но в Орде, и тферичи целоваша крест, бояре к чёрным людям, такоже и чёрныя люди к бояром, что стати съ одинаго, битися с татары; бяше бо ся умножило людей и прибеглых в Тфери и из иных княженеи и волостей перед ратью; к тому же услышаша тферичи своего князя Михаила идуща из Орды, и върадовашася вси людие.

И приеха наперёд князя боярин Таврило Юрьевич, назаутрие князь приеха к городу, и вси людие сretoша князя съ кресты, с радостию великою, и бысть радость велика во Тфери.

Се же чюдо бысть, како заступи Бог князя Михаила, идуща из Орды, от многих супостат татар: прииде бо близ къ Москве, а не бяше ему вести, яко на Москве рать татарская, и обретесе некий попин, тот проводил бяше князя на путь мирен.

Татарове же и князь Андреи слышаша приезд князь Михайлов, не поидоша ратью къ Тфери, но поступиша на Волок, и тамо то же зло съдеяша, Волок взяша, а люди из лесов изведоша, и поидоша паки къ Переяславлю, и поидоша въ свояси, много зла сътворше христианом» (22, 82).

(Напомним, что деление на абзацы произведено нами для удобства читателей и в соответствии со смысловыми блоками летописного текста. В Симеоновской летописи весь рассказ о событиях 1293 года даётся сплошным массивом).

Начнём наш комментарий с предпоследнего абзаца древнерусского текста — об избавлении Твери от разгрома татарами Дюденовой рати. «Татарове же и князь Андреи слышаша приезд князь Михайлов, не поидоша ратью къ Тфери» (22, 83)... Тверской летописец, работавший над

текстом общерусского свода в начале XV века, то есть в ту пору, когда князь Михаил Ярославич уже стал героем тверской истории и почитался как местночтимый святой, конечно, должен был особенно тщательно прописать такую «скользкую» тему, как участие князя в событиях Дюденовой рати. Здесь князь представлен как Божий избранник и будущий святой. Небесные силы хранят его и встают на пути его врагов. Однако рассматривая ситуацию скептическим взглядом историка, трудно поверить, что приезд Михаила в Тверь сам по себе мог заставить татар уйти восвояси. Более вероятно, что 22-летний князь привёз от Ногай нечто существенное — золотую пайцу или отряд сопровождения.

Существует предположение о том, что Михаил Тверской, предвидя враждебные действия со стороны Андрея Городецкого и его татар, заранее отправился в Орду «чтобы защитить своё княжество» (72, 78). Там Михаил выпросил у хана Тохты ярлык на своё имя, предъявив ярлык своего отца Ярослава Ярославича Тверского. Этот ярлык он и показал Дюдению, чем спас Тверь от погрома. Эта версия весьма привлекательна для апологии князя Михаила Ярославича. Однако едва ли можно допустить, что Михаил много лет правил своим княжеством, не имея ярлыка от правящего хана Тохты...

Для правильного понимания ситуации требуется некоторая широта исторического кругозора. Проще говоря, следует посмотреть на события, происходившие вокруг Руси. В то время как татары Дюдения опустошали русские земли, в степях назревало сражение между давними врагами и соперниками — ханом Тохтой и эмиром Ногаем. Тучи войны сгущались. Но они могли и развеяться, так и не разразившись грозой. Князь Михаил Тверской возвращался из орды Ногай и имел от него как минимум ярлык на тверское княжение. В этой ситуации война с Михаилом означала бы для ханского брата Дюдения и его русских соратников *прямое* неповиновение ярлыку Ногай, а стало быть, и самому эмиру. А между тем в назревшей степной войне Ногай мог оказаться и победителем. В этом случае он поспешил бы свергнуть Тохту и взойти на золотой трон в Сарае или же возвести на этот трон в качестве своего порученца брата Тохты Дюдения.

Поразмыслив на эту тему, Дюдень предпочёл не обострять отношения с Ногаем и его русскими вассалами.

В итоге татары обошли Тверь стороной. Не доходя до города около 40 вёрст, они свернули с Волги на Шошу и пошли на Волок — недавнее приобретение князя Дмитрия Переяславского. Там ещё не успели остыть походные костры опального князя, погоня за которым и составляла главный охотничий интерес всей экспедиции. Не забудем, что если русские князья

искали в этой войне прежде всего верховной власти, то степняки видели в ней главным образом охоту на людей — самую увлекательную из всех видов охоты...

Разграбив владения Дмитрия на Волоке, татары готовы были гнаться за ним и далее — через новгородские земли. Однако встревоженные новгородцы выслали к степнякам посольство с богатыми дарами. Свою долю даров и обещаний получил, вероятно, и князь Андрей «со товарищи». В результате Дюдень приказал своим всадникам разворачиваться и тем же путём уходить из русских земель обратно в степи.

Можно было ожидать, что князь Дмитрий — как это было во время первой рати с Андреем в 1281 году — поспешит к своему покровителю Ногаю. Но беглец по каким-то соображениям избрал другой маршрут. Из Волока — вероятно, через Ржев и Торопец — он ушёл в недостижимый для татар Псков...

Подобно свободолюбивой Швейцарии, Псков в те времена был столицей всех изгнанников и мятежников. Он с равным великодушием принимал и спасавшихся от татар русских князей, и литовских заговорщиков, один из которых (Довмонт) даже стал псковским князем и местным героем.

Псковичи представляли особый тип русских людей. Привычка жить на самом краю православного мира укрепила их веру и закалила их мужество. Эти смелые люди не боялись никого, кроме Бога. И даже угроза отлучения от церкви — но не от Бога (митрополичий интердикт!) — не могла заставить их отступить.

Псковские летописи, написанные с подкупающей простотой, служат украшением древнерусской словесности, а сам этот город — украшением России.

Упустив князя Дмитрия, татары на Волоке захватили иную добычу — толпы беженцев из Переяславского княжества. С этой добычей они тем же зимним путём — по Шоше, Волге и Нерли Волжской — вернулись в Переяславль. Трудно представить себе, сколько замёрзших или зарубленных татарами людей осталось лежать на этой страшной дороге...

Впрочем, татары не для того брали пленных, чтобы принести их в жертву русской зиме. Вероятно, они оставили добычу первой части похода в Переяславле. Город был по-прежнему пуст. Не задерживаясь более на Руси, степняки двинулись в обратный путь. Увлекательное приключение закончилось. Кочевников терпеливо ждали их неторопливые овцы и скрипучие кибитки под широким небом степей...

Осмысление бессмыслицы...

Придя на великое княжение Владимирское в 1294 году, Андрей Городецкий до самой своей кончины в 1304 году сохранял за собой эту позицию. Конечно, забот у великого князя хватало. И всё же только теперь у Андрея появились свободное время и потребность осмыслить происшедшее. Позади — 13 лет непрерывной борьбы, горы трупов и могила брата. Чего ради он вёл эту смертельную игру? Стоила ли достигнутая цель затраченных усилий?

Не знаем, что отвечал Андрей на эти вопросы, которые должны были возникнуть и в самой незатейливой голове. Но, к сожалению, русские князья той эпохи не имели привычки к теоретическому обоснованию своих действий. Что же касается историков, то их прежде всего интересует вопрос о том, можно ли в бесконечной и кровавой усобице сыновей Александра Невского усмотреть какой-то исторический смысл, какое-то движение к общезначимой цели. На этот вопрос историки отвечают по-разному. Одни (Дж. Феннел) полагают, что всё это соперничество «выглядело как огромная семейная ссора из-за власти и земель без малейших признаков стремления к общему благу» (137, 190). Со смертью Андрея Александровича «пришёл конец эры, по-видимому, крайней, свинцово-мрачной безнадежности и бесцельности, когда правители как будто утратили всякие ориентиры» (137, 208). Другие (С. М. Соловьёв) поднимают всех участников усобицы на уровень строителей единого Русского государства и предлагают не искать различий в их нравственности. «Благословим лучше всех участников в этой великой борьбе, всех — победителей и побеждённых в благодарность за то, что пользуемся плодами их борьбы, плодами их трудов и бедствий» (123, 231). Третьи (А. Е. Пресняков) считали, что борьба Дмитрия и Андрея Александровичей лишена исторической перспективы и «свидетельствует о глубоком упадке великокняжеской власти, о потере ею значения существенного и необходимого политического центра каких-либо общих интересов северной Руси» (102, 81).

Глава 8

МИРОТВОРЕЦ

О делах нужно судить,
принимая во внимание обстоятельства.

Плутарх

Нельзя не согласиться с суждением великого историка. Но именно обстоятельства, при которых наш герой князь Михаил Тверской принимал те или иные решения, остаются практически неизвестными. Такова «источниковая база» самого тёмного периода русской истории — второй половины XIII столетия. Нам остаётся только следовать презумпции невиновности и толковать поступки нашего героя в лучшую сторону. Трагический и вместе героический финал его жизни даёт нам веские основания для такого подхода. Однако долг историка заставляет нас периодически напоминать читателю о возможности другой мотивации его поступков. Мы с огромным уважением относимся к нашему герою. Но мы не имеем права превращать его биографию в акафист.

Как известно, «всему своё время, и время всякой вещи под небом» (Еккл. 3: 1), «время войне, и время миру» (Еккл. 3: 8). Соскучившись миром, люди начинают войну. Устав от власти одного правителя, подданные начинают мятеж, чтобы заменить его на другого. «Но вскоре они на опыте убеждаются, что обманулись, ибо новый правитель всегда оказывается хуже старого» (91, 5).

Муравейник

Восстановление общественного порядка после тяжких потрясений напоминает работу муравьёв в разрушенном муравейнике. Но общество людей всё же более высокая форма объединения живых существ, нежели муравейник или стая волков. Среди людей война и смена власти требуют хотя бы простейшего смысла и, так сказать, «теоретического обоснования». Придворные книжники должны были позаботиться о будущей репутации своих покровителей. Но и они хранят глубокое молчание...

Грозный размах *Дюденовой рати* затмевает тот очевидный факт, что с формальной точки зрения это было лишь обычное военное сопровождение, которое хан давал любому русскому князю, получившему в Орде ярлык на великое княжение Владимирское. Возможность военного сопротивления со стороны князей, связанных с эмиром Ногаем, побудила хана Тохту отправить вместо обычного «посольства» целое войско с широкими полномочиями. В качестве ханского посла Дюдень, вероятно, присутствовал на торжествах по случаю восшествия Андрея Александровича на трон великого князя Владимирского. Эта церемония совершалась во Владимире. Ханский посол символизировал самого хана, и великий князь Владимирский в знак покорности должен был, спешившись, вести под уздцы коня, на котором восседал Дюдень.

Князь Андрей во второй раз (после 1281 года) взошёл на владимирский трон, о котором всегда мечтал. Ему было уже около сорока лет, и в бороде мелькала первая седина. Придя к власти тёмными путями, он всё же считал себя законным правителем Руси и спешил приступить к исполнению своих обязанностей. Возможно, Андрей не был законченным негодяем и чувствовал угрызения совести при виде разорённой Дюденовой ратью Руси. Он убеждал себя в том, что его правление будет благом для страны... Приговором этим иллюзиям могла бы послужить горькая сентенция Тацита: «Власть, добытую преступлением, ещё никто никогда не сумел использовать во благо» (130, 397). Впереди его ожидали десять лет беспокойной жизни, исполненной тревог и унижений. Стоила ли игра свеч? Этот риторический вопрос Андрей, вероятно, не раз задавал себе в конце жизни. Но каким бы ни был его собственный ответ, логика власти заставляла действовать по своим законам. Родившийся князем должен был жить и умереть сообразно своему происхождению. Единственным

способом выйти из игры был монашеский постриг. Но на такой подвиг самоотречения способны были лишь очень немногие князья...

Первой заботой владимирского великого князя всегда было признание в Новгороде. Это был не только вопрос престижа, но и вопрос устойчивости трона. «Банк всея Руси» невидимыми рычагами финансовой власти поднимал и ниспровергал правителей.

Не желая ссориться с Ордой и, кажется, сильно недолголюбивая Дмитрия Переяславского, новгородцы признали Андрея своим князем. Точную дату его восшествия на новгородский стол сообщает летописец — «в неделю сыропустную», то есть между 22 (понедельник) и 28 (воскресенье) февраля 1294 года (5, 327). Обычно такие торжества совершали в воскресный день.

Брат мой — враг мой

Из Новгорода князь Андрей летом 1294 года приехал в Торжок — южный форпост боярской республики. Обычно князя посещали Торжок только проездом, спеша в Новгород или же, напротив — в «Низовскую землю». Однако на сей раз Андрей вопреки обыкновению задержался в Торжке. На то у князя была своя причина. Здесь, в Торжке, он устроил засаду на крупного зверя. Этим «зверем» был его собственный брат Дмитрий...

Переждав во Пскове Дюденеву рать, князь Дмитрий решил вернуться в Северо-Восточную Русь. Обстоятельства подталкивали его к этому рискованному решению. Псков был хорош опальному князю лишь как своего рода «постоялый двор». Но долго жить в городе, где всё было чужое и непривычное, Дмитрий не хотел. Кроме того, оставаясь изгнанником, он мог не только потерять авторитет в княжеской среде, но и лишиться наследственного удела своего единственного сына Ивана. (Второй сын Дмитрия Александр незадолго перед тем умер в Орде (10, 527)). До Дмитрия доходили слухи о том, что в его родном Переяславле вокняжился ярославский князь Фёдор Ростиславич по прозвищу Чёрный. Это был человек огромного роста и незаурядной физической силы, полагавший, что именно силой следует решать все вопросы права и собственности.

Долгой и верной службой хану Тохте Фёдор заслужил руку одной из ханских дочерей, наречённой в крещении Анной. Никаких династических прав на Переяславль князь Фёдор — отпрыск смоленских князей, силой втиснувшийся в плотные ряды потомков Всеволода Большое Гнездо, — разумеется, не имел. «Но соображения справедливости, — писал Фукидид, — никого ещё не заставили упустить представившийся случай расширить своё могущество с помощью силы» (139, 35). С этим суждением древнегреческого историка могли бы согласиться правители всех времён.

(Переяславцы ненавидели своего нового князя. Год спустя они не скрывали радости по случаю решения княжеского съезда вернуть Переяславль сыну Дмитрия Ивану. Тогда разъярённый узурпатор, следуя примеру Нерона, поджёг свой собственный город. «Тое же зимы князь Феодор Ростиславич пожёл весь город Переяславль», — бесстрастно констатирует летописец (22, 82). Разорив таким образом родовое гнездо Дмитрия Переяславского, Фёдор удалился к себе в Ярославль).

Доброхоты звали князя Дмитрия вернуться в Переяславль и сулили ему всенародную поддержку и ханское прощение. Вероятно, он вёл на эту тему оживлённую переписку с различными влиятельными лицами на Руси и в Орде. Час возвращения приближало то обстоятельство, что великий князь Андрей находился в это время в Новгороде, где собирал средства, необходимые для расчётов с Ордой. В его отсутствие сторонники Дмитрия в Северо-Восточной Руси могли действовать более решительно и успешно.

В конце концов Дмитрий решился. Помимо всего прочего, он надеялся этим заслужить благоволение Орды. Татары высоко ценили любые смелые предприятия вплоть до угона скота с соседнего пастбища. Удачу они считали знаком покровительства небесных сил.

Из Пскова Дмитрий со своей поредевшей за время изгнания свитой пошёл на юг, в сторону Торопца. Оттуда «Селигерским путём», по возможности обходя новгородские владения, он достиг района современного Осташкова. Далее, по свидетельству летописца, путь его лежал «мимо Торжка» (22, 83). Учитывая признание новгородцами в качестве князя Андрея Городецкого, Дмитрий опасался засады в Торжке и, вероятно, хотел пройти южнее, через тверские земли. Дмитрий считал Михаила Тверского своим доброхотом и предполагал выйти к Волге именно в Твери.

Успех предприятия во многом зависел от его неожиданности. Но именно здесь и случился провал. В окружении Дмитрия нашёлся предатель, который сообщил Андрею о намерениях изгнанника. Бросив все дела в Новгороде, Андрей с отрядом новгородцев примчался в Торжок. Дмитрий шёл со стороны Селигера. Засаду следовало поставить там, где Дмитрий со своим отрядом непременно будет проходить. Таким местом был брод, о котором говорит летописец. Единственная значительная река этого региона, требующая для переправы брода, — река Тверца. Вероятно, злополучный для Дмитрия брод находился где-то в районе современного села Медное, на границе новгородских и тверских владений. Здесь судьба нанесла сыну Александра Невского сокрушительный удар.

Вся эта драматическая история в изложении летописца напоминает текст срочной телеграммы:

«В лето 6802 (1294) князь великии Дмитреи поиде въ свою отчину (Переяславль. — *Н. Б.*) мимо Торжек. Князь же Андреи перея (перехватил. — *Н. Б.*) его на броду. Сам же князь Дмитреи перепроводился черес реку, а казны, ючного (вьючного. — *Н. Б.*) товару не успели перепроводити, и князь Андреи казну отъял и товар весь поймал» (22, 83).

Возвращение изгнанника

Ограбленный и униженный своим младшим братом, едва спасшийся от погони, Дмитрий был потрясён случившимся. Князю казалось, что теперь перед ним закроются все двери. Он потерял не только всё своё добро, но и веру в удачу. Младший брат не только одолел, но и опозорил старшего. Проигравший всегда выглядит жалким и смешным.

Однако чем хуже обстояли его дела, тем значительнее становилась поддержка, которую Дмитрий Переяславский получал от сочувствовавших ему князей. Андрея многие боялись и потому не любили.

Заметим, что участие Андрея Городецкого в походах ордынцев, о котором со скрытым осуждением сообщают летописи, могло быть вынужденным. Таким образом, «натурой», службой князя могли погашать свои долги по ордынскому «выходу» (78, 85).

Памятуя о том, что в этой истории своего веского слова не сказал ещё могущественный покровитель Дмитрия эмир Ногай, Михаил Ярославич принял ограбленного и затравленного кузена у себя в Твери (10, 527). Здесь Дмитрий, вероятно, получил не только моральную, но и финансовую поддержку. В конце концов, ему нужно было как-то содержать свою свиту. Колёса службы всегда начинают скрипеть, если их не смазывают деньгами...

За повседневными заботами вставали и соображения более возвышенного характера. Михаил Тверской понимал, что для освобождения от смердящей власти Орды необходимо объединение страны под властью одного правителя — «царя последних времён». Библия подсказывала его имя — Михаил (Откр. 12: 7). Однако это была лишь мечта. А действительность требовала прежде всего умиротворения страны через восстановление традиционного правила: «каждый да держит отчину свою». Так договорились русские князья ещё во времена Любечского съезда 1097 года. Это правило в условиях нарождавшейся удельно-вотчинной системы служило не столько законом — ибо законов было столько, сколько суверенных правителей, — сколько неким ориентиром в хаосе эгоистических интересов. Этого ориентира следовало придерживаться. Все понимали: без подобных ориентиров князья начнут такой безудержный «чёрный передел», после которого Русь окончательно погрузится в кровавый хаос.

Поразмыслив над положением, Михаил Тверской решил выступить в роли посредника между Дмитрием и Андреем. Формально послом мира стал тверской епископ Андрей. Он отправился в Торжок и вместе с каким-то Святославом (быть может, ушедшим из мира сводным братом Михаила Тверского?) убедил Андрея Городецкого начать переговоры с братом (5, 328).

Распутывая тугой узел эгоистических интересов, следовало примирить не только сыновей Александра Невского, но и всё растревоженное княжеское сообщество Северо-Восточной Руси. Вероятно, в Твери для обсуждения ситуации состоялся княжеский съезд. Под давлением Михаила Тверского и Даниила Московского, за спинами которых вставала грозная тень Ногая, Андрей вынужден был уступить. Он согласился примириться с братом и вернуть Дмитрию его родовую вотчину — Переяславль Залесский. Фёдор Чёрный, уже обживавший Переяславль, вынужден был скрепя сердце согласиться с этим постановлением.

Летописи сообщают ещё о некоторых итогах переговоров. Сын и единственный наследник Дмитрия Иван получал в управление Кострому. Однако сам Дмитрий вынужден был вернуть новгородцам Волок (5, 328). Это была их награда за поддержку Андрея и отказ от услуг Дмитрия.

Заклучив мир с Дмитрием, Андрей, не возвращаясь в Новгород, отправился (вероятно, через Владимир) в свой удельный Городец. Что до Дмитрия, то он двинулся в противоположную сторону — на Волок.

Последний волок

Цель этой поездки в город, который ему уже не принадлежал, не вполне понятна. Равным образом неясно и то, вернул ли Андрей Дмитрию отнятое у него «на броде» имущество. Однако ясно, что перед тем, как возвратиться в разорённый и сожжённый Переяславль, Дмитрий должен был запастись деньгами и людьми. Единственное место, где он мог найти то и другое, был наполненный переяславскими беженцами Волок. Здесь был своего рода узел связанных волоками речных торговых — а при необходимости и военно-стратегических — путей. Из верхнего течения Ламы дорога шла через водораздел к верховьям Рузы — левого притока Москвы-реки. Отсюда, пройдя немного вверх по Москве-реке, путники попадали в Можайск, от которого было рукой подать до истоков Протвы — торной дороги на юго-восток, к Оке. К западу от Можайска соединённые волоками речные дороги тянулись к бассейну Вазузы и Днепра.

Вся эта забытая ныне дорожная сеть наиболее активно использовалась именно новгородцами — самым подвижным и предприимчивым элементом тогдашнего русского общества. Через неё они из района Твери кратчайшим путём выходили к Оке и Волге. Их лёгкие ладьи были хорошо приспособлены к условиям мелководья и многочисленных волоков.

Именно Волок как город и крепость (Волоколамск) служил организатором бесперебойного и безопасного движения по всей этой речной системе. Сидя на Волоке, новгородцы могли не только отслеживать и регулировать товарные потоки, но и наилучшим для себя образом решать вопрос торговых пошлин.

Однако со временем новгородцы стали тяготиться содержанием далёкого Волоколамского «транспортного узла». Подобно Торжку, Волок стал ахиллесовой пятой Новгорода. Устав от этой доуки, — а может быть, реализуя какие-то неведомые нам политические замыслы, — новгородцы в 1284 году уступили Волок Дмитрию Переяславскому. Полагают, что Дмитрий держал там в роли наместника своего сына Ивана (147, 7).

Теперь Дмитрий, возвращая Волок новгородцам, хотел забрать оттуда всё, что принадлежало ему, и подготовиться к возвращению в Переяславль. Но судьба положила конец всем его хлопотам и предположениям. «В лето 6803 (1295) преставися князь великим Дмитрией Александрович в чернцах и в скиме, и на пути близ Волока».

Стойкий воин, князь Дмитрий, подобно своему отцу Александру Невскому, отправился в последний путь в облачении воина Христова.

Власть и собственность

События 1293—1294 годов показывают Михаила Тверского как смелого и самостоятельного правителя. Не испугавшись ханской власти, стоявшей за спиной Андрея Городецкого, и, может быть, надеясь на власть эмира Ногая, Михаил встал на сторону князя-изгнанника Дмитрия Переяславского. Эта позиция возвышала его в моральном отношении и вызывала симпатию у всех, кто по разным причинам не любил нового великого князя Владимирского Андрея Городецкого.

Имея такого надёжного союзника, как воспитанный в Твери при дворе князя Ярослава Ярославича московский князь Даниил, Михаил стал предводителем своего рода коалиции противников Андрея. Все десять лет своего правления (1294—1304) Андрей вынужден был отбиваться от нападков этой коалиции или останавливаться перед её боевой мощью.

Русская усобица развивалась при сохранении ордынской угрозы. События 1293/94 года убедили русских князей в том, что молодой хан Тохта постепенно освобождается от опеки Ногая. В этой ситуации покровительство Ногая не укрепляло позиции русского князя в ханской ставке, а напротив — ослабляло. Осознав изменения ситуации, вторая княжеская коалиция постепенно переходит на сторону хана Тохты.

Занятый своими проблемами в Восточной Европе, Ногай не отозвался на эту перемену. Он не желал лишней раз портить отношения с ханом из-за русских князей. В результате единственным арбитром княжеских споров оказался хан Тохта. Этот выдающийся правитель Золотой Орды понимал простую истину: только в условиях мира и хозяйственного благополучия русские княжества могут должным образом пополнять ханскую казну. Исходя из этого, Тохта стремился обеспечить порядок в княжеском сообществе. По некоторым сведениям, он решил лично посетить Русь и уже плыл на корабле вверх по Волге, когда внезапная смерть прервала это небывалое путешествие (48, 201).

Стремясь к равновесию сил в «русском улусе», хан Тохта старался не допускать чрезмерного усиления одной княжеской коалиции за счёт другой. Он взял «курс на сознательное ослабление победителей и великого княжества Владимирского в целом» (41, 142).

Власть и собственность — вечные спутники. В роли великого князя Владимирского Андрей мог править не только в стольном Владимире, но

также в Костроме и Нижнем Новгороде, Юрьеве Польском и Стародубе. Но всё это были временные и шаткие достояния. Утратив владимирский венец — родовое достояние всех потомков Всеволода Большое Гнездо, он тотчас превращался в бедняка, имевшего в частной собственности, в удельной вотчинной юрисдикции, один лишь захудалый Городец на Волге. Только увеличив свой удел путём приобретения в собственность какого-то крупного города и волости — например Переяславля Залесского, — Андрей мог иметь «крепкий тыл» и твёрдо сидеть на владимирском троне.

Но всё, что плохо лежало, уже за столбики за собой новые хозяева Северо-Восточной Руси — Михаил Тверской и Даниил Московский. Вместе отбиваясь от хищных поползновений Андрея Городецкого, они со временем неизбежно должны были схватиться между собой. Предвидя это, Даниил в последние годы своего княжения принялся беззастенчиво захватывать соседние волости, не обращая внимания на протесты ограбленных соседей — рязанских и смоленских князей. Михаил Тверской не хотел — или не мог — последовать его примеру. Тверское княжество оставалось в старых границах. Соотношение сил медленно, но верно изменялось в пользу Москвы. Но это уже следующая страница в биографии нашего героя...

Глава 9

ТВЕРСКИЕ НОВОСТИ

Среди других умственных
занятий наибольшую пользу
приносит повествование о прошлом.

Саллюстий

В событиях до 1294 года — насколько мы их знаем — Тверь предстаёт как политический центр второго ряда. Вероятно, такое впечатление обманчиво. Тверь вышла в первый ряд значительно раньше Дюденевой рати. Но как это часто бывает, отсутствие (или утрата) собственного летописания уводит тот или иной город со сцены исторических событий.

Ведение летописи было сложным делом, требующим высокого профессионального мастерства. Летописец должен был знать историю Руси, уметь излагать события в кратком и выразительном «летописном стиле», помнить важнейшие сюжеты и тексты Священного Писания, знать их четыре смысла (исторический, аллегорический, апагогический, символический), и наконец — писать чётким и красивым почерком. Далеко не в каждом городе или монастыре можно было найти человека, обладавшего такими знаниями и умениями. Равным образом далеко не везде можно было найти книги (древние летописи, творения Отцов Церкви, жития святых и т. д.), необходимые летописцу для его работы.

Начало тверского летописания теряется в зарослях гипотетических произведений — великокняжеских, митрополичьих и епископских сводов, а также частных летописцев, носящих семейный характер. В этом призрачном мире относительно реальным можно считать представление об общерусском своде 1305 года (или «своде начала XIV века»), заказчика которого исследователи определяют по-разному (94, 54; 72, 24). Источником тверских известий в своде 1305 года называют «Летописец князя Михаила Ярославича», который мог быть начат в 90-х годах XIII века. «В нём использованы современные церковные записи, привлечены данные 70—80-х годов по припоминаниям; в общем он носит княжеско-епископский характер» (94, 65).

Подобно многим древнерусским городам, Тверь обзавелась собственным летописанием благодаря появлению здесь епископской кафедры и постройке каменного кафедрального собора. Этот необходимый набор возник к началу 90-х годов XIII века. С этого же времени в общерусских сводах XIV—XV веков прослеживается цепь летописных известий, относящихся к внутренней жизни тверского княжеского семейства. Такие записи мог делать только работавший в Твери летописец, труд которого со временем почти растворился в составе более поздних московских и общерусских летописных сводов.

Свадьба

Под 6803 (1295) годом Симеоновская летопись сообщает: «Тое же осени оженися князь Михаиле Ярославич Тферскый, и венча его епископ Андреи на Тфери в церкви Святом Спасе месяца ноября в 8 на събор святого архангела Михаила» (22, 83).

Рогожский летописец (тверская редакция общерусского свода начала XV века) помещает это известие годом ранее и при этом сообщает, что невеста Михаила была дочерью князя Дмитрия Борисовича Ростовского. Датировка княжеской свадьбы в Рогожском летописце — 6802 (1294) год — дана по сентябрьскому счёту, то есть 8 ноября следует отнести к предшествующему, 1293 году. На это указывает и календарная справка: 8 ноября 1293 года — воскресенье. Именно воскресенье было обычным днём для княжеских свадеб. В воскресенье женились Дмитрий Донской и его сыновья Василий и Пётр. Всеобщее веселье по случаю такого радостного события требовало выходного дня. В данном случае праздничный характер дня удваивали именины жениха — память архистратига Михаила.

Свадебные торжества в Твери состоялись незадолго до Дюденовой рати, время которой все летописи указывают как «той же зимой». Зима по древнерусским представлениям начиналась с 25 декабря (85, 128). И не был ли этот ростовский брак Михаила Тверского, приобщивший его к жизни ростовской «татарской слободки», причиной сохранения татарами Дюдены Твери? Во всяком случае, вскоре после свадьбы Михаил Тверской отправился в Орду, откуда поспешно вернулся, узнав о нашествии Дюденовой рати.

Известие о свадьбе Михаила Тверского требует комментариев как общего, так и частного характера.

Примечательно, что родившийся в 1271 году Михаил женился сравнительно поздно: в возрасте двадцати двух лет. Безусловно, в этом сказалась воля матери, княгини Ксении, для которой брак единственного сына был темой долгих и глубоких раздумий. Помимо всякого рода политических расчётов, медлительность княгини, вероятно, объяснялась и чисто личным мотивом. Женильба сына естественным образом удаляла его от матери и ставила в положение вполне самостоятельного правителя.

Сходная ситуация возникла и в жизни знаменитого французского

короля Людовика IX Святого (1214—1270). В девять лет потеряв отца, Людовик был воспитан матерью, энергичной и властолюбивой королевой Бланкой Кастильской. Та до конца своих дней (а умерла она в 1252 году) помогала сыну в управлении государством (86, 77). Плодом материнского воспитания стали горячая религиозность и широкая образованность Людовика.

Как и всякий династический брак, ростовская женитьба Михаила Тверского была «браком по расчёту». Но примечателен сам выбор невесты — дочери умершего за несколько лет перед тем ростовского князя Дмитрия Борисовича. Заметим, что именно из ростовской семьи брали себе жён главные князья тогдашней Северо-Восточной Руси — Андрей Александрович Городецкий, Иван Дмитриевич Переяславский, Юрий Данилович Московский. И на то были свои причины. Назовём лишь некоторые из них.

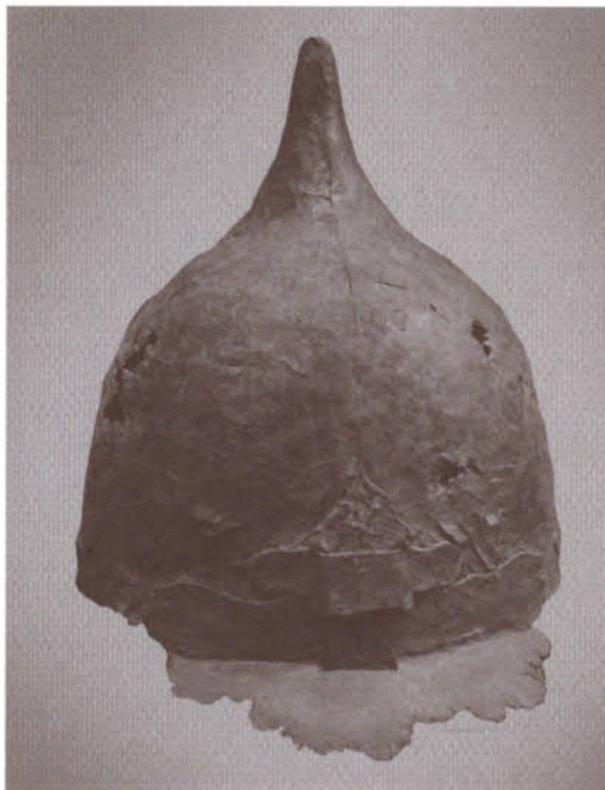
Михаил Тверской. *Фрагмент росписи Софийского собора в Вологде.*
Конец XVII в.

Того же мѣсяца князь михайло тарославичъ .
иде съ тарославомъ . пришноу съ по се до .
иде съ пѣтукомъ . на шехи каго князя
Зюрья даниловича . внука Алексея
идропа . пришноу съ тарославомъ . пра

Поход тверской рати на Москву.
Миниатюра Лицевого летописного свода

Шлем
средневекового
русского воина

Оружие
средневекового
русского воина.
*Из экспозиции
музея города
Алексина*

Часовня
на месте
Бортеневской
битвы

Место
Бортеневской
битвы

Схема подъезда к мемориалу «Бортенево».
Из книги Г. Н. Пономарева «Бортеневская битва» (Тверь, 1998)

Памятный крест на мемориальном поле Бортеневской битвы. *Фото автора*

Въ кнѣзѣхъ ѿ кнѣзѣвъ . Кнѣзь пелікн мнѣхъ
и лоя росла пнчѣть пѣреркн . прїндешо
ѿ рдоукоцрїю оумѣрдоу рожьскаго
на оустѣ донѣ рѣкн . идѣ же пѣкн

Отъезд князя Михаила Ярославича в Орду.
Миниатюра Лицевого летописного свода

Сарай — столица Золотой Орды. Декорация к фильму «Орда»
Село Селитренное на месте столицы Золотой Орды. Фото автора

Мучение святого князя Михаила Тверского.
Миниатюра Лицевого летописного свода

Монгольский
халат XIV века.
Эмират Шарджа.
Музей исламской
цивилизации

Пейзаж
в окрестностях
Сарая.
Фото автора

Напутствие Михаила Тверского.
П. Н. Орлов. 1847 г. Из Спасо-Преображенского собора в Твери

Смерть Михаила Тверского.
П. Н. Орлов. 1847 г. Из Спасо-Преображенского собора в Твери

Ѡпоуду же пошезошлего по роуски мѣгра
домѣ . та же по млоудопезошлего и
домосквы . и пришезошлего пограмо
скпоу . положишлего ѡмоластѣри

Тело князя Михаила Тверского везут на Русь.
Миниатюра Лицевого летописного свода

Князь Михаил
Тверской.
Фрагмент
памятного знака.
Тверь

Церковь
Спаса на Бору
в Москве,
в которой сначала
было положено
тело Михаила.
Гравюра
начала XIX в.

Погребение князя Михаила в Твери.
Миниатюра Лицевого летописного свода

Святые князь
Михаил Тверской
и святитель
Арсений.
Икона.
Конец XVII в.

Обнесение мошей
святого благоверного
великого князя
Михаила Ярославича
Тверского,
совершаемое
каждогодно
в 24-й день июня
вокруг
кафедрального
собора
в городе Твери.
Эбергарт Лилье

Церковь Святого Михаила Тверского в Твери. 2002 г.

Упадок Владимира и Суздаля изменил иерархию городских центров Северо-Восточной Руси. Именно Ростов во второй половине XIII столетия стал ведущим религиозным и культурным центром Залесья. Здесь хранились осколки культурного наследия Владимиро-Суздальской Руси. В ростовском «культурном котле» «своё» перемешивалось с «чужим». Ростов был многоязыким городом. Здесь возникла своего рода «татарская слободка». Почему именно здесь? Сказать сложно... Но так или иначе православное благочестие мирно уживалось в Ростове с «ордынским духом». Благодаря широким связям ростовских князей в Орде город практически не был разорён татарскими набегами. Жившие в Ростове татары сохраняли родственные связи со степной аристократией. Брак с Анной Дмитриевной открывал для Михаила Тверского новые связи среди знатных татар, живших на Руси и в Орде.

Невеста князя Михаила Ярославича — полагают, что ей было тогда всего лет пятнадцать — вошла в историю под именем Анны Кашинской (52, 79). А между тем, насколько известно, она не имела ничего общего с городом Кашином. Объяснением этого парадокса служит предположение о том, что «Кашин, второй по величине город Тверского княжества, ей на содержание дали Ксения и Михаил» (52, 79). Подобные дары невесте известны в истории Владимиро-Суздальской Руси.

Княгиня Анна Дмитриевна стала хорошей женой для Михаила Тверского. Она родила князю четырёх сыновей и дочь. После трагической гибели мужа в Орде она много сделала для увековечения его памяти. Русская церковь причислила её к лику святых (57, 159).

Пожар

Самым частым общественным бедствием в жизни древнерусского города был пожар. Во второй половине 90-х годов XIII века Тверь постигли два больших пожара: первый в 1296-м и второй — в 1298 году. Князь Михаил Ярославич вместе со всеми тверичами тяжело переживал эту беду. Огонь не только уничтожал накопленные годами тяжкого труда материальные ценности, но и уносил погибших в огне или задохнувшихся в дыму людей. Потрясённые пережитым, люди впадали в глубокое отчаяние либо в ярости начинали искать виновных. Пожар был не только физическим, но и духовным испытанием. В этой ситуации правителю требовалось много ума и мужества, чтобы вернуть своих подданных к нормальной жизни.

Пожар был происшествием, о котором часто упоминали летописцы. Можно сказать, что наши летописи буквально пропахли дымом и едким запахом гари. Подобно другим трагическим для человека явлениям — засухе, эпидемии, наводнению, болезни скота, пожар рассматривали как проявление гнева небесных сил. Виновником этого гнева народ часто называл кого-нибудь из наиболее ненавистных ему вельмож. И тогда наступал час испытаний для власть имущих. События развивались в соответствии с вечной психологией толпы. Рассказывая о пожаре в Риме, Тацит замечает: «И пошла молва, что этот год несчастливый, что в недобрый час было принято решение принцепса (Тиберий. — Н. Б.) удалиться из Рима, ибо толпе свойственно приписывать всякую случайность чьей-либо вине; но Цезарь пресёк этот ропот раздачей денег в размере понесённых каждым убытков» (130, 138).

Небогатые русские князья не могли позволить себе таких методов успокоения народа, какими пользовался Тиберий. Они имели собственные подходы к этому делу. Необходимость отвести от себя слепой гнев горожан заставляла их, едва услышав набатный колокол, мчаться туда, где начался пожар, и лично руководить его тушением. Именно так поступал даже осторожный Иван III.

Сознание человека той далёкой эпохи удивительным образом двоилось. Разумеется, все понимали, что пожар может иметь вполне естественные причины в условиях деревянного города. Это и забытая перед иконой свечка, и выпавший из печи горящий уголёк, и воспламенившаяся в

печной трубе сажа, и многое другое. Но и в этой естественной причине многие умели разглядеть действие небесных сил. Отсюда — на удивление подробные рассказы московских и новгородских летописей о том, откуда пошёл огонь, сколько погибло народа и какие улицы пострадали от пожара.

Причиной пожара отнюдь не всегда был несчастный случай. С помощью огня нередко сводили не только личные, но и политические счёты. Удачный поджог мог сорвать план военной кампании или оставить город без крепостных стен. Не случайно Москва буквально задыхалась в пожарах в эпоху Ивана III, беспощадно ломавшего удельную Русь.

Дело «зажигальника» было смертельно опасным. Пойманного на месте преступления связывали и самого бросали в огонь. Судебник Ивана III наказанием за поджог устанавливал смертную казнь.

Огненные даты

Ключом к открытию многих сокровенных смыслов летописного рассказа служит церковный календарь — *месяцеслов*. Симеоновская летопись при помощи месяцеслова намекает на провиденциальный смысл страшного пожара, охватившего Тверь весной 1296 года: «В лето 6804 (1296) потере город Тферь по велице дни на шестой неделе в субботу, а назаутриа събор святых отец 300 и 18» (22, 83).

Никоновская летопись под 6803 (1295) годом уточняет: «Того же лета потере град Тверь весь» (17, 171). Год указан неверно. Но тотальный характер бедствия едва ли выдуман составителем Никоновской летописи.

Рогожский летописец по обыкновению отличается предельной краткостью сообщения: «В лето 6804 потере Тферь» (20, 35).

Обратимся к наиболее детальному сообщению Симеоновской летописи. Неизменный распорядок месяцеслова позволяет произвести простой подсчёт. В 1296 году Пасха пришлась на 25 марта, то есть совпадала с праздником Благовещения. Это редкое совпадение всегда воспринималось как знамение, предвозвестие каких-то бед или потрясений. Но в данном случае летописец обращает внимание на другое совпадение. Пожар случился в субботу шестой недели по Пасхе, то есть 5 мая 1296 года. На следующий день церковь вспоминала 318 святых отцов Первого Вселенского собора в Никее, осудивших ересь Ария и установивших основные догматы христианства. Учитывая то, что воскресные богослужения начинались вечером в субботу, можно понять намёк летописца. Главной церковной темой трагического для Твери дня 5 мая была тема борьбы с ересью. Огонь — традиционное наказание для тех, кто уклонился в ересь...

Vis pacem, para bellum

Римская пословица «Хочешь мира, готовься к войне» служит полезным советом для правителей любой эпохи. Следовал этой древней мудрости и князь Михаил Тверской. Следующее по хронологии тверское известие, застрявшее в дырявых сетях летописей, сообщает об укреплении западных и юго-западных границ княжества.

Под 6805 (1297) годом Рогожский летописец сообщает: «Тое же осени срублен бысть городок на Волзе къ Зубцеву» (20, 35). Тверской летописный сборник уточняет это сообщение: «Срублен бысть город на Волзе, ко Зубцеву, на Старице» (19, 407). Никоновская летопись по-своему передаёт эту сбивчивую фразу. «Того же лета срублен бысть во Тверском княжении на Волзе градок Зубцев» (17, 171). Симеоновская летопись вообще пропускает это известие.

В литературе давно установилось мнение, что городок, поставленный Михаилом Тверским в 1297 году, — будущая Старица (113, 122). При этом важно отметить, что летописец не случайно в этой связи вспоминает и Зубцов. Старица призвана была играть роль своего рода «второй линии» тверской обороны на западном направлении, тогда как первой линией был расположенный в 50 километрах выше по Волге Зубцов. Старица прикрывала не только движение по Волге, но и расположенный южнее стратегически важный район волока из Ламы в Шошу — кратчайший путь из Москвы в Тверь.

Примечательно, что в 1399 году в Старице был построен каменный храм, посвящённый Михаилу Архангелу — небесному покровителю князя Михаила Александровича Тверского (22, 143). Обычно каменные храмы строились на месте деревянных и повторяли их посвящение. Можно полагать, что первый деревянный храм в Старице, выстроенный Михаилом Ярославичем Тверским, также был посвящён предводителю небесного воинства.

Исторически связанный со Старицей город Зубцов заслуживает особого рассказа. Впервые упомянутый в летописи в 1216 году, Зубцов, как полагают, был основан ещё Юрием Долгоруким в ряду других городов — опорных пунктов суздальцев на Верхней Волге (27, 111; 90, 150). Зубцов стерёг Тверское княжество с запада. Сюда, к устью Вазузы, в виде клиньев подходили не только тверские, но и новгородские, смоленские и даже

литовские владения. «Литовским было и нижнее течение Вазузы. Но при выходе из Вазузы в Волгу, против устья Вазузы, на левом берегу Волги стояла тверская крепость Зубцов. Источники указывают и на другие тверские центры в данном районе» (85, 147).

Во времена Батыева нашествия Зубцов входил в состав Переяславского княжества (31, 110). Суздальские князья бились с литовцами возле Зубцова в 1247 году (11, 230). Но свой интерес в этом регионе имели и новгородцы. Зубцов «являлся клином, отделившим новгородские владения в Верхнем Поволжье от Волока Дамского» (85, 97).

Относительно высокая плотность населения в районе Зубцова привлекала сюда с целью грабежа отряды литовцев. Под 1285 годом Лаврентьевская летопись сообщает: «Того же лета воевали литва тферьского владыки волость Олешню, и совокупившеся тферичи, москвичи, волочане, новоторжьцы, зубчане, ржевичи (жители Ржевы. — Н. Б.) и шедше биша литву на лесь в канун Спасову дни. И поможе Бог христианом, великого князя их Домонта убиша, а иных изымаша, а овых избиша, полон весь отъяша, а инии розбежашася» (10, 483).

Волость Олешня современными исследователями убедительно локализуется «где-то между реками Шешмой и Вазузой, очевидно, ближе к последней, то есть к юго-западу от Погорелого городища» (85, 149). Отсюда не более 10—15 километров до Зубцова.

К северо-западу от Зубцова начинался край тёмных лесов и бездонных болот. В его названии — Оковский лес — дышит седая древность. «Оковский лес, покрывавший истоки Волги и соединявшийся с лесами на болотистом озёрном водоразделе Западной Двины и озера Ильменя, обособлял Смоленскую землю от Новгородской» (90, 144).

На большое стратегическое значение района близ устья Вазузы указывает и существование здесь, в двух десятках километрах выше Зубцова по течению Волги, города Ржева (в древнерусском произношении — Ржевы). Первое упоминание о Ржеве в источниках относится к 1216 году (27, 111). Этот город был центром одного из уделов Смоленского княжества. Однако на Ржев претендовали и новгородцы. Город «стоял на высоком мысу левого берега Волги при впадении в неё реки Халынки» (85, 147). В XIV столетии Ржев служил предметом постоянных споров между Литвой, Тверью и Москвой.

(Необычное название города — Ржева — имеет несколько объяснений. Самое простое происходит от слова «рожь». Более сложное объяснение уходит в глубину веков. «Ржева (племя. — Н. Б.), по-видимому, была ветвью племени кривичей, которые осели в Псковской земле, в Великих

Луках и далее на восток, на Верхней Волге, где была также *ржева*, и перемешались во всех этих местностях со словенами» (90, 209)).

Повышенная военная напряжённость вокруг Зубцова — центра всех южных земель Тверского княжества — и заставила Михаила Ярославича в 1297 году построить («срубить») в качестве «второго эшелона» тверской обороны новую деревянную крепость — будущую Старицу. Вероятно, не последнее значение имел и финансовый фактор. Новая крепость позволяла эффективно контролировать оживлённое торговое движение по Волге и Вазузе. Именно здесь, по Вазузе и её притокам, шёл древний торговый путь из Верхнего Поволжья и Новгорода к верховьям Днепра.

Оброненное создателем Рогожского летописца хронологическое уточнение — «тое же осени» — указывает на то, что Старица была срублена за один летний сезон. Экономический и человеческий потенциал Тверского княжества был весьма велик. И это при том, что много людей было занято на отстройке испепелённой пожаром 5 мая 1296 года Твери. Вероятно, отстраивалась заново и деревянная крепость в самой Твери. Опасность внезапного нападения с запада на беззащитный город заставляла как можно скорее возвести на этом направлении новую надёжную крепость. Для всех, кто умел хорошо владеть универсальным инструментом — топором, наступило время горячей «топорной работы»...

Постройка новой крепости оказалась весьма своевременным предприятием. Уже на другой год в этих местах прошёл с большим войском известный своей дерзостью и сварливостью ярославский князь Фёдор Чёрный. Он шёл на Смоленск, чтобы свести счёты со своим племянником князем Александром Глебовичем Смоленским.

Заметим, что расстояние между Ярославлем и Смоленском по прямой составляет около 560 километров. В реальности же Фёдору пришлось пройти со своим войском не менее 700-800 километров по петлистым просёлкам и излучинам рек. Поистине это был столь же энергичный, сколь и бесплодный воитель.

В тяжёлой битве смольняне отстояли свой город. Разграбив всё в округе, Фёдор ушёл обратно в Ярославль. Летопись не сообщает маршрута этого похода. Однако можно быть уверенным, что Фёдор шёл кратчайшим путём — по Волге и Вазузе, к верховьям Днепра. Вероятно, Михаил Тверской дал разрешение на проход через свои владения этого войска. Однако высокие стены и башни крепости в Зубцове и крепости «на Старице» лучше всяких договоров обеспечили мирный исход для Твери этого опасного «транзита».

Погорельцы

Прошёл год — и Бог послал тверичам новое испытание огнём...

Год 6806-й (1298) был полон для Твери разного рода «домашними» бедами и угрозами. Несчастья начались уже весной, в первую неделю после Пасхи, которая в том году приходилась на 6 апреля.

«В лето 6806 на Святой недели (первая неделя после Пасхи. — *Н. Б.*) в субботу на ночь, освитаючи Фомине недели (первого воскресенья после Пасхи. — *Н. Б.*), загорешася сени в Тфери под князем, и зажжеся двор княжь. Се же чудо бысть, како заступи Бог князя, что не згоре: колико въ сенех людей спяща не очютиша огня, ни сторожеве, но сам князь огонь почютил и второпе выскочил вонь, токмо съ княгинею, а не успели вымчати ничего, и тако погоре казна вся, и не мала имениа, злата и сребра, и порты, и оружье» (22, 84).

В Рогожском летописце этот сюжет вообще отсутствует. Запасливая же Никоновская летопись добавляет некоторые малозначительные и, вероятно, додуманные летописцем подробности. Князь с княгинею «выкинулись» в окно. Сени дворца были полны спящих «княжат и боярченков» (17, 171). Всё это — результат литературной обработки составителем Никоновской летописи текста протографа — Троицкой летописи.

Итак, пожар случился в ночь с 12 на 13 апреля 1298 года, в предрассветный час, когда, как известно, сон особенно крепок. Михаил был единственным, кто проснулся, почуял беду и этим спас себя и своих близких. Заметим, что его жена княгиня Анна в это время уже была беременна. В сентябре 1298 года она родила сына Дмитрия.

Чудесное спасение княжеского семейства было воспринято современниками как несомненный знак благоволения небесных сил. Прославление князя Михаила Ярославича как Божьего избранника станет золотой легендой тверской династии XIV—XV веков.

Что касается самого события — гибели в огне княжеского дворца, — то если одно объяснение отнести за счёт случайности, то другое можно с уверенностью приписать поджогу. И странное время появления огня, когда все печки уже погасли, и его быстрое распространение, и праздничный непробудный сон едва ли трезвых слуг и сторожей, — всё это сходится с предположением о поджоге. В кипевшей в эти годы междукняжеской борьбе Михаил Тверской многим сильно мешал. И пожар всего города

(1296), и последовавший за ним пожар дворца (1298) нанесли тяжёлый удар по могуществу Твери.

Сразу вслед за известием о пожаре во дворце Троицкая летопись даёт краткое сообщение, которое можно рассматривать и как продолжение той же темы:

«Тое же весны бысть болезнь тяжка князю Михаилу» (22, 84).

Отдавая должное «его величеству случаю», можем предположить и некоторую связь событий. В эту страшную ночь князь Михаил Ярославич и его княгиня Анна находились на волосок от гибели. Выбежав из горящего дворца, они слышали крики гибнущих в огне придворных. У них на глазах накопленные тяжким трудом богатства превращались в пепел. Это было страшное нервное потрясение для княжеской четы. В разгар беды 27-летний князь Михаил вёл себя как настоящий герой и правитель. Он не только спасся сам, но и спас свою княгиню. Вероятно, он распорядился тушением пожара. В те времена большой пожар тушили не заливая пламя водой, а растаскивая горящие бревенчатые постройки и отбрасывая горящие головни от соседних домов. Эта сложная работа требовала чёткой организации и властного руководства.

Но когда огонь был потушен, силы оставили Михаила Ярославича. От природы и по воспитанию он был человеком тонкой душевной организации. Всё пережитое вызвало у него тяжёлый нервный срыв.

Так «болезнь тяжкая», о которой сообщает летописец, по-видимому, стала следствием пожара. Трудно сказать, в каких формах эта болезнь проявлялась. Но, как бы там ни было, новые несчастья, которыми так богат был 1298 год, только усугубляли беды князя Михаила.

«Того же лета (1298) бысть мор на скот» (22, 84).

«Того же лета бысть сухмень, засуха велика, загарохуся борове, лесове, болота, мхове» (22, 84).

Надо полагать, что эти события также взаимосвязаны. Массовый падеж скота вызван был бескормицей, отсутствием сочной травы на сенокосах и выгонах. Ослабевшие от бескормицы животные не могли противостоять болезни.

Поздней весной 1299 года грозное знамение снова нагнало страху на измученных бедами тверичей. «В лето 6807 месяца мая в 9, на Николин день, бысть знамение на небеси, огородилося бяше солнце грозно» (22, 84). И опять по углам зашептали новоявленные пророки о скором конце света...

Дела семейные

Целый ряд тверских известий за эти годы имеют чисто семейный характер, сообщая о рождении детей в княжеской семье.

«Сентября в 15 день в понедельник (6806/1298), по вечерни, князю Михаилу Тферскому родися сын, и нарекоша имя ему Дмитриеи» (22, 84).

Строго придерживаясь православной традиции, ребёнка окрестили на сороковой день после рождения — 25 октября. Это был канун Дмитриева дня — памяти великомученика Димитрия Солунского. Святой воин — тезоименитый святой Всеволода Большое Гнездо — стал небесным покровителем старшего сына Михаила Тверского. Младенца ожидала высокая и трагическая судьба.

Это будущий великий князь Тверской Дмитрий Михайлович по прозвищу Грозные Очи. Ему суждено будет погибнуть в Орде через семь лет после отца — в 1325 году. Но всё это пока впереди, в зыбком тумане грядущего...

Новое прибавление в княжеской семье не заставило себя ждать. «Тое же осени (6807/1299) месяца октября в 11 (в воскресенье. — *Н. Б.*) князю Михаилу Тферскому родися дщи, и наречено бысть имя ей Феодора» (22, 84). Заметим, что память святой Феодоры Александрийской празднуется 11 сентября, то есть за месяц до рождения княжеской дочери. На этом пространстве в месяцеслове есть немало традиционных для княгинь имён. Но, очевидно, родители и бабушка, княгиня Ксения, выбрали именно это имя. Имя Феодора (как и мужской вариант — Феодор) по-гречески означает «Божий дар». Судя по имени, это была долгожданная дочь. Её рождение в воскресенье — день, посвящённый Богу, — ещё более укрепило родителей в намерении дать дочери соответствующее имя.

Тем более что тверская семья уже имела это имя в своих родословных списках. Крестильное имя Феодор носил основатель тверской династии князь Ярослав (Феодор) Всеволодович, сын Всеволода Большое Гнездо.

И вновь зазвонили тверские колокола, извещая народ о радостной вести. «Тое же осени (6808/1300) месяца октября в 7, на память святых мученик Сергия и Вакха, в пяток, князю Михаилу Тферскому родися сын, и нарекоша имя ему Александр» (22, 85). Это ещё один князь-мученик тверского происхождения. Ему суждено будет повторить судьбу отца и старшего брата — подняться к вершине власти, взойти на трон великого

князя Владимирского и кончить жизнь под ножом ханского палача осенью 1339 года.

«Того же лета (6814/1306) родися Михаилу князю сын Костянтин» (20, 35). Этому потомку Михаила Тверского повезло больше других. Он проживёт около сорока лет, из которых более двадцати будет великим князем Тверским, то есть формальным главой тверского семейства. Однако этому успеху трудно позавидовать. Константин сел на залитый кровью трон после разгрома Тверской земли татарами зимой 1327/28 года. Вплоть до гибели в Орде старшего брата Александра в 1339 году Константин чувствовал себя самозванцем, укравшим чужую власть. Впрочем, он безропотно уступил трон Александру, когда тот в 1336 году вернулся из псковского изгнания. Тверичи презирали Константина за низкопоклонство перед Иваном Калитой. Свои вассальные отношения с Москвой Константин скрепил женитьбой на дочери Юрия Московского. Вероятно, Юрий надеялся, что дети от этого брака со временем принесут Москве тверское наследство. Эти надежды сбылись лишь отчасти. Потомки Константина образовали особую династическую линию тверского дома — князей Дорогобужских. Представители этой линии в XV столетии влились в состав московской правящей элиты.

О рождении четвёртого сына Михаила Тверского Василия летописи умалчивают. Известно лишь, что он уже появился на свет, когда осенью 1318 года перед отъездом в Орду его отец писал завещание. Василий прожил самую долгую среди братьев жизнь и умер в 1368 году. Но его «чашу жизни», пожалуй, можно признать самой горькой. Заняв тверской трон в 1345 году после кончины брата Константина, он столкнулся с враждой многочисленных племянников — сыновей Александра и Константина. Получив по завещанию отца Кашинский удел, Василий Михайлович пытался удержаться на тверском троне при поддержке Москвы. Откровенный коллаборационизм Василия навлек на него всеобщую ненависть. Фрагменты тверского летописания, сохранившиеся в составе общерусских летописных сводов, полны презрения к этому властолюбивому, но неудачливому и бездарному человеку.

Глава 10

ПЕРЕЯСЛАВСКОЕ НАСЛЕДСТВО

Всякую войну развязать легко,
но очень трудно прекратить,
её начало и завершение — не во власти
одного и того же человека.

Саллюстий

Известно, что победитель вместе с победой получает бремя забот побеждённого. Война Андрея Городецкого с Дмитрием Переяславским закончилась. Дмитрий ушёл туда, где мог уже не бояться никаких козней соперников. Ушли и татары. Ушли, но не исчезли навсегда...

Взойдя на владимирский трон после Дюденевой рати, Андрей Городецкий должен был не только в полном объёме собирать ордынский «выход» (что было вечной проблемой для русских князей), но и виртуозно лавировать между «подводными камнями» ханского двора. Среди ордынской знати зрело недовольство всевластием Ногай. Юный хан Тохта втайне поддерживал эти настроения. Ногай, увлечшись политическими проектами на западе, постепенно терял контроль над ситуацией в ханской ставке. Однако до времени никто не хотел выносить сор из избы. Лишь в 1298 году дело дошло до открытого противостояния, исход которого был непредсказуем. Как полководец Ногай не блистал победами. Однако в военном искусстве он был гораздо более опытным, чем Тохта. Он умел выжидать и наносить противнику внезапные удары. В результате Тохта начал терпеть одно поражение за другим. В целом же силы сторон были примерно равны. К концу 90-х годов XIII века «Золотая Орда фактически раскололась надвое, и Ногай получил всю полноту власти к западу от Дона, включая Балканы, Северное Причерноморье, Крым и южнорусские степи» (101, 77).

В такой ситуации оба соперника не хотели вмешиваться в споры русских князей, при этом ожидая от них своевременных платежей и личного участия в степных войнах. Впрочем, вскоре стали очевидны совершенно разные мобилизационные возможности русских княжеств и

степных улусов. В первый поход против Ногая Тохта вывел около 300 тысяч человек (101, 77). Русские княжеские дружины насчитывали в лучшем случае несколько тысяч всадников.

После смерти Дмитрия Переяславского его доброхоты — Михаил Тверской и Даниил Московский, а также Иван Переяславский, — по-видимому, унаследовали от него «проногаевскую» ориентацию. Однако в этой зыбкой ситуации наилучшей политикой они всё же считали осторожную уклончивость. К этому склоняла князей и неопределённая ситуация в степях и в Сарае. «Токта и Ногай обладали примерно равными силами и потому в течение какого-то времени не решались напасть друг на друга, боясь, что на каждого из них в это время может напасть какой-нибудь внешний враг» (101, 77).

Но в 1300 году Ногай был убит в сражении с войском Тохты. Примечательно, что Ногая взял в плен и убил русский воин (101, 79). К сожалению, никаких подробностей этой истории не известно.

С гибелью Ногая ситуация в правящих верхах Золотой Орды стала проясняться. Тохта становился единовластным правителем запада и востока. Правда, войну с Тохтой продолжили сыновья Ногая Джука и Тури. И только с их гибелью в 1302 году наступил долгожданный мир.

Соперники

В такой шаткой ситуации и пришлось править русскими землями новому великому князю Владимирскому Андрею Александровичу. Этим нелёгким делом он занимался с 1294 года до самой своей кончины в 1304 году. Для правильного понимания его поведенческой стратегии важно учитывать всё то же важнейшее обстоятельство. Ситуация в Северо-Восточной Руси зеркально отражала положение дел в Орде. И там и здесь в 1294—1298 годах преобладали выжидательная осторожность, поиск союзников и бесконечные расчёты «своих» и «чужих». Наградой для степных бойцов служил ханский трон, а для их русских вассалов — великое княжение Владимирское и исторически связанное с ним Переяславское княжество.

Когда затянувшееся двоевластие в степях завершилось грандиозным сражением и полным торжеством одной из сторон, победители стали искать мира и порядка.

Этот исторический контур эпохи чётко прослеживается в кратких летописных известиях, связанных с междукняжескими отношениями.

Летописание конца XIII столетия напоминает почти пересохший ручей. Похоже, что увлечённые бесконечной усобицей князья махнули рукой на любые культурные начинания. Ни Андрей Городецкий, ни Дмитрий Переяславский не удосужились завести собственных летописцев. Кажется, их совсем не интересовало то, какими их увидят потомки. И только в Ростове, где всё ещё теплилась древняя культурная традиция, работал какой-то безымянный книжник (94, 201). Он словно по обязанности, холодной рукой отмечал главные события княжеской усобицы и некоторые эпизоды из жизни ростовского княжеского семейства. В его отношении к жизни чувствуются какая-то глубокая усталость и отвращение. Подобно библейскому Екклесиасту он всё видел и уже ничему не удивлялся...

«В лето 6805 (1297) прииде Андреи князь из Орды».

Краткое, как полёт камня, известие Лаврентьевской летописи сообщает факт, оставляя его без каких-либо комментариев. Похоже, что эта поездка в Орду, где формально правил Тохта, а фактически — всё ещё Ногай, не принесла Андрею и его союзникам каких-либо существенных приобретений. Во всяком случае, Фёдор Чёрный, ближайший соратник

Андрея Городецкого в его ордынских походах, через два года отправился в свой родной Смоленск в надежде занять там княжеский стол. В случае удачи это стало бы для князя существенным продвижением по лестнице честолюбия. Стоящий на перекрёстке четырёх больших дорог Смоленск был гораздо более значительным городом, нежели тихий Ярославль. Однако предприятие Фёдора окончилось безрезультатно. Не имея поддержки из Орды, он вынужден был ни с чем вернуться в Ярославль, где через три года и скончался.

Владимирский съезд

Но в том же году Симеоновская летопись сообщает о загадочном происшествии, точнее — о двух взаимосвязанных происшествиях: приходе очередной татарской «рати» и едва не закончившемся кровавой схваткой княжеском съезде во Владимире:

«В лето 6805 (1297) бысть рать татарская, прииде Олекса Неврюи, и бысть съезд всем князем Русским въ Володимери, и стаща супротиву себе, со единой стороны князь великии Андреи, князь Феодор Чёрный Ярославский Ростиславич, князь Костянтин Ростовский со единого, а съ другую сторону противу стаща князь Данило Александрович Московский, брат его (двоюродный. — Н. Б.) князь Михаиле Ярославич Тферский, да с ними переяславци съ единого. И за малым упасл Бог кровопролитья, мало бою не было; и поделившесе княжением и разъехашася кождо въ свояси» (22, 83).

Логика событий достаточно ясна. Наделённый большими полномочиями ханский посол Олекса (Алексей?) Неврюй — вероятно, родственник того Неврюя, который командовал разорившей Русь татарской ратью в 1252 году — привёз русским князьям какие-то распоряжения от хана Тохты. Эти распоряжения относились ко всему княжескому сообществу. Поэтому для их объявления был созван княжеский съезд во Владимире — номинальной столице Северо-Восточной Руси. Туда же прибыл и посол Олекса Неврюй.

Гостеприимным хозяином по самому своему положению должен был выступить великий князь Владимирский Андрей Александрович. Он же, вероятно, готовил и постановления, и «сценарий» съезда...

Княжеские съезды («снемы») известны уже в домонгольской Руси. Они созывались для обсуждения вопросов, затрагивающих интересы всего княжеского сообщества. Однако решения съездов не носили обязательного характера и порой нарушались самими их участниками. В условиях политической самостоятельности основных княжеств отсутствовал механизм принуждения к выполнению взятых обязательств. Таким образом, съезд был для князей скорее возможностью обменяться мнениями, нежели законодательным органом.

В период ордынского господства княжеские съезды получили новое значение. На этом собрании ханский посол мог выступать в роли судьи,

разбиравшего княжеские споры. Но главная его функция состояла в том, что он доводил до сведения всего княжеского сообщества распоряжения своего владыки. В основном эти императивы касались платежей и поставок. Понятно, что само по себе распоряжение хана не подлежало обсуждению. Однако практическую сторону дела (доля каждого князя в общей повинности, промежуточные сроки исполнения, условия доставки и т. д.), а также пограничные споры князя могли обсуждать в кулуарах, «в своём кругу». Здесь-то и возникали острые противоречия. Что касается посла, то он едва ли присутствовал на этих мелочных дебатах. Исполнив свою миссию, он отправлялся восвояси, прихватывая по пути всё, что представляло хоть какую-нибудь ценность...

После Дюденевой рати князя, словно устыдившись бедствий, которые навлекла на Русь их непримиримая вражда, вновь обращаются к такому инструменту мирного решения спорных вопросов, как княжеский съезд. Орда, издавна привыкшая решать свои проблемы на съездах знати (курултаях), одобрила возврат к древней традиции. Но эгоизм князей и их взаимная ненависть гасили любую разумную инициативу.

Учитывая ту враждебность, которая накопилась в отношениях между потомками Всеволода Большое Гнездо, можно полагать, что только присутствие ордынского посла сделало возможной саму эту встречу. Без Неврюя князя просто отказались бы явиться на съезд, ограничившись присылкой своих бояр. Только присутствие ханского посла и сопровождавшей его «рати» давало съехавшимся во Владимир князьям гарантии безопасности. Согласно Никоновской летописи, князя жаловались послу на свои «обиды»: «Комуждо князю свою обиду пред послом глаголющу» (17, 171). Однако эта подробность может иметь литературное происхождение и относиться к творчеству создателей Никоновской летописи (1530-е годы).

Началось обсуждение условий исполнения ханского повеления. Здесь эмоции князей хлестнули через край. Был момент, когда все схватились за оружие. И только грозный окрик присутствовавшего на съезде владимирского епископа Симеона заставил князей охладить воинственный пыл (17, 171). По самому острому вопросу — территориальному — был найден какой-то компромисс. «И поделившеся княжением и разъехашася каждо въ свояси» (22, 83). Полагают, что решения владимирского съезда сводились к трём пунктам. Князья «проногаевской» группировки (Михаил Тверской, Даниил Московский и Иван Переяславский) перешли на сторону Тохты, за что и получили подтверждение ханом своих прав на самостоятельный сбор дани, предоставленных им Ногаем (59, 28). Андрей

Городецкий в качестве великого князя Владимирского получал новгородский стол. Хан Тохта признал права Ивана Переяславского на отчинное княжество (59, 27).

На владимирском съезде ещё раз проявился расклад сил и союзнических отношений среди князей первого ряда. В сущности, со времён Дюденовой рати мало что изменилось. Исход борьбы двух степных гигантов ещё неясен. Соответственно и «смена вех» идёт с большой осторожностью. Князья «проногаевской» коалиции (Михаил Тверской, Даниил Московский, Иван Переяславский), усомнившись в заинтересованности своего патрона, начинают искать сближения с ханом Тохтой. В стане же Андрея Городецкого заметна некоторая растерянность. Его адепты Фёдор Ярославский и Константин Ростовский не получают желанных призов. Их прежний уклончивый союзник Дмитрий Борисович Ростовский ушёл в лучший мир вскоре после Дюденовой рати, оставив трёх сыновей, которые по молодости лет ещё не успели обзавестись врагами и друзьями.

Михаил Тверской и Даниил Московский протянули руку дружбы юному Ивану Переяславскому — единственному наследнику великого князя Дмитрия Александровича. И тот с охотой принял протянутые руки. Главной страстью этого отмеченного гамлетовской судьбой юноши была ненависть к дяде, виновному в гибели отца. Однако скромные возможности разорённого татарами княжества не позволяли Ивану в одиночку начать войну с великим князем. Он искал союзников и, кажется, готов был откликнуться на зов хоть самого дьявола, если бы тот вздумал ополчиться против Андрея Городецкого.

Но прежде чем начать дело мести, Иван решил заручиться поддержкой или хотя бы нейтралитетом Орды. С этой целью он в 1298 году отправился в степь, поручив Михаилу Тверскому следить за тем, чтобы Андрей Городецкий в его отсутствие не захватил Переяславль. Именно Переяславль и был яблоком раздора для князей.

История этого княжества позволяла определять его принадлежность двумя взаимоисключающими рассуждениями. Согласно первому, Переяславль всегда был частью великого княжения Владимирского и прежние князья Переяславские (Ярослав Всеволодович, Ярослав Ярославич, Александр Ярославич Невский, Дмитрий Александрович Переяславский) владели им в качестве великих князей Владимирских. При таком подходе Иван Дмитриевич должен был безропотно отдать Переяславль дяде (Андрею Городецкому) и отправиться в какой-нибудь

дальний угол великого княжества Владимирского в качестве наместника Андрея. Согласно второму суждению, Переяславское княжество уже давно (во всяком случае — при Дмитрие Переяславском) превратилось в вотчинное княжение местной династии, а Иван Дмитриевич как единственный наследник своего отца имел все права на местный стол. Понятно, что Иван придерживался второй теории и готов был сражаться за свои наследственные права.

Вопрос о статусе Переяславля приобретал особую остроту в связи с преклонным возрастом Андрея Городецкого и его желанием обеспечить будущее сыну Михаилу. Князь хорошо понимал, что после его кончины вспыхнет война между его сыном и Даниилом Московским — младшим из сыновей Александра Невского. В этой ситуации обладание Переяславлем фактически предрешало судьбу великого княжения Владимирского.

Встреча близ Юрьева

Андрей Городецкий не стал ждать, пока его враги объединятся и соберутся с силами, и первым начал новый виток усобицы. Решения владимирского съезда или же не устраивали его, или же не выполнялись участниками московско-тверской коалиции. Ордынское вмешательство в ближайшее время не ожидалось по причине большой войны Тохты с Ногаем. Теперь на Руси всё решали военная сила и хитрость самих князей.

«Того же лета (6805/1297) князь великийи Андреи събрав рати многы и хоте ити на Переяславль, такоже и къ Москве и ко Тфери, и не даша ему князь Данило Московский да брат его князь Михаиле Тферскийи, събраша бо противу рати многы князь Михаиле и Данила, и пришедше сташа близ Юрьева (Польского. — *Н. Б.*) на полчищи (место битвы. — *Н. Б.*), и тако не даша ити князю Андрею на Переяславль; бяше бо князь Иван Дмитриевич, ида в Орду, приказал блюсти свою отчину Переяславль князю Михаилу Тферскому. И туто за мало не бысть бою промежи ими, и взяша мир, и поидоша въ свояси» (22, 83—84).

Прежде всего, отметим некоторую неопределённость выражения «приказал блюсти свою отчину Переяславль». Судя по всему, эта формула позаимствована из духовной грамоты князя Ивана Дмитриевича, которую он написал, отправляясь в Орду. Там, в духовной, смысл этой формулы раскрывался подробно. Известно, что княжеские духовные грамоты неоднократно переписывались и всякий раз заверялись многочисленными свидетелями. Это были документы публичные, известные всякому заинтересованному лицу. Соответственно и временная (на период пребывания князя Ивана в Орде) передача управления Переяславским княжеством Михаилу Тверскому стала актом общеизвестным.

В летописи рассказ о «стоянии близ Юрьева» помещён после известия о владимирском съезде. Однако отсутствие в обоих известиях точных дат позволяет предположить, что сначала была война, а уж потом — примирительный княжеский съезд во Владимире. Такой порядок событий выглядит более естественным. Но как бы там ни было, роль «блюстителя» в отражении похода Андрея Городецкого на Переяславль, по-видимому, сыграл всё же не Михаил Тверской (которому поручил это, отправляясь в Орду, Иван Переяславский), а Даниил Московский. На это указал и летописец, поставив имя Даниила впереди имени Михаила Тверского. За

это же говорят и простые наблюдения над картой. Действительно, расстояние от Москвы до Юрьева по дороге через Переяславль — а другой дороги тогда не существовало — составляет около 200 километров. Расстояние от Твери до Юрьева — по Волге, Нерли Волжской и через Переяславль — около 300 километров.

В изложении летописца замысел Андрея Городецкого состоял в том, чтобы бить врагов по одному, то есть сначала овладеть Переяславлем, потом двинуться к Москве и далее — к Твери.

Однако из того же летописного рассказа следует, что безопасность Переяславля обеспечивала не только местная дружина, но и московские войска. Вероятно, Даниил имел предварительные сведения о намерениях своего старшего брата. Московские полки загодя двинулись навстречу великому князю.

Заметим, что в этом походе никто не хотел воевать всерьёз. Да и не только в этом... Во всех военных движениях той поры много уже непонятной нам символики и ритуала. Князь должен был время от времени показывать свою воинственность. Иначе его просто переставали уважать. А дружина, не получая желанных трофеев или хотя бы обязательных в каждом походе «подъёмных», просто разбегалась от миротворца к его более воинственным сородичам...

И москвичи, и владимирцы шли ускоренным маршем, надеясь первыми занять Юрьев, расположенный на полпути между Переяславлем и Владимиром. Именно там войска и встретились. Начались переговоры, в ходе которых Андрей Городецкий, по-видимому, о чём-то важном договорился с младшим братом. После этого противники разъехались по домам. Всё произошло довольно быстро. Михаил Тверской со своим войском едва ли принимал какое-то участие в этих событиях. У него просто не было времени, чтобы в столь короткий срок с войском из Твери добраться до Юрьева для сражения. Таким образом, спасением Переяславля князь Иван был обязан Даниилу Московскому. Из этого факта он должен был сделать определённые политические выводы...

(Принято думать, что Иван Переяславский в не сохранившейся до наших дней духовной грамоте, написанной перед отъездом в Орду, поручил «блюсти свою отчину Переяславль» именно Михаилу Тверскому, памятуя о той поддержке, которую тверской князь оказал его отцу Дмитрию Переяславскому в 1294 году. Вероятно, именно Михаил настоял тогда, во время переговоров с Андреем Городецким в Торжке, на возвращении Дмитрия в Переяславль и переводе его сына Ивана в Кострому. За поддержку следовало заплатить. Ценой могли стать какие-то соглашения

относительно судьбы Переяславля в случае пресечения местной династии. Но, как известно, «оказанная услуга не стоит ни гроша». Во время «стояния под Юрьевом» блюстителем вотчины Ивана оказался уже не Михаил, а Даниил Московский. Возможно, вся эта бескровная война и «стояние под Юрьевом» были тонкой инсценировкой, имевшей целью убедить простодушного переяславского князя в том, что именно Даниил Московский — его лучший друг и покровитель. Всё это было актуально в предвидении большой войны за Владимир, которая должна была вспыхнуть между князьями сразу после кончины уже далеко не молодого Андрея Городецкого).

Михаила Тверского отличало стремление решать дела не по произволу, а по справедливости. Будучи по природе своей христианским идеалистом, он чтит родовую традицию, согласно которой в случае кончины одного брата (Андрея Городецкого) владимирский трон переходил к другому (Даниилу). Михаил не пытался интриговать против кузена и «без очереди» протискиваться к владимирскому трону.

Тверской правитель понимал, что на пути к великокняжескому венцу любого соискателя ожидала обычная неприятность — война с племянниками. В этой войне, которую так же легко было предвидеть, как сложно предотвратить, именно обладание Переяславлем было своего рода «козырным тузом», последней ступенью на пути к владимирскому трону. Именно Переяславское княжество соединяло московские и тверские земли с владимирскими в единый массив. Это был важнейший в стратегическом отношении перекрёсток четырёх дорог: на Москву и на Ростов, на Владимир и на Тверь. Любой, кто собирался претендовать на Владимир, должен был мёртвой хваткой вцепиться в Переяславль.

Но дело в том, что Михаил и не собирался в 90-е годы любой ценой пробиваться к владимирскому трону. Ему хватало собственного княжества и собственных проблем, связанных с его защитой и благоустройством. И потому вопрос о том, кто будет владеть Переяславлем, не представлял пока для Михаила особого интереса. Он, кажется, и вовсе не думал о великокняжеском золотом венце. Ведь трон Всеволода Большое Гнездо прочно занимал Андрей Городецкий. Впереди Михаила Тверского в очереди на владимирский трон стоял Даниил Московский. Казалось, что у Михаила в этой очереди нет никаких шансов.

Но судьба всегда устраивает дела человеческие по-своему, и недалёк был час, когда Михаил Тверской горько пожалел о том, что слишком мало внимания уделял «переяславскому вопросу»...

Дмитровский съезд

Идея обсуждения общезначимых вопросов на княжеских съездах пришла по душе русским князьям. Спустя четыре года после владимирского съезда, в 1301 году, они собрались на новый съезд — на сей раз в Дмитрове.

«Того же лета (6809/1301) бысть съезд всем князем в Дмитрове, князь великий Андрей, князь Михаиле Ярославич Тферский, князь Данило Александрович Московский, князь Иван Дмитриевич Переяславский, и взяша мир межи собою, а князь Михаиле Тферский с Иваном с Переяславским не dokonчяли межи собою» (22, 85).

Дмитров не случайно был выбран местом княжеского съезда. Здешние князья — потомки князя Константина Ярославича, младшего брата Александра Невского, — владевшие одновременно и Галичем Костромским, не проявляли особой политической активности и потому с готовностью предоставляли свои владения для переговоров.

Судя по фразе «и взяша мир межи собою», в период между 1297 и 1301 годами военное противостояние между Андреем Городецким и московско-тверской коалицией продолжалось.

Отмеченное летописцем противоречие между Михаилом Тверским и Иваном Переяславским, не позволившее им подписать мирный договор, могло быть вызвано только одним — решением Ивана заново переписать духовную грамоту и завещать Переяславль не Михаилу Тверскому, а Даниилу Московскому. Такое решение, по-видимому, было принято задолго до дмитровского съезда и не являлось секретом для княжеского сообщества. Даниил ликовал, а Михаил чувствовал себя обманутым и униженным. Вероятно, он требовал от Ивана вернуться к первому варианту завещания. Но тот, ощущая за собой поддержку Москвы, ответил отказом. Прежние друзья и союзники разъехались врагами. Это был явный политический проигрыш Твери. Тонкая интрига, в которой, судя по всему, прикровенно участвовал и Андрей Городецкий, сохранивший доверительные отношения с Даниилом Московским, оказалась более действенной, чем «правда» и справедливость. Отныне неприязнь между Тверью и Москвой будет лишь нарастать.

В этой бесконечной партии политические интриги порой приобретали сложность шахматных комбинаций. Полагают, что Андрей Городецкий на

случай своей кончины заключил приватную договорённость с Михаилом Тверским относительно раздела земли и власти. Андрей признавал права Михаила на великое княжение Владимирское и соответствующим образом настраивал своих бояр. Тверской князь обещал за это Андрею защитить имущественные права его сына Михаила Андреевича на Городецкий удел и Кострому (85, 131). Опытный политик, Андрей понимал, что его единственный сын (другой сын Борис умер в 1303 году) не сможет взять и удержать Владимир в борьбе с дуумвирами — московским и тверским князьями. Лучшее, на что Михаил Андреевич мог рассчитывать, — это сохранение отцовского удела. Но и это возможно было лишь при поддержке одного из дуумвиров...

Глава 11

ТЕРПЕНИЕ

Похвала монаху — терпение в скорбях.

Ефрем Сириин

Первым событием XIV века стал для Руси неожиданный перенос митрополичьей кафедры из Киева во Владимир в 1300 году. Кажется, Михаил Тверской не имел к этому делу никакого отношения. Но «пути Господни неисповедимы». Придёт время — и эта перемена сыграет немалую роль в жизни тверского князя и его княжества...

Среди историков давно установилось мнение, будто митрополит Максим «придерживался протверской ориентации» и был «авторитетной опорой» политических стремлений Михаила Тверского (122, 124; 102, 98). Однако это мнение — равно как и мнение о враждебном отношении Михаила Тверского к митрополиту Петру — не находит прочного основания в источниках.

Побег

Об этом много говорили тогда и в княжеских теремах, и в избах простонародья. Такого рода новшества — разрыв с древней традицией Киевской митрополии — всегда вызывали тревогу и воспринимались как дурное предзнаменование. Летописец выделил это событие особым заголовком: «Остави Киев митрополит»:

«Того же лета (6808/1300) митрополит Максим, не терпя татарскаго насилия, остави митрополию, иже в Киеве, и избеже ис Киева и весь Киев розбежеса, а митрополит иде къ Бряньску, оттоле въ Суждалскую землю, и тако седе въ Володимери с клиросом и съ всем житием своим» (22, 84).

Объясняя поступок первосвященника на первый взгляд вполне уважительной причиной — «не терпя татарскаго насилия», летописец применяет излюбленный приём русских книжников: избегая прямого осуждения или хвалы, выносить нравственную оценку поступку через цитату из Священного Писания. При этом и сама цитата давалась не дословно, а как бы намёком, вскользь. В течение рассказа её могли заметить только посвящённые. Так возникал своего рода «подтекст», скрытый от непосвящённых тайный смысл написанного. Не нарушая обета монашеского смирения и не претендуя на роль судьи, летописец с помощью этой тонкой интеллектуальной игры мог выразить своё личное отношение к поступкам исторических лиц.

Приведённый выше текст из Симеоновской летописи полон сокровенных смыслов.

Терпение — одно из ключевых понятий христианской этики, обязательное условие подлинного благочестия. Библия, и в особенности Новый Завет, полна суждений на эту тему. «С терпением будем проходить подлежащее нам поприще» (1 Евр. 12:1). «Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами как с сынами» (1 Евр. 12:7). «Если терпим, то с Ним и царствовать будем» (2 Тим. 2:12). «Гонят нас, мы терпим» (1 Кор. 4:12).

На этом фоне проявленное митрополитом отсутствие терпения воспринимается как явный и тяжкий грех. В качестве архипастыря он должен был в первую очередь заботиться о своих «словесных овцах». Однако он бежал от них, спасая себя, свой двор и своё «житие», то есть имущество. Следствием этого малодушия стала гибель всего города.

Но дело не только в бедах Киева. Митрополит оставил свою

митрополию, «бежал», то есть, по сути, уподобился часовому, который бросил свой пост, или воину, бросившему свой стяг. Это уже не только малодушие, но и прямое преступление перед Богом и Церковью...

Краткое летописное сообщение о бегстве митрополита Максима из Киева во Владимир в своде 1305 года проникнуто плохо скрытым осуждением этого поступка, а стало быть, и самого святителя. Такого рода оценки обычно давались по горячим следам события, под впечатлением вызванных им пагубных последствий. В данном случае мы можем предположить, что запись о бегстве Максима впервые возникла в своде 1305 года, заказчиком которого, по мнению некоторых исследователей, был только что вернувшийся из Орды с ярлыком на великое княжение Владимирское князь Михаил Ярославич Тверской (104, 163). Анализируя тверские известия в своде, исследователь высказал интересное предположение. «Весьма вероятно, что эти записи велись самим князем (о его грамотности есть известия) в той или иной чтомой книге; таких семейных записей много можно встретить на переплётах старых книг. К этому семейному Летописцу князя позднее, по припоминанию, собран был ряд тверских известий, которые теперь в составе свода 1305 г. читаются без точных дат» (104, 160).

Этот свод, на основе которого возникла Лаврентьевская летопись, по-видимому, был составлен во Владимире. Судя по крайне скудному и, как показано выше, порой критическому отражению в своде деятельности митрополита Максима, отношения святителя с Михаилом Тверским были весьма натянутыми.

На это указывает и маршрут, который избрал Максим для переезда во Владимир. Проторённый ещё киевскими князьями путь из Киева в Залесье шёл вверх по Днепру и далее через волок и Вазузу на Верхнюю Волгу. Значительная часть пути проходила по территории Тверского княжества. Но именно это и не устраивало Максима. Он предпочёл более сложный путь через брянские леса и перепутья Московского княжества. Зная прямой и вспыльчивый характер Михаила Тверского, Максим легко мог предвидеть его реакцию на раскол митрополии. Иное дело Москва. Даниил Московский — как, впрочем, и святитель Максим — гораздо лучше Михаила умел скрывать свои мысли и ладить с полезными людьми.

(Лет пять спустя мать Михаила Тверского будет просить митрополита вразумить московского князя Юрия Даниловича не затевать новую усобицу за великое княжение Владимирское. Максим на словах согласится и даже вступит в переговоры с Юрием Даниловичем. Но, кажется, старый грек не слишком будет стараться в своей роли миротворца. Грозное слово

«отлучение» не прозвучит на этих переговорах. В итоге Юрий не откажется от своих замыслов и вскоре над Северо-Восточной Русью запыхает пламя новой княжеской войны. Впрочем, Максиму не суждено будет увидеть последствия своих неудачных переговоров. 6 декабря 1305 года он завершит свой земной путь и будет похоронен в загодя устроенном им приделе Святого Пантелеймона в Успенском соборе во Владимире).

Рассуждая о судьбе митрополита Максима, трудно не посетовать на обычную для летописей этого периода расплывчатость хронологии. В новгородских летописях отъезд митрополита из Киева датируется 6807 мартовским годом, а в Симеоновской — 6808-м ультрамартовским (44, 279). Проще говоря, митрополит бежал из Киева в период с 1 марта 1299 года по 28 февраля 1300 года. Затем его следы теряются. Вновь на хронологической шкале он появился только 29 июня 1300 года, когда в день памяти апостолов Петра и Павла совершил поставление на кафедру новгородского владыки Феоктиста. Никаких сведений о его пребывании в Твери летописи не сохранили. Скорее всего, он всё же был там проездом из Владимира в Новгород. Но тверские летописцы не сочли это важным событием или демонстративно проигнорировали эту новость. В Твери Максима ждал холодный приём.

На горах киевских

Почему митрополит Максим покинул своё традиционное «седалище» в Киеве? Почему это решение должно было вызвать возмущение у всех, кто был искренне озабочен судьбами православия в русских землях?

Известно, что Русская церковь как институт в условиях ига пользовалась значительными привилегиями. Она не платила ордынский «выход», не привлекалась к обслуживанию ханских послов. За это духовенство во главе с иерархами должно было молиться о здравии татарских ханов и призывать народ к покорности новому «вавилонскому плену».

Однако церковь как сообщество православных людей разного чина и звания не менее других страдала от произвола ордынцев. Ханские ярлыки давали некоторую безопасность только в мирное время. Всё менялось в условиях войны. Летописи полны рассказов о том, как во время татарских набегов гибли или подвергались насилию разного рода «церковные люди» — от приходских священников и монахов до епископов и самого митрополита.

Колыбель русского православия, Киев был страшно разорён во время Батыева нашествия. Однако тут есть над чем задуматься историку (38, 287).

Проезжавший через Киев в 1245 году францисканец Плато Карпини писал: «...Они (татары. — Н. Б.) пошли против Руси, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев, который был столицей Руси, и после долгой осады они взяли его и убили жителей города; отсюда, когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мёртвых людей, лежавшие на поле; ибо этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведён почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей тех держат они в самом тяжёлом рабстве. Подвигаясь отсюда, они сражениями опустошили всю Руссию» (3, 51).

Легко заметить, что этот хрестоматийный текст полон внутренних противоречий. Так, остаётся непонятным, где же увидел Карпини «бесчисленные головы и кости мёртвых людей» — в городе или «на поле», то есть в степи? Если он говорит о самом Киеве, то непонятно, как могли жители пять лет оставлять непогребёнными останки своих родственников и друзей, соседей и земляков. Если же кости были разбросаны в чистом поле, то это вполне могли быть и кости ордынцев. Русские не имели желания

хоронить степняков, а монголы, как известно, не хоронили своих мёртвых в могилах, а оставляли лежать на земле на добычу зверям и птицам, полагая, что при такой участи тела душа быстрее покинет останки и улетит к небу.

Разорение Киева во время Батыева нашествия — исторический факт, засвидетельствованный и русскими летописями. Однако как политическое, так и экономическое значение Киева позволило ему быстро подняться после катастрофы. В городе вели дела многочисленные купцы как русского, так и иностранного происхождения. Об этом говорит сам же Карпини, называя в качестве свидетелей своего пребывания в Киеве целый ряд тамошних персонажей:

«Свидетелями служат все граждане Киева, давшие нам провожатых и коней до первой татарской заставы и встретившие нас при возвращении с провожатыми из татар и их конями, которые к нам возвращались, и все русские люди, через землю которых мы проезжали и которые приняли запечатанную грамоту Бату и приказ давать нам лошадей и продовольствие; если же они этого не сделали бы, то были бы казнены им. Сверх того, свидетелями служат бреславльские купцы, ехавшие с нами вплоть до Киева и знавшие, что наш отряд въехал в землю татар, а равно и многие другие купцы как из Польши, так и из Австрии, прибывшие в Киев после нашего отъезда к татарам.

Служат свидетелями и купцы из Константинополя, приехавшие в Россию через землю татар и бывшие в Киеве, когда мы вернулись из земли татар. Имена же купцов этих следующие: Михаил Генуэзский, а также и Варфоломей, Мануил Венецианский, Яков Реверий из Акры, Николай Пизанский; это более главные. Другие, менее важные, суть Марк, Генрих, Иоанн Вазий, другой Генрих Бонадиес, Пётр Пасхами; было ещё и много других, но имена их нам неизвестны» (3, 84).

Перечень иноземных купцов говорит о многом. Судя по нему, Киев быстро возродился, хотя, конечно, не имел уже прежнего блеска.

Ножницы географии

Благодаря своему географическому положению на сходе нескольких водных торговых путей и своим древним соборам и монастырям Киев оставался достойным местом для резиденции главы Русской церкви. Он служил своего рода «замком», соединявшим западную и восточную части Русской митрополии. Стоило митрополиту навсегда покинуть Киев, перебравшись в Галицкую или Владимирскую Русь — и раскол митрополии становился лишь вопросом времени.

Понимая это, митрополит Кирилл II (1242—1281) всю жизнь провёл в скитаниях по своей митрополии, сшивая нитями своих дорог её расползающееся пространство. Он и умер в дороге 6 декабря 1281 года — в тихом Переяславле Залесском, а похоронен был — вероятно, согласно его завещанию — в Киеве, в древнем Софийском соборе.

Понимал это и митрополит Максим. И тоже в меру сил собирал приходы и епархии. Но стоило ему переехать из Киева во Владимир, как шесть западнорусских епархий — Галичская, Перемышльская, Владимиро-Волынская, Луцкая, Холмская и Туровская — объявили себя самостоятельной Галичской митрополией (1303). Князь Юрий Львович Галицкий (1301 — 1316), женатый на сестре Михаила Тверского, хотел иметь собственного митрополита. По его хлопотам византийский император Андроник Палеолог Старший и константинопольский патриарх Афанасий утвердили новую митрополию.

Благодаря родственным связям с Галицким княжеским домом в Твери как нигде на северо-востоке отчётливо представляли перспективу и последствия церковного раскола. Вероятно, искренне болевший за будущее православия Михаил Тверской имел на сей счёт какие-то беседы с митрополитом Максимом. Но когда настал час принятия решений, Максим выбрал собственную безопасность. Михаил Тверской, как известно, в критическую минуту рассудил иначе...

Под омофором Богородицы

Перенос митрополии — точнее говоря, резиденции митрополита — из одного города в другой был, вообще говоря, делом противозаконным с точки зрения церковных канонов. Во всяком случае, он требовал санкции патриарха, или императора, или поместного собора (56, 95). Максим уехал безо всяких санкций и чувствовал необходимость хоть как-то оправдать этот акт. Так родилась чудесная история о том, как уже во Владимире митрополиту «в тонком сне» явилась Богородица и вручила ему омофор. С этим небесным благословением переезд митрополита — по сути, обычное бегство от опасности — получал более благопристойный вид.

Что касается земных причин, заставивших Максима предпринять такой многотрудный шаг, то здесь для начала следует согласиться с мнением современного исследователя: «Перенос митрополии, конечно, имел более серьёзные причины, чем просто очередное разорение Киева татарами» (122, 127). Далее позволим себе некоторые предположения относительно этих «серьёзных причин». Судя по всему, бегство Максима из Киева было связано с грандиозными битвами между Тохтой и Ногаем, которые развернулись в степях в 1298—1300 годах.

«К 1298 г. у Токты окончательно созрел план освобождения от власти Ногая. Хан весьма резко ответил на его очередные требования о выдаче Салджида и Тама-Токты (беглых эмиров. — Н. Б.) и начал собирать войска, чтобы выступить против бекляри-бека. Его 300-тысячная армия двинулась к владениям Ногая... Заметив, что хан быстро усиливает свои позиции, многие сторонники бекляри-бека в 1299 году начали перебегать к Токте вместе со своими войсками» (101, 78). «В результате к концу 1299 г. Токта оказался во главе куда больших сил, чем Ногай, и сам решил перейти в наступление, воспользовавшись смутами в улусе бекляри-бека» (101, 70).

Решающая битва, в которой Ногай был разбит, взят в плен и убит, состоялась на рубеже 1299/1300 года.

Находясь в Киеве, митрополит — как, впрочем, и все киевляне — внимательно следил за развитием степной войны и принимал решения в зависимости от её перипетий. Только на этом фоне можно понять его внезапный отъезд из Киева, неведомые скитания и появление во Владимире, где правил давний вассал Тохты великий князь Андрей Городецкий. Именно Андрей с его ордынскими связями и острой

потребностью в поддержке митрополита в русских делах был тем человеком, который мог спасти Максима как давнего вассала Ногая от ханской кары.

О том, что отъезд Максима из Киева был скоропалительным, свидетельствует одна деталь. «В 1295 году он (митрополит. — Н. Б.) поставил во Владимир епископа и, следовательно, не думал о собственном в него переселении» (56, 95).

Киев по своему географическому положению входил во владения Ногая. Разгром Ногая в решающей битве и его гибель вызвали торжество победителей, обычно проявлявшееся в тотальном разгроме владений побеждённого. На этой волне воины Тохты ринулись на Киев и учинили там страшный погром. Митрополит Максим — вероятный сторонник Ногая — в панике бежал из Киева. Примеру владыки последовал и весь его двор, судьба которого могла быть весьма плачевной. Предвидя возможную погоню, митрополит бежал из Киева в сторону Брянска какими-то потаёнными тропами. Однако и Брянск, где шла непрерывная резня между местными и смоленскими князьями, не дал ему надёжного пристанища. Отсюда он двинулся дальше на север, в московские земли. Там следы его на какое-то время затерялись. Вероятно, он просто выжидал, пока определится новая расстановка сил на Руси. Во всяком случае, в Великом Новгороде, куда митрополит должен был приехать для поставления нового архиепископа Феоктиста, это мероприятие пришлось отложить «дондеже уведают, где митрополит» (11, 250). А между тем новгородские купцы находились во всех крупных городах. И уж конечно, они были в Брянске и Владимире. Они должны были немедленно сообщить в Новгород о местопребывании главы Русской церкви. Однако, судя по всему, митрополит какое-то время скрывался во владениях Даниила Московского. Умение держать паузу — сильное оружие политика. И митрополит в полной мере умел пользоваться этим оружием...

Глава 12

МИХАИЛ И ДАНИИЛ

Не всегда можно представить
естественные доказательства для
сверхъестественных вещей.

Временник Георгия Монаха

Составляя биографию Михаила Тверского, испытываешь непреодолимое желание хотя бы на время оставить Тверь и посмотреть, что происходило в это время в Москве. Наше историческое знание построено на том, что Москва — это альфа и омега отечественной истории. Это, конечно, не совсем так. История происходит везде, где живут люди, и Москва — лишь точка схождения множества индивидуальных человеческих историй.

И всё же позволим себе немного порассуждать о Москве. Ведь и главный герой нашей книги князь Михаил Тверской постоянно думал о Москве, завидовал ей, проклинал её, искал средства остановить её стремительный рост. Москва и Тверь как бы подгоняли друг друга в той увлекательной скачке, которая называется жизнь.

Эта построенная Андреем Боголюбским в 1156 году и незаслуженно приписанная Юрию Долгорукому, жившему тогда в Киеве, крепость имела большое будущее (19, 225). Она находилась на границе владений владими́ро-суздальских и черниговских князей и потому играла важную роль в системе обороны Владимирской Руси. По этой причине владимирские великие князья долго не выделяли Москву в самостоятельный наследственный удел. Лишь после кончины Александра Невского она получила статус столицы маленького княжества. Первый московский князь Даниил — младший сын Александра Невского — до совершеннолетия воспитывался при дворе Ярослава Ярославича Тверского. Тиуны тверского князя семь лет (1264—1271) управляли Москвой. «Окончательное отделение Московского княжества от Владимирского произошло не ранее 70-х гг. XIII в. Во всяком случае, Даниил Александрович как московский князь упоминается впервые в 1283 г.» (85,

119).

Казалось, у Москвы нет никаких шансов выйти в первый ряд русских княжеств. В случае бездетной кончины Даниила Московский удел быстро растворился бы среди земель великого княжения Владимирского.

Но где-то высоко наверху судьбу Москвы решили иначе.

Историки указывают на исключительно благоприятное географическое положение Москвы, находившейся как бы в фокусе многих сухопутных и водных торговых путей (131, 397). Однако наши скудные представления о торговом движении и «транспортных потоках» в те далёкие века делают любые построения в этой области весьма шаткими.

Карамзин назвал вещи своими именами, когда сказал: «Сделалось чудо. Городок, едва известный до XIV века, возвысил главу и спас отечество» (70, 20). Действительно, как бы ни старались историки найти убедительные объяснения триумфа Москвы, в этом всё же остаётся большая доля необъяснимого, даже чудесного.

Имя и судьба

Оба основоположника — Михаил Тверской и Даниил Московский — носили имена, исполненные глубокого провиденциального смысла. Можно сказать, что уже одними своими ветхозаветными именами они возвышались над толпой тогдашних князей и внушали уважение к себе.

Имя *Даниил* вызывало в памяти величественную фигуру библейского пророка Даниила, который истолковал загадочные сны вавилонского царя Навуходоносора, остался невредимым во рву с голодными львами и пророчествовал о скором конце времён. За этим таинственным гигантом выстраивается целая шеренга Даниилов «второго ряда». Это и первый русский паломник в Святую землю игумен Даниил, и писатель времён Всеволода Большое Гнездо Даниил Заточник, и древний византийский подвижник Даниил Столпник, и, наконец, первый московский князь Даниил Александрович, названный в честь преподобного Даниила Столпника.

О символическом значении имени Михаил мы уже говорили выше.

Сходство имён продолжилось и сходством биографий, во всяком случае — их первых этапов. Князь Даниил Московский родился в 1261 году. Судя по данному ему имени, это произошло где-то близко от 11 декабря — дня памяти Даниила Столпника. Он был на десять лет старше Михаила Тверского. Но оба они росли без отца. Ярослав Тверской умер, так и не увидав младенца сына. Даниил лишился отца в возрасте двух-трёх лет. Вероятно, тогда же он потерял и мать — полоцкую княгиню Александру Брячиславну. В противном случае вдовствующая княгиня-мать едва ли отдала бы младшего сына на воспитание в Тверь.

Итак, заметим, что и Михаил Тверской, и Даниил Московский были, что называется, «безотцовщиной». Людям с такой судьбой — а среди них Дмитрий Донской, Иван Грозный, Пётр Великий — легче даются нетрадиционные решения и неожиданные поступки. Раннее одиночество способствует выработке характера и умению постоять за себя.

Много лет Даниил и Михаил жили бок о бок при тверском дворе. Разница в возрасте и происхождении не допускала между ними братских отношений. Кажется, это было им только во благо. Ещё римляне полагали, что «чем ближе люди по родству, тем более острое чувство вражды питают друг к другу» (130, 539). Основовположники двух главных княжеских домов

Северо-Восточной Руси не были врагами. Вплоть до последних лет XIII столетия Даниил и Михаил в княжеских спорах выступали заодно против триумvirата Андрея Городецкого, Фёдора Чёрного и Константина Ростовского. Однако логика борьбы диктовала свои императивы, и отношения между кузенами стали портиться...

Московская экспансия

За порогом 33-летия — «возраста Христа» — Даниила словно подменили. Он стал дерзким и воинственным, почувствовал прилив новых сил. В нём проснулась та неукротимая энергия экспансии, которую Л. Н. Гумилёв назвал красивым словом «пассионарность». Маленькая Москва стала расти как на дрожжах, а её дотоле смиренный и осторожный князь стал действовать размахисто и уверенно...

Летописцы заметили перемену в образе Даниила и стали следить за его действиями. Однако в их кратких сообщениях можно разглядеть лишь наступательную стратегию московского князя, тогда как его тактика остаётся скрытой от потомков. Что же касается стратегии, то она сводилась к одной простой, но принципиально важной для Москвы установке. Даниил поставил своей главной задачей овладение всем течением Москвы-реки от истоков до устья. Оба эти района — истоки Москвы-реки вблизи Можайска и её устье возле Коломны — имели огромное стратегическое значение. В треугольнике Можайск — Вязьма — Зубцов находились верховья Днепра, Вазузы, Угры и Москвы-реки. Иначе говоря, это было распустье, от которого дороги шли на запад, юг, север и восток. Что касается Коломны, то она открывала (или закрывала) для москвичей и шедших через Москву транзитных грузов выход к Оке.

Присоединение Можайска к московским владениям не привлекло внимания летописцев. Вероятно, оно происходило постепенно и без триумфальных литавр. Возможно, здесь сыграли свою роль брачные союзы Даниила и его сыновей, о которых источники не сообщают почти ничего. Во всяком случае, никаких сообщений о московской экспансии в сторону Можайска в летописях до весны 1304 года нет. Летописец отмечает лишь шумные распри среди смоленских князей — потомков внука Мономаха Ростислава Мстиславича — и бесплодные походы на Можайск и Смоленск ярославского князя Фёдора Чёрного. Даниил ненавидел этого самоуверенного выскочку и, кажется, поддерживал в Смоленске его врагов.

Полагают, что Можайск Даниил получил ещё в 1291 году от Ногая, который наказал таким образом другого претендента на этот удел — верного вассала Тохты Фёдора Чёрного (59, 27). Подругой версии, Можайск отдал Даниилу местный князь Святослав Глебович в период с 1299 по 1303 год за поддержку в овладении Вяземско-Дорогобужским уделом. После

кончины Даниила Святослав Глебович попытался вернуть Можайск, но получил твёрдый отпор со стороны наследника московского престола. Летописи сообщают о походе Юрия Московского на Можайск под 6812/1304 годом: «И тое же весны князь Юрьи Данилович съ братьею своею (Александром, Борисом, Иваном и Афанасием. — Н. Б.) ходил къ Можайску и Можаетск взял, а князя Святослава ял и привёл къ себе на Москву» (22, 86).

Бесконечный реестр бессмысленных княжеских войн вызывает оскмину. Невольно возникает потребность в рациональном объяснении всех этих походов и сражений, в которых, однако, не погиб ни один из Рюриковичей.

Историки выстраивают хитроумные схемы политических процессов и общественных отношений, моралисты указывают на дурные наклонности человеческой природы. «Причина всех этих зол, — говорил Фукидид, — жажда власти, коренящаяся в алчности и честолюбии» (139, 148).

Но как бы там ни было, борьба испокон веку идёт не только в царских дворцах и княжеских палатах, но на всех этажах общественного здания. Зависть правит бал, поднимает соседа на соседа, брата на брата. Маятник жизни вечно колеблется между потерей и приобретением. И чтобы подтвердить эти нехитрые, но полезные для понимания происходящего на исторической сцене истины, мы позволим себе ещё один небольшой экскурс в область археологии.

Новгородские замки

Одной из самых распространённых находок археологов в древнерусских городах являются сломанные замки. Большие и маленькие, с дужкой и без дужки, исправные и повреждённые... Их изобилие наводит на грустные мысли относительно нравственности наших предков. Вспоминается один эпизод из времён Ивана Грозного, описанный в мемуарах английского посланника Джильса Флетчера. Как-то раз Иван вступил в беседу с придворным ювелиром, англичанином по происхождению. «Отдавая слитки для приготовления посуды, царь велел ему хорошенько смотреть за весом. “Русские мои все воры”, — сказал он. Мастер, слыша это, взглянул на царя и улыбнулся. Тогда царь, человек весьма проницательного ума, приказал объявить ему, чему он смеётся. “Если ваше величество просите меня, — отвечал золотых дел мастер, — то я вам объясню. Ваше величество изволили сказать, что русские все воры, а между тем забыли, что вы сами русский”. — “Я так и думал, — отвечал царь, — но ты ошибся: я не русский, предки мои германцы”» (106, 38).

(Царь имел в виду своё происхождение через Рюрика от легендарного Пруса, запечатлённое в «Сказании о князьях Владимирских»).

Известно, что иностранцы всегда любили позлословить о России. Но факт остаётся фактом: количество замков всегда прямо пропорционально количеству воров...

Между Владимиром и Новгородом

Ещё со времён Александра Невского принято было рассматривать великое княжение Владимирское как некую совокупность статусов и прерогатив. Иначе говоря, князья могли разбирать желанный приз на части. Один получал новгородское княжение, другой — сам Владимир, третий — прочие города и волости на территории великого княжества. Пользуясь этой практикой, новгородцы в 1296 году — в который раз! — решили поменять одного сына Александра Невского на другого. На сей раз изгнанию подлежал Андрей Городецкий, а точнее — его наместники в Новгороде. Одновременно новгородцы отправили своих послов в Москву, к Даниилу Александровичу, и пригласили его занять новгородский стол. Даниил принял приглашение и для начала отправил в Новгород наместником своего сына Ивана — будущего Калиту (149, 151).

Можно думать, что уход Андрея из Новгорода и появление там Даниила стали результатом договорённости, достигнутой на княжеском съезде во Владимире в 1296 году. Уступив — вероятно, за какие-то встречные уступки — новгородский стол младшему брату, Андрей Городецкий сохранил за собой великокняжеский стол во Владимире (149, 151).

Участники обеих коалиций втайне друг от друга вели и собственную политическую игру. Свидетельством этому служат две договорные грамоты Новгорода с тверским князем Михаилом Ярославичем о взаимной помощи, составленные в том же 1296 году. В них Михаил сообщает новгородскому архиепископу Клименту, возглавлявшему боярское правительство, о своём союзе с Даниилом Московским и Иваном Переяславским, а также напоминает новгородцам о их обещании поддержать его в случае угрозы со стороны великого князя Андрея Городецкого или приведённых им ордынцев. Одновременно Михаил Тверской предусмотрительно оговаривает принципы решения спорных вопросов хозяйственно-правового характера, которые существовали или могли возникнуть между ним и Новгородом:

«Поклон от князя от Михаила къ отьцю ко владыце. То ти, отьче, поведаю: с[ъ бр]атомь своимъ съ старейшимъ съ Даниломъ одинь есмь и съ Иваномъ; а дети твои, посадник, и тысяцьскыи, и весь Новьгород на томъ целовали ко мне крест, аже будеть тягота мне от Андрея, или от тат[ар]ина,

или от иного кого, вам потянута со мною, а не отступите вы ся мене ни въ которое же веремя. А чего будеть искати мне, и моимъ бояромъ, и моимъ слугамъ у новгородьцев, и у новоторъжьцев, и у волочан, а тому всему суд дати без перевода. А холопы, и долъжники, и поручники выдавати по исправе. А кто будеть закладень позоровал ко мне, а жива въ Новгородской волости, тех всех отступил ся есмь Новугороду. А кто будеть давних людии въ Торъжьку и въ Волоце, а позороваль ко Тфери при Олександре и при Ярославe, тем тако и седети, а позоровати им ко мне. А што будеть моихъ сёл в Новгородской волости или моихъ слугъ, тому буди судъ без перевода» (2, 14).

В ответном послании новгородцы требуют от Михаила аналогичных услуг:

«Где будет обида Новугороду, тебе потянута за Новгород съ братом своим съ Данилом и съ мужи съ новгородьци» (2, 14).

Эта новгородско-тверская переписка вызывает много вопросов, на которые можно отвечать лишь предположительно. Особое внимание исследователей привлекает требование Михаила помогать ему в случае «тяготы» от татар. При желании в этом пассаже можно увидеть зарождавшийся антиордынский союз Михаила Тверского, Даниила Московского и новгородцев. Однако «тяготу» можно понимать и как вообще любые — и прежде всего финансовые — затруднения, связанные с Ордой.

Мечом и добром

Москва наступала на севере, но при этом постоянно оборачивалась на юг. Осенью 1300 года Даниил ходил войной на Рязань. Целью похода была помощь претенденту на рязанский трон, князю Александру Романовичу, против его брата Константина Романовича. Результатом этого вмешательства москвичей в рязанские дела было пленение Константина и, вероятно, присоединение к Москве Коломны. Так победитель расплатился с Москвой за подмогу.

В кратком летописном известии об этой войне есть фраза, проливающая некоторый свет на характер Даниила. «И билися у города у Переяславля (Рязанского. — Н. Б.), и князь Данило Московский измогл (превозмог, одолел. — Н. Б.) и много бояр избил, а князя Костянтина Рязанскаго некоею хитростью ял и приведе къ себе на Москву» (22, 85).

Итак, Даниил умел владеть мечом, но при этом был мастер на всякие хитрые уловки, вероятно, не вполне порядочного свойства. Помимо этого, он был жесток и уже после победы перебил много пленных бояр.

Решив с помощью меча одну геополитическую проблему — контроль над Москвой-рекой, Даниил обратился к другой. Это было владение Переяславлем. Здесь всё решила другая черта Даниила: способность ценить дружбу и делать добро...

В Переяславле сидели тогда наместники великого князя Андрея Городецкого, с нетерпением ожидавшие кончины бездетного и, видимо, тяжело больного местного князя Ивана Дмитриевича, чтобы окончательно включить это выморочное княжество в состав великого княжения Владимирского. Каких-либо других претендентов не ожидалось: брат Ивана Александр за несколько лет перед тем умер в Орде и не оставил потомков (147, 9).

15 мая 1303 года князь Иван скончался. Летописец проводил его ритуальной фразой: «Преставися князь Иван Дмитриевич Переяславский, боголюбивый и смиренный, и кроткий, и тихий» (22, 85). В Никоновской летописи этот некролог значительно расширен и пополнен указанием на благочестие Ивана. Подобно своему отцу, он был добр к нищим и странникам и вообще добродетелен до такой степени, что «многим дивитися о житии его» (17, 174).

Подобные этикетные некрологи ставят историков перед вопросом: в

какой мере ритуальные формулы соответствовали характеру умершего князя? Аналогичный вопрос возникает и при чтении житий. Очевидно, отдавая должное ритуалу, древнерусский автор всё же чувствовал некую невидимую черту правдоподобия, преступать которую по религиозным соображениям не следовало...

Великокняжеские наместники напрасно ели свой хлеб в Переяславле. Вероятно, им следовало бы больше заниматься военной подготовкой. Все знали, что умерший правитель завещал Переяславль («благослови въ своё место») Даниилу Московскому. «Того бо любляше паче инех», — поясняет летописец это неординарное решение.

Даниил давно уже «положил глаз» на Переяславль, и никакие наместники не могли остановить его решимость завладеть этим городом. Андреевым порученцам оставалось только пришпорить коней.

«И седе Данило княжити на Переяславли, а наместници князя великаго Андреевы збежали» (22, 85).

За этим судьбоносным для Москвы решением «тихого и кроткого» князя Ивана, чью надгробную плиту и ныне можно увидеть в тёмном углу древнего переяславского собора, стоит уже недоступная для нас политическая интрига, а может быть — и подлинная драма.

Оставив в стороне таинственную природу любви и дружбы, связавших Даниила и Ивана, заметим, что дарственная Ивана Даниилу Московскому была наибольшей неприятностью, какую он только мог сделать своему дяде Андрею Городецкому. Безусловно, Иван мстил дяде зато зло, которое тот причинил его отцу. Похоже, что именно ненависть была главной пружиной этой политической динамики.

На поверхности событий история с Переяславлем выглядит как банальная семейная неурядица, обычная вражда дяди с племянником. Но из пены этой неурядицы всплывает вечный вопрос учёных споров: когда и как произошёл переход от коллективного владения Русской землёй всем семейством Рюриковичей — к наследственным уделам-вотчинам.

Иван Переяславский «благословил» (завещал) своё княжество Даниилу Московскому. Но завещать можно только то, что является собственностью (вотчиной) завещателя. А между тем Переяславль всегда был вторым по значению городом в составе великого княжения Владимирского. Когда и как он изменил свой статус? И изменил ли? Существует мнение, что, несмотря на дерзкое распоряжение князя Ивана, Переяславль ещё долго оставался важной частью великого княжения Владимирского (85, 130). Каждый из тогдашних князей смотрел на этот

вопрос «со своей колокольни». В традиционном обществе, где перемены считались дурным тоном, всё новое приходило незаметно, с мягкостью кошачьих лап...

В борьбе за Переяславль Даниил Московский перехватил победу не только у Андрея Городецкого — с которым он, видимо, заранее договорился о будущем распределении столов, — но и у Михаила Тверского (85, 131). Этот последний в усобицах 90-х годов XIII века усердно защищал интересы Ивана Переяславского, считался его другом и защитником и в этом качестве мог ожидать завещания в свою пользу. Но лукавая московская политика оказалась более успешной. Воеводы московского князя сидели в Переяславле и готовы были по первому приказу выступить на Владимир.

Таким образом, Даниил подготовил всё на случай скорой кончины Андрея Городецкого. Оставалось только ждать. Но судьба не любит человеческих расчётов. И вместо Андрея Городецкого в лучший мир вслед за юным Иваном Переяславским 5 марта 1303 года отправился сам Даниил Московский. Всей жизни его в этом мире было около сорока двух лет.

Глава 13

НА ПЕРЕВАЛЕ

В делах человеческих удача так
или иначе смешана с горем и несчастьями.

Плутарх

В Древней Руси средняя продолжительность жизни была гораздо меньше, чем в наше время. Этой печальной реальности не могли избежать и правители. Александр Невский прожил 43 года, Даниил Московский — около сорока двух лет, Иван Калита — около пятидесяти лет, Иван Красный — 33 года, а Дмитрий Донской — 38 лет. Рано заканчивая свой жизненный путь, человек Средневековья рано его и начинал. Сын правителя достигал совершеннолетия и мог самостоятельно вести дела уже в 14-15 лет. Тогда же он мог подумать и о брачном союзе. В целом же рубежи зрелости как бы молодели, сжимались, становились более отчётливыми и тревожными.

При такой печальной арифметике рубеж тридцатилетия для правителя таил в себе глубокий экзистенциальный смысл. Это было время, когда человек — словно путник на перевале — должен был оглянуться на пройденный путь и рассмотреть дальнейшую дорогу. Неудовлетворённое честолюбие и несбывшиеся мечты предъявляли отставшему в скачке жизни свои непоплаченные счета...

Михаилу Тверскому в 1301 году исполнились те самые рубежные 30 лет, которые можно сравнить с перевалом для восходящего в гору путника. Судьба поманила его возможностью отметить эту дату ратным подвигом на благо всей Руси. Однако по его (или не по его) вине эта возможность не стала свершением. Но обо всём расскажем по порядку...

Расчёт или просчёт?

В первый год XIV столетия не только новгородские, но и общерусские летописи отметили грозные события в Новгородской земле. Шведы попытались закрыть для русских выход в Финский залив и тем самым перерезать главную дорогу внешней торговли. Летом 1300 года они выстроили у впадения речки Охты в Неву (примерно там, где сейчас на другом берегу Невы находится жемчужина Петербурга Александрово-Невская лавра) сильную крепость Ландскрона, что в переводе на русский язык означало — Венец Земли.

Узнав о намерениях шведов, новгородцы собрали ополчение и напали на строителей крепости. Однако шведы не только отбили нападение, но и обратили новгородцев в бегство. Не решившись повторять печальный опыт, те ни с чем отправились восвояси.

Вся история Новгорода свидетельствует о том, что вечевая демократия и воинская выучка — вещи несовместимые. Основа военного дела — дисциплина. Только наличие безусловного военного авторитета в лице князя превращало толпу кое-как вооружённых горожан в боеспособное войско. Надо полагать, что из состава княжеской свиты формировался и «офицерский корпус» новгородской армии. Но в 1300 году в Новгороде не было ни самого великого князя Владимирского Андрея Александровича, ни его достойного представителя.

Возведённая за один строительный сезон шведская крепость закупорила выход из Невы на Балтику. Ганзейские купцы приостановили свои караваны, дожидаясь прояснения обстановки. Приток серебра в Новгород быстро обмелел. Тревожные гонцы помчались из Новгорода во Владимир...

Измученный борьбой с братьями и племянниками, утомлённый годами пятидесятилетний Андрей Александрович «вступил в злат стремя». Князь не мог, конечно, отказать в помощи, когда её просил сам «банк всея Руси». Стремясь хоть как-то оправдать своё позорное поражение летом 1300 года, новгородцы, разумеется, преувеличивали мощь крепости и численность её гарнизона. Обеспокоенный этими рассказами, Андрей Городецкий поднял на ноги всех князей Северо-Восточной Руси и весной 1301 года двинул в Новгород громадное войско (143, 58). Достойное место в этой коалиции должен был занять и князь Михаил Ярославич со своим

тверским полком. Однако тут произошла довольно странная история. Вот как излагает дело Симеоновская летопись:

«В лето 6810 (ошибка в дате, должно быть: 6809/1301. — Н. Б.) князь великий Андреи Александрович съ новгородци и съ всеми ратьми ходил на немци и взя город немецкий Венец, на реце на Неве, а Неву раскопати повелел, а немцев много побиша, а иных руками яша, а князя их убиша. Князь же Михаило Тферский не дошед Новгорода Великаго, слышав, оже немци побежени быша, и възвратися назад» (22, 85).

Перед нами ещё одна из множества исторических загадок. Было ли опоздание Михаила Тверского случайным или умышленным? Должны ли мы упрекнуть князя в неспособности быстро собрать войско — или с пониманием отнестись к его нежеланию «класть свои яйца в чужую корзину»?

Как бы там ни было, но князь Андрей Городецкий — словно вспомнив наконец, чей он сын, — блеснул в этой войне полководческим талантом. Судьба дала старому «ордынскому служебнику» шанс хоть немного оправдаться перед потомками за свои тёмные дела — и он воспользовался этим шансом. Поторапливая своё пёстрое войско, он сумел добраться до Ландскроны раньше, чем Нева очистилась ото льда и шведские корабли сумели доставить осаждённому гарнизону подкрепление. Окружив крепость, Андрей распорядился немедленно приступить к делу. Пользуясь многочисленностью своего войска, он 18 мая начал непрерывный штурм сменявшими друг друга колоннами (5, 91; 143, 60). Именно этим приёмом татары во времена Батые захватывали русские города. Вероятно, Андрей неоднократно наблюдал эту тактику во время своих походов в составе ордынских войск. Не выдержав такого натиска, небольшой гарнизон крепости вскоре прекратил сопротивление.

Выполняя пожелание новгородцев, Андрей приказал своим воинам сжечь Ландскрону, а её каменные и земляные фрагменты разрушить. Это была старая военная установка Новгорода: не держать боеспособных крепостей на своих границах. В противном случае эти крепости могли попасть в руки внезапно подоспевшего неприятеля и причинить городу много неприятностей.

Созданный в 30-е годы XIV века Синодальный список Новгородской Первой летописи донёс до нас взволнованный голос современника событий. Рассказав о шведской войне, новгородский летописец заключает: «А покои, Господи, въ царствии своём душа тех, иже у города того головы своя положиша за Святую Софью» (5, 91). Никаких комплиментов по адресу князя Андрея в новгородской летописи нет.

Возвращение Андрея во Владимир, вероятно, было торжественным. Все знали, что свою победу над шведами он одержал в тех же местах, где в 1240 году его отец Александр Невский разгромил предков этих шведов. Таким совпадением военная история всегда придавала символическое значение.

Как известно, «большое видится на расстоянии». Гораздо щедрее новгородцев оценили взятие Андреем Городецким Ландскроны историки. «Самая крупная попытка Швеции захватить устье Невы и главный русский выход к морю... закончилась полным и бесславленным поражением» (143, 62).

Миг славы прошёл. Для триумфатора наступили тоскливые серые будни. Вернувшись с трофеями из новгородского похода, Андрей на другой год отправился в Орду, чтобы среди прочих дел обсудить и свою духовную грамоту — завещание. Князь понимал, что таких успехов, как Ландскрона, у него больше не будет. А значит — настало время подумать о вечном, уйти в иной мир с почётом и в блеске славы...

Осенний след

В первые годы XIV столетия в правящей элите Северо-Восточной Руси происходит смена поколений. Ещё римляне верили, что смена поколений сопровождается чудесами и знаменами (96, 44). И знамения эти не заставили себя долго ждать.

Под сентябрьским 6810 годом (1 сентября 1301 — 31 августа 1302) летопись сообщает: «Бысть буря велика зело, и много пакости бысть в людех: хоромы рвало, и лесы ломило, и люди и скоты било. Того же лета бысть знамение на небеси: явися звезда на запади, луча вверх испущая яко хвост, къ полуднию ниць (вниз. — *Н. Б.*)» (17, 174).

В летописях можно найти и более выразительное сообщение об этой комете, передающее то настроение, которое охватило людей при виде редкого небесного явления: «В лето 6810. Явися звезда страшная, светящи и луча испускающи» (30, 128). Римляне считали, что появление хвостатой звезды предвещает смерть верховного властителя (134, 166).

Согласно астрономическим подсчётам, эта комета проходила ближе всего к Земле 23 сентября 1301 года (115, 183). Раздвоенный огненный хвост, появлявшийся на вечерней заре на западе, был направлен высоко вверх.

Вскоре по возвращении из Орды Андрей Городецкий созвал съезд князей для оглашения ханских распоряжений и обсуждения сложившегося положения. Вероятно, по настоянию московских князей съезд состоялся не в стольном Владимире, а в Переяславле. Напомним читателю, что после бездетной кончины последнего местного князя Ивана Дмитриевича город, согласно его завещанию, находился в управлении московских князей. Однако дальнейшая принадлежность Переяславля вызывала споры в княжеском сообществе.

«Того же лета на осень (1303 года. — *Н. Б.*) князь великии Андреи вышел из Орды с послы и с пожалованием царёвым, и съехашася на съезд в Переяславль вси князи и митрополит Максим, князь Михаиле Ярославич Тферский, князь Юрьи Данилович Московский с братьею своею; и ту чли грамоты, царёвы ярлыки, и князь Юрьи Данилович приат любовь и взял себе Переяславль, и разъехашася раздно» (22, 86).

На переяславском съезде был достигнут временный компромисс

между основными политическими фигурами Залесья. Полагают, что Андрей Городецкий запретил своему единственному наследнику, сыну Михаилу, начинать интригу против дяди — Михаила Тверского. Слишком неравны были силы сторон. Однако за эту лояльность Михаила Городецкого его отец ещё при жизни настроил своих бояр, а также своих доброхотов в Орде на поддержку Михаила Тверского в качестве соискателя великого княжения Владимирского. В свою очередь, Михаил Тверской обещал признать вотчинные права Михаила Городецкого на его удел, который при желании можно было рассматривать и как часть великого княжения Владимирского.

Окончив дела, князя по обычаю сели пировать. Москвичи выставили угощение, гости сдержанно похваливали, из осторожности предпочитая блюда, приготовленные в собственной кухне. Отравление соперника было обычным делом в Орде и Византии. Но случалось оно и среди Рюриковичей. Так погиб, например, в Киеве один из сыновей Юрия Долгорукого Глеб. Ходил упорный слух, будто и сам «основатель Москвы» был отравлен там же на пиру у сборщика податей Петрилы...

Вспоминая старую пословицу — «худой мир лучше доброй ссоры», хозяева Руси разъехались по осыпанным осенним листом дорогам в свои уделы. И каждый тяжко вздыхал при мысли о том, сколько тревог готовит ему завтрашний день...

Колея власти и власть колеи

Итак, 5 марта 1303 года внезапно умер младший из сыновей Александра Невского — Даниил Московский. Но и старший брат не заставил себя долго ждать. 27 июля 1304 года Андрей Городецкий скончался. Князя похоронили в его удельной столице — Городце на Волге. Там, над волжским простором, Андрей построил церковь во имя Михаила Архангела. В её стенах он и обрёл вечный покой.

В результате этих двух утрат Михаил Тверской неожиданно для себя вышел на первое место по неписаной «табели о рангах» сообщества потомков Всеволода Большое Гнездо. Его ждал золотой владимирский венец. Кажется, он и не думал о такой судьбе. Михаил Тверской — каким мы видим его — был редкий тип князя-философа. В нём не было мелкого честолюбия. К тому же он знал, какой ценой приходилось платить соискателям владимирского трона за удовольствие слышать своё имя на великой ектенье. И зная цену верховной власти, он часто повторял слова Екклесиаста: «Лучше горсть с покоем, нежели пригоршни с трудом и томлением духа» (Еккл. 4:6).

Но жизнь устроена так, что однажды вступив на тот или иной путь, человек уже не может с него сойти. Множество больших и малых причин удерживает его в привычной колее. Закон этот в равной мере предписан крестьянину и ремесленнику, священнику и воину, бездомному бродяге и великому князю. Только уйдя из этого мира в мир иной — не загробный, но «застенный», монастырский, — человек может изменить свою жизнь. Но такой поворот посилен лишь очень немногим. Князь Михаил Тверской был не из их числа. Мать воспитала его как правителя. В его жилах текла «голубая кровь» Рюриковичей, кровь великого Всеволода Большое Гнездо. Наконец, он чувствовал ответственность перед Богом за своих подданных. Он мог своей властью спасти от гибели или ордынского плена тысячи людей. Это был его долг как христианского правителя. Ради всего этого Михаил Тверской согласился взять на себя тяжкое бремя верховной власти в Северо-Восточной Руси. Но очень скоро он убедился в том, что одного его согласия мало. Необходима борьба...

Братья Даниловичи

Известно, что брачные союзы русских князей были пунктиром союзов политических. Но говорить об этом избегали. На ком был женат Даниил Московский — неизвестно. Но известно, что эта достойная женщина стала матерью пяти сыновей.

Источники умалчивают о дочерях Даниила. Но более чем вероятно, что отец пятерых сыновей был и отцом нескольких дочерей. Историки восполняют это молчание своими предположениями (81, 5; 39, 163).

Пять сыновей Даниила летописец перечисляет в следующем порядке: «Сего сынове: Юрьи, Александр, Борис, Иван, Афонасей» (17, 174). Впервые мы видим их вместе — метафорически, на исторической сцене — у гроба отца. Здесь они клялись исполнить его последнюю волю, изложенную в завещании...

Важнейшим делом любого тогдашнего князя было составление завещания. Движимое и недвижимое имущество следовало разделить между наследниками так, чтобы не вызвать распри или обиды. Это была своего рода головоломка, над которой князья проводили бессонные ночи. Существовали разнообразные прецеденты решения этого вопроса. Одни полагали, что главное — справедливость. Ради неё следует разделить всё поровну между сыновьями. Другие, напротив, считали полезным наделить старшего сына львиной долей наследства, чтобы обеспечить ему безусловное силовое превосходство над братьями и тем снять угрозу уобицы. Особая доля полагалась княгине-вдове. После её кончины эта доля шла в раздел между сыновьями и дочерьми. Отдельно рассматривалась тема приданого, которое следовало дать за дочерьми при замужестве. Наконец, в завещании князь оговаривал тему должников: кто сколько должен княжескому семейству и как разделить этот долг, когда он будет возвращён.

Историки горько сетуют на то, что завещание Даниила до нас не дошло. Однако есть основания думать, что эта «пропавшая грамота» представляла собой весьма оригинальный по содержанию документ. Даниил не стал делить своё княжество на пять уделов по количеству сыновей. Он оставил хозяином старшего сына Юрия, приказав младшим братьям слушаться его во всём. Со временем — например к женитьбе — Юрий мог дать братьям уделы, убедившись в их преданности. За наличие

таких распоряжений в духовной Даниила говорит тот факт, что ни один из братьев практически не упоминается в летописях с указанием на удел — Можайский, Коломенский, Звенигородский и т. п.

Трудно сказать, в какой мере удачным оказалось это предполагаемое распоряжение Даниила. Летописи отмечают ссору между братьями и бегство Бориса и Александра в Тверь в 1307 году. На другой год летопись сообщает о кончине Александра. Потеряв одного из своей компании, братья Даниловичи сплотились и в дальнейшем выступали как один сжатый кулак. По-видимому, распоряжения Даниила подкреплялись хорошим воспитанием, которое он дал своим детям. Наказы родителей в этой семье имели силу закона. И наказания эти были не только морального, но и политического свойства. Главным же среди конкретных наказов Даниила был наказ Юрию относительно притязаний на великое княжение Владимирское. О содержании этого наказа можно только догадываться. Догадка наша состоит в том, что Даниил велел сыну на первом этапе вести двойную игру: просить великое княжение Владимирское, но, максимально подняв цену, уступить золотой венец Михаилу Тверскому (46, 92).

Михаил Тверской — как старший по родству на одно поколение — имел преимущественные права на верховную власть. Но в торге о власти московский запрос должен был быть предельно высоким. Подняв демагогический спор о Владимире и как бы неохотно уступив в этом споре, москвичи могли в качестве отступного потребовать от Михаила Тверского признания своих прав на Переяславль, Можайск, Коломну и другие приобретения Даниила.

Более того. Зная характер Михаила, москвичи полагали, что в погоне за золотым венцом, считая себя правым и опасаясь бесчестья, он возьмёт на себя такие обязательства по ордынскому «выходу», выполнить которые не сможет. И тогда великокняжеский венец вместе с головой тверского князя скатится под ноги московским Даниловичам.

Тверской князь понимал цинизм реальной политики. Однако поначалу всё само шло ему в руки. За ним было право старшинства среди потомков Ярослава Всеволодовича. Великий князь Владимирский Андрей Александрович Городецкий признал его своим наследником во Владимире. Бояре, служившие прежде великому князю, приехали в Тверь и выразили готовность служить новому сюзеру (14, 367).

Созданная в Твери в конце 1319-го — начале 1320 года Повесть о Михаиле Тверском так представляет сложившуюся летом 1304 года политическую ситуацию (83, 274):

«Княжашу ему въ Тфери въ отчине своей, преставися великий князь

Андреи и благослови его на свои стол на великое княжение, сего христоролюбиваго великаго князя Михаила, ему же по стариинству дошёл бяше степень княжения великаго. И поиде в Орду ко цареви, яко же прежде его князи бывшее имаху обычаи тамо взимати великое княжение» (14, 376).

Княжеское сообщество молчаливо признало приоритетное право Михаила Тверского на верховную власть. В его пользу говорил и простой расчёт династического старшинства. Даниил Московский доводился ему двоюродным братом, а сыновья Даниила — двоюродными племянниками. Наконец, его доброхотом — быть может, уклончивым — был митрополит Максим, находившийся тогда в Северо-Восточной Руси...

Словом, в этой игре, где ставкой была верховная власть над Северо-Восточной Русью, на руках у Михаила Тверского имелись все козыри. Но перспектива мирной передачи верховной власти от одной династической ветви к другой была разрушена вмешательством московских Даниловичей...

Тетива

С кончиной Андрея Городецкого события понеслись стремительно, словно кто-то невидимый отпустил туго натянутую тетиву. Юрий Московский «съ своею братьею» вперёд Михаила отправился в Орду в качестве соискателя великого княжения Владимирского. Под «братьею» можно понимать только Александра. Иван остался стеречь от тверских воевод Переяславль, Борис был послан в Кострому, а Афанасий по молодости лет ещё не годился для серьёзных дел.

Путь Юрия пролегал из Переяславля во Владимир и далее в Суздаль. Там его подстерегали — «переимали да не изнимали» — тверские заставы (22, 86). Впрочем, это могло быть и самостоятельное предприятие желавших угодить своему новому сюзеру Михаилу Тверскому владимирских бояр. Как бы то ни было, но Юрий, обладавший редкой выносливостью, сумел уйти от расставленных ему сетей. Неизвестно, какими доводами он объяснял хану свои в общем-то безосновательные притязания на Владимир. Однако его поездка в Орду выглядит вполне подготовленной и мотивированной.

В степные улусы двинулся и Михаил Тверской. Кажется, он вновь — как и на шведской войне — опоздал с отъездом. В некоторых источниках названа дата его отправления из Твери: 1 мая 1305 года (76, 21). Напомним, что Андрей Городецкий умер 27 июля 1304 года.

Борьба за Владимир всегда шла одновременно на двух фронтах — в Орде и на Руси. И если ордынские действия князей скрыты от нас стеной молчания летописей, то русская сцена имеет некоторое освещение.

Позиционное преимущество Юрия Даниловича состояло в наличии у него четырёх братьев, кровно заинтересованных в успехе московского дела. Один из них, Иван Калита, был послан Юрием в Переяславль, где успешно отразил нападение тверской рати под началом боярина Акинфа. Согласно местному преданию, это сражение, во многом решившее судьбу всей войны, произошло на окраине Переяславля, близ Фёдоровского монастыря. На помощь Ивану пришли московский полк и собранное в Переяславле ополчение.

Судьба переменчива, но не слепа. Подобно тому как прежде переяславцы не хотели видеть своим князем Андрея Городецкого или Фёдора Чёрного, так теперь они не пожелали открыть ворота посланцам

Михаила Тверского. Эта перемена имела какую-то причину. Но чем не угодил им Михаил Тверской — или чем прельстил их Юрий Московский, — источники не сообщают. Можно только предположить, что за то недолгое время, которое Переяславль был под рукой Москвы, Даниил и Юрий постарались задобрить горожан какими-то льготами и привилегиями.

В борьбе за Переяславль Иван Калита показал, что умеет не только считать деньги, но и побеждать на поле брани. Другой брат, Борис Данилович, был не столь удачлив. Посланный стеречь Кострому, он попал там в руки тверских бояр и был отведён пленником в Тверь. Мирную Кострому сотрясали политические страсти. Однако в конечном счёте победу там одержали сторонники Михаила Тверского.

Тяжба

Хан Тохта решил вопрос о великом княжении Владимирском в пользу Михаила Тверского.

В «Истории» В. Н. Татищева содержатся некоторые уникальные сведения о тяжбе Юрия Московского с Михаилом Тверским в 1304—1305 годах. Так, сообщается, что Юрий в Орде добровольно отказался от притязаний на великое княжение Владимирское:

«Князем же бывшим во Орде, и яко кииждо хотяше великое княжение улучшить, даюсче дары многи хану, и ханшам, и князем ордынским, тии же елико емлюсче, толико более от другаго желаху. Юрий же, слыша, яко Михаил хосчет хану дань большую обесчати, шед к нему, рече: “Отче и брате, аз слышу, яко хосчеши большую дань поступите и землю Русскую погубите. Сего ради аз ти соступаю отчины моя, да не гибнет земля Русская нас ради”. И шедше ко хану, явиша ему о сём. Тогда даде хан ярлык Михаилу на великое княжение и отпусти я» (129, 70).

Хотелось бы верить благородному порыву московского князя. И всё же более вероятно, что Юрий своим участием в устроенном татарами торге сознательно провоцировал Михаила Тверского на повышение ставки ордынского «выхода».

Для Михаила владимирский венец был прежде всего вопросом чести, перед которым все остальные вопросы отходили на второй план. В конце концов, он терпеливо и смиренно «отстоял свою очередь» за великим княжением Владимирским. Он не искал этой доли, но получил её по воле Всевышнего. Вернувшись на Русь с пустыми руками, он стал бы всеобщим посмешищем. Такая участь была для гордого Михаила горше любого военного поражения.

Бессмысленность истории пугает историков, как ночной кошмар. Спасаясь от него, они пытаются увидеть в столкновении эгоистических интересов некую историческую перспективу. Полагают, например, что схватка за верховную власть между Михаилом Тверским и Юрием Московским была более значима, чем прочие княжеские усобицы: «Борьба между Михаилом и Юрием пошла за широкою задачу — за власть над всей Великороссией, стало быть, за восстановление единства её политических сил и политического главенства над ними. Попытка Михаила Ярославича и его сторонников бояр захватить такие пункты, как Великий Новгород,

Переяславль, Кострома и Нижний Новгород, не может быть сведена к “усилению Твери” или “увеличению тверского удела”. Явственно проявились более широкие политические притязания; завязалась борьба за наследие великих князей Александра и Ярослава Ярославичей» (102, 105).

Тверской князь выиграл схватку в Орде. Но впереди ещё была тяжёлая борьба на Руси. Прежде всего Михаил должен был сломить сопротивление своих недругов.

В 1305 или 1306 году, вероятно, по приказу Михаила Тверского, сын Андрея Городецкого Михаил расправился с «вечниками», бунтовавшими в Нижнем Новгороде против бояр (85, 206-209). Эта расправа была связана с борьбой за великое княжение Владимирское в 1304—1305 годах. Никоновская летопись сообщает, что во время мятежа «избиша чёрныя люди бояр княже Андреевых Александровича» (17, 176). Далее, продолжая тему, летопись сообщает, что «князь Михайло Андреевич (сын Андрея Александровича. — Н. Б.) прииде из Орды в Нижней Новгород, и изби всех вечников, иже избиша бояр» (17, 176). Правильное написание в Никоновской имени князя — Михаил Андреевич, а не Михаил Ярославич — заставляет с доверием отнестись ко всей информации о нижегородском мятеже.

Первая московско-тверская война

И всё же главным врагом Михаила Тверского отныне и до конца его дней стал Юрий Данилович Московский. Вернувшись из Орды осенью 1305 года, Юрий оказался в крайне опасном положении. Михаил Тверской по благословению митрополита Максима взошёл на великое княжение Владимирское. Вскоре после кончины святителя 6 декабря 1305 года Михаил начал войну против Москвы. Это была месть Юрию за его вмешательство в вопрос о великом княжении, а также месть Ивану Даниловичу за разгром тверского войска под Переяславлем.

Княжеское сообщество Северо-Восточной Руси не спешило открыто поддержать того или другого соперника, опасаясь повторения коалиционных войн 80-х и 90-х годов XIII столетия.

Начиная войну с Москвой, Михаил Тверской не имел союзников и не был уверен в своём военном превосходстве. Поэтому он подключил к делу дополнительные силы. Рязанские князья принялись интриговать против Юрия в Орде, а в самой Москве Александр Данилович и вернувшийся из тверского плена Борис Данилович тайно готовились выступить против старшего брата. Вероятно, братья были возмущены тем, что Юрий до сих пор не выделил им самостоятельных уделов.

В этих условиях Юрий в 1306 году пошёл на какие-то существенные уступки тверскому князю. По-видимому, он отдал Михаилу Переяславль и на этом примирился с ним (85, 131).

Война прекратилась, так и не развернувшись в полную силу. Примирение Юрия с Тверью подорвало основу для развития рязанской линии борьбы против старшего Даниловича. Однако вопрос о Новгороде оставался открытым. В 1306-м и первой половине 1307 года Михаил вёл тяжёлые переговоры с новгородцами, которые за предшествующие три десятилетия привыкли иметь дело с потомками Александра Невского. Кроме того, отец Михаила Ярослав Ярославич Тверской оставил по себе в Новгороде плохую память своим намерением отдать город на разгром татарам. Неприязнь к тверскому князю разжигали в Новгороде и московские доброхоты, поощряемые Юрием Даниловичем.

Только летом 1307 года Михаил Тверской сумел утвердиться на новгородском княжении. Новгородская Первая летопись по Синодальному списку сообщает: «Седе князь великийи Михаиле Ярославич, внук великого

Ярослава Всеволодича, в Новгороде на столе, в неделю, на Сбор святых отец 630, иже в Халкидоне» (5, 92).

Примечателен день, избранный Михаилом для своей интронизации в Новгороде. Эту торжественную церемонию, которую совершал сам новгородский владыка, князь сознательно приурочил к церковному празднику, суть которого — осуждение еретиков. Четвёртый вселенский собор известен в истории Церкви прежде всего осуждением монофизитской ереси. Эта тема была тогда весьма актуальна в Новгороде, где, согласно уникальному известию Татищева, в 1313 году проповедовал своё учение некий «еретик Вавила» (46, 116). Своим символическим выбором дня интронизации — 16 июля — Михаил Тверской хотел предстать перед новгородцами в роли защитника православия, опоры церкви в борьбе с еретиками. Другим проявлением этой тенденции стало участие князя в строительстве и украшении ряда новгородских каменных церквей (46, 118).

Вторая московско-тверская война

Вскоре после интронизации Михаил Тверской покинул Новгород. Его ждали неотложные дела в Северо-Восточной Руси. Под 6816 (1307/08) годом Симеоновская летопись сообщает: «Того же лета князь великий Михаиле Ярославич Тферский ходил в другие (вторично. — Н. Б.) к Москве ратью, всею силою, и бысть бои у Москвы, на память святого апостола Тита, и града не взяша, и не успевше ничто же възвратишася» (22, 87).

Второй поход Михаила Тверского на Москву отличался необычайной стремительностью: 16 июля 1307 года князь ещё был в Новгороде, а 25 августа уже стоял под стенами Москвы. Очевидно, ещё до возвращения князя в Тверь там были собраны полки, с которыми он и выступил на Москву. Михаил хотел наказать Юрия за его происки в Новгороде, а может быть, и заставить принять какие-то новые обязательства перед великим князем Владимирским. Конец августа (время сбора урожая) был наилучшим временем для грабежа московских земель. Кроме того, Михаил явно спешил закончить поход до начала осенних дождей. В итоге он ушёл назад, заключив мир с Даниловичами. Условия мира источники не сообщают. Новгородские летописи об этой войне вообще умалчивают, что лишний раз свидетельствует о её быстротечности и сравнительно скромных масштабах.

Примечательно, что Михаил Тверской сводил счёты с Юрием как бы нехотя, отдавая дань незыблемой норме княжеского поведения — «зуб за зуб, око за око», и без помощи татар. В отличие от большинства тогдашних князей, война не была для тверского князя любимой стихией. Он был по натуре человеком мира, а не войны. Однако князей не случайно рисовали на иконах с крестом в одной руке и мечом — в другой. Древний символ власти, меч удивительным образом соединялся с жертвенным крестом...

Глава 14

КАМЕНЬ ПРЕТКНОВЕНИЯ

С наиболее высокой судьбой сопряжена
наименьшая свобода: таким людям
нельзя ни выказывать своё расположение,
ни ненавидеть, а более всего — предаваться гневу.

Саллюстий

В условиях удельной разобщённости и ордынского произвола резко возросло политическое значение главы Русской церкви — митрополита Киевского и всея Руси. Имея прямой выход на ханский двор — и благодаря собственным связям, и через сарайского епископа, — митрополит стал сильной и самостоятельной фигурой на тогдашней шахматной доске политики. Дружбы с митрополитом искали сильнейшие русские князья. Однако он не спешил присоединяться к той или иной политической силе, отстаивая прежде всего интересы русской митрополии и её «матери-Церкви» — Константинопольской патриархии.

Рассуждая о политической ориентации митрополичьей кафедры, нельзя забывать, что в эту религиозную эпоху моральные ценности христианства воспринимались как императивы поведения, а понятие «гнев Божий», подобно дамоклову мечу, висело над каждой грешной головой. Выступая в роли главного истолкователя Божьей воли, митрополит пользовался особым авторитетом. За его спиной грозно вставал Тот, кто сказал: «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам» (Рим. 12: 19).

«Святые видят святых...»

Летом 1308 года в исторической драме, которую потомки назовут «Возвышением Москвы», — а с таким же успехом можно было бы назвать и «Падением Твери», — появляется новое действующее лицо — митрополит Пётр. «В лето 6816 поставлен бысть пресвященный архиепископ Пётр, митрополит всея Руси, и прииде из Царягорода и седе в Киеве» (22, 87).

Предшественник Петра византиец Максим бледной тенью проходит по страницам русских летописей. Разумеется, это вовсе не значит, что такой же тенью он был и в реальной жизни. Ведь в истории, как и в жизни, кроме всего прочего, играет роль удача. Петру повезло на посмертную славу. Не зная точно, на чьей стороне он воевал, мы всё же угадываем в нём сильного бойца. Историки единодушны в суждении: «Пётр был политиком настойчивым и смелым» (132, 208).

Имя Пётр по-латыни означает «камень». В исторической традиции давно сложилось мнение (или скорее миф) о том, что для князя Михаила Тверского этот «камень» стал подлинным «камнем преткновения». Вражда святого князя со святителем была фатально неизбежной и стала первой трещиной в фундаменте тверского могущества. Наиболее категорично этот тезис высказал ещё Е. Е. Голубинский: «Когда вместо Геронтия (тверского кандидата на митрополию. — Н. Б.) пришёл на митрополичью кафедру святой Пётр, великий князь встретил неожиданного митрополита как врага, и этим врагом его остался во всю свою жизнь, не один раз пытавшись свергнуть его с кафедры» (56, 136). Обратной стороной этого принятого за истину мифа становится другой миф — о сердечной дружбе святителя Петра с московскими Даниловичами: «Тесная связь и дружба митрополита с князем московским, — не с Иваном Даниловичем Калитой, а с его старшим братом Юрием Даниловичем, началась с самой первой минуты прибытия митрополита на Русь» (56, 137).

Но так ли это? Не слишком ли схематично выглядит эта картина в чёрно-белой палитре? Реальная жизнь всегда богата оттенками, полутонами, компромиссами. И потому относительно дружбы московских Даниловичей с митрополитом Петром приходится говорить достаточно осторожно (122, 133).

В качестве альтернативы чёрно-белой схеме предложим свою картину

событий. Вражда Михаила Тверского и митрополита Петра — устоявшийся исторический миф, истоки которого уходят в риторику московских книжников времён Ивана Калиты. В реальности, по выражению Василия Великого, «святые видят святых». Митрополит Пётр и князь Михаил Тверской не были врагами. Во всяком случае, источники не позволяют говорить об этом.

Главным источником, на котором зиждется традиционный взгляд на Петра как друга Москвы и врага Твери, являются два послания, написанные, по мнению издателей, в 1312—1315 годах и адресованные князю Михаилу Тверскому. Первое — от константинопольского патриарха Нифонта I (1313—1315), второе — от некоего монаха с редким именем Акиндин, что в переводе с греческого означает «Безопасный».

Начнём с первого послания. Патриарх, обращаясь к «великому князю Михаилу всея Руси», сообщает, что он узнал из княжеских посланий и от княжеских послов, что митрополит (не названный по имени) «много сътворил без закона». Это «беззаконие» состояло в том, что митрополит вопреки церковным канонам венчает близких родственников. Помимо этого, он взимает плату за поставление в сан. Продажа «благодати» издавна считалась серьёзным грехом и получила в церковной традиции название *симонии* — от имени Симона-волхва, который просил апостола Петра за плату наделить его способностью творить чудеса.

Патриарх Нифонт повелевает митрополиту приехать в Константинополь и дать ответ на эти обвинения. Одновременно он предлагает явиться в патриархию и обвинителям и свидетелям по этому делу. Явно склоняясь на сторону обвинения, патриарх обещает тверскому князю поставить нового митрополита «кого всхочет боголюбство твоё» (111, 149). Такая позиция патриарха вполне понятна. Во-первых, Пётр был ставленником предшественника Нифонта патриарха Афанасия, которого Нифонт недолюбливал. Во-вторых, приезд русской делегации и судебный процесс в патриархии — как всякая судебная тяжба — сулили Нифонту немалые доходы.

Разумеется, тверской князь при тогдашних обстоятельствах — смена ханов в Орде, затяжной конфликт с Москвой, литовская угроза — не имел ни средств, ни желания отправлять в Константинополь большое посольство с солидной казной. Примечательно, что на роль тверского стряпчего по церковным делам в патриархии князь Михаил Ярославич и тверской владыка Андрей назначили не игумена или архимандрита, а простого монаха по имени Акиндин.

Митрополит Пётр также не поехал в патриархию. Зная тревожную и

переменчивую обстановку в столице Византии, святитель угадывал недолгий век Нифонта в качестве патриарха. Действительно, уже в 1315 году Нифонт был низложен с кафедры.

Итак, первое послание свидетельствует о двух вещах: Михаил Тверской жаловался в патриархию на Петра, обвиняя его в двух грехах — симонии и венчании близких родственников. Заметим, что оба эти греха находились на грани дозволенного и недозволенного. Теория сталкивалась здесь с практикой и часто ей уступала. Но при желании снисходительную практику всегда можно было осудить с позиции строгой теории.

Второе послание тематически связано с первым. Монах Акиндин (о котором нам из других источников ровно ничего не известно) пересказывает князю («честному самодержцью рускаго настования») всё то, что он узнал в патриархии относительно симонии. И сам патриарх Нифонт, и его синклит единодушно признали поставление в сан за мзду тяжким грехом. Акиндин убеждает князя покончить с этим грехом, который творит митрополит (чьё имя опять-таки не называется). Он перечисляет бедствия, которыми Бог наказал Русь за этот грех. Перечень этих бедствий сильно напоминает аналогичный перечень в третьем Слове Серапиона Владимирского: «Не падоша ли силнии наши и ерееви (иереи. — Н. Б.) наши остреем меча? Не преданы ли быша в полон чада наше въ скверней руце? Не осквернена ли быша святая наша в опустение? Быхом въ смех же и в поругание живущим окрест нас языком...» (111, 157). Впрочем, это сходство можно объяснить и общим источником этих сетований — Псалтирью, которая, как известно, была настольной книгой любого грамотного монаха.

Отвлекаясь от вязкой риторики второго послания, заметим, что Акиндин настойчиво убеждает князя принять меры против запятнанного симонией митрополита и в противном случае даже грозит ему Страшным судом: «Царь еси, господине княже, в своей земли; ты истязан имаши быти на страшнем и нелицемернем судищи Христове, аже смолчиши митрополиту». Предполагая услышать со стороны князя возражение — «время не то, что стати за се», — Акиндин заранее парирует: «Всегда бо время доброму делу и Бог помощник» (111, 158).

Из текста послания явствует, что Акиндин отправился в патриархию с жалобой на митрополита Петра, «послан своим епископом». Имя епископа не названо. Однако немного выше по тексту Акиндин объясняет, почему именно ему поручена роль жалобщика: «Занеже самовидец есмь» (111, 153). Иначе говоря, монах Акиндин был среди тех, у кого митрополит требовал мзду за продвижение по службе. Но какого продвижения мог

ожидать простой монах? Только поставления во игумены...

Такую деликатную миссию, как принесение жалобы на митрополита самому патриарху Константинопольскому, епископ (а это скорее всего — тверской епископ Андрей) мог доверить только человеку, которого хорошо знал и на преданность которого мог положиться. Из заглавия послания Акиндина явствует, что он был монахом «лавры Святыя Богородица», то есть Богородичного монастыря на реке Шоше. Но именно в этом монастыре игуменствовал тверской епископ Андрей до своего поставления на кафедру в 1289 году. Очевидно, владыка Андрей желал видеть Акиндина игуменом своей любимой обители, а затем и своим преемником на тверской кафедре. Но митрополит Пётр отверг эти замыслы — то ли оттого, что имел собственную кандидатуру на эти посты, то ли оттого, что обнищавшие от бесконечных разборок в Орде тверичи не смогли подкрепить свои пожелания достаточно весомым подношением.

Таким образом, монах Акиндин имел личные причины питать неприязнь к митрополиту Петру. Это чувство отчётливо заметно в его послании тверскому князю. Что же касается Михаила Тверского, то он явно не желал раздувать вражду с митрополитом, справедливо ссылаясь на то, что «времена не подходящие» для таких сомнительных начинаний. Уклоняясь от участия в церковных делах, князь Михаил Ярославич проявил житейскую мудрость, которой полвека спустя не хватит Дмитрию Донскому, попытавшемуся руководить полным зависти и вражды церковным синклитом.

Берег митрополита Петра

Известно, что в политической (церковно-политической) борьбе нет одной приемлемой для всех «правды». У каждой стороны эта правда — своя. А потому, взглянув на события «с тверского берега», попробуем взглянуть на ситуацию, так сказать, «с берега митрополита Петра»...

Как уже говорилось выше, игумен монастыря на реке Рате близ Львова, Пётр был ставленником галицкого князя Юрия Львовича. Стремясь сохранить единство Русской митрополии, он отправился из Киева в Северо-Восточную Русь, где оказался в крайне сложном положении. Прибыв во Владимир, он прежде всего столкнулся с необходимостью налаживать отношения с могущественной владимирской духовной корпорацией, куда входили и митрополичье окружение, и великокняжеские клирики, и духовенство многочисленных храмов и монастырей Владимира (122, 130). После кончины митрополита Максима (декабрь 1305 года) во Владимире на митрополичьем дворе распорядился игумен Геронтий, которого Михаил Тверской вскоре отправил в Константинополь для поставления в митрополиты всея Руси. Он «взять ризницу и рипидию, и сановники, якоже подобает святителю» (116, 24). Потерпев неудачу с избранием в митрополиты, Геронтий, разумеется, не вернул и без того растраченное на поездку в патриархию имущество кафедры.

В период «сиротства» митрополии великий князь Владимирский Михаил Ярославич был занят сведением счетов с Москвой и хлопотами в Новгороде. И ему было недосуг следить за имуществом митрополии. Как это бывает в таких случаях (например, после кончины митрополита Киприана в сентябре 1406 года), митрополичья казна подверглась разграблению. Возможно, в разделе имущества митрополии принял участие и сильно нуждавшийся в деньгах Михаил Тверской.

Летом 1309 года на это печальное пепелище пришёл, наконец, новый хозяин — митрополит Пётр. Гость из другого мира, он был чужим для всей местной знати. Деятельно принявшись за возрождение «митрополичьего дома», он вскоре вступил в конфликт не только с владимирской духовной корпорацией, но и с её покровителем — Михаилом Тверским. Суть дела была в деньгах. Святитель искал средства, чтобы пополнить опустошённую митрополичью казну. Вероятно, он усердно собирал накопившиеся за годы безвластия недоимки по чисто церковным податям — соборное,

петровское, рождественское, — а также проверял поступления по доходным статьям собственно митрополичьего хозяйства(132, 207).

Одним из важных источников пополнения митрополичьей казны могли стать «уроки» новопоставленных клириков. За время отсутствия первоиерарха в его собственной, митрополичьей епархии, куда входил и стольный Владимир, накопилось много «кадровых дел» — назначений монастырской номенклатуры, посвящений в сан епископов, священников и диаконов. Это сулило митрополиту значительный «прибыток». Однако, потянувшись за «прибытком», следовало остерегаться, «как бы вместе с водой не зачерпнуть и жабу» (Василий Великий). Духовным содержанием таинства священства была передача благодати. В этом сакральном акте всякая мзда становилась святотатством...

Церковные умы не сумели радикально разрешить этот вопрос и ограничились лукавым компромиссом. Согласно постановлению Владимирского поместного собора 1274 года, изложенному в грамоте митрополита Кирилла II (1246— 1280), «да възмутъ клирошане 7 гривен от поповьства и от дьяконьства от обоего» (111, 92).

Плата за поставление рассматривалась не как мзда, а как добровольный дар новопоставленного. Во избежание вымогательства размеры этого дара были официально регламентированы.

Аналогичная практика была узаконена и в Византии. «Сверх тех доходов, которые получала церковь от использования земельных владений... епископы собирали некоторое число пошлин во время посвящений в сан; запрещённые в раннее Средневековье, эти пошлины были тарифицированы в XI в. Это каноникон, сумма которого была определена в размере одной номисмы с чтеца, трёх — с диакона, четырёх — со священника. Он распространялся и на мирян под видом как денежной, так и натуральной повинности и возлагался на группу семей... Верующие были весьма сдержанны, и повинности, которые были на них возложены, кажется, приносили мало доходов епископам начиная с конца XII в. Однако каноникон, который платило духовенство, регулярно взимался и даже увеличивался» (55, 192).

Впрочем, правители Византии порой ополчались против этих сомнительных доходов иерархов (121, 205).

Митрополит Пётр, разумеется, знал как византийские, так и русские «нормативные акты» по этому вопросу. Знали их и его обвинители. В том случае, если Пётр не выходил здесь за рамки традиции, его трудно было упрекнуть в симонии. Но, видимо, Пётр пытался провести какие-то новшества. Скорее всего, он решил изменить ставки в сторону их

увеличения, ссылаясь на византийскую практику. Это и стало поводом (а может быть — причиной) для упреков в симонии и жалоб в патриархию.

Здесь также необходим небольшой комментарий. Пётр собирал эти деньги с подчинённых ему людей. Но это не был грех сребролюбия. Деньги нужны были митрополиту для благих целей — и прежде всего для выкупа пленных русских из ордынского рабства. Посетив Орду, митрополит был потрясён зрелищем переполненных русскими рабами и рабынями сарайских базаров...

Другое обвинение, выдвинутое против митрополита Петра (которое воспроизводит патриарх Нифонт в послании к тверскому князю), состояло в том, что он даёт разрешение на запрещённый канонами брак в шестой степени родства, то есть троюродного брата и сестры. Заметим, что в этом вопросе — как и в вопросе о симонии — теория часто отступала перед практикой. Уже в древнейших русских кормчих и в списках Мерила Праведного имелись статьи на эту тему (111, 143). Однако тесный семейный круг потомков Всеволода Большое Гнездо постоянно испытывал соблазн желанного по политическим соображениям, но запрещённого канонами брака. В таких ситуациях благословение митрополита стоило дорого и могло — не без доли лицемерия — рассматриваться как уступка *высшим интересам* Церкви и государства.

Михаил Тверской был достаточно умён и благороден, чтобы не мстить Петру за отклонение патриархом Афанасием кандидатуры тверского игумена Геронтия. Большая политика не терпит ребячества. И если личная неприязнь двух великих людей, вероятно, всё же имела место, то в остальном князь шёл в этом вопросе за настроениями владимирской духовной корпорации, чьи эгоистические интересы Пётр затронул решительно и бесцеремонно. Так что считать Михаила Тверского фатальным врагом святителя Петра оснований нет.

Рождение мифа

Как нет прямых доказательств вражды Петра с Михаилом Тверским, так нет их и для тезиса о том, что Иван Калита пользовался особым расположением митрополита. Это утверждение — в чисто религиозной трактовке — находим уже в Первоначальной редакции Жития митрополита Петра, которую исследователи датируют началом 1327 года (116, 21). Но судя по всему, это уже не реальность, а рождение исторического мифа. Отблеск славы чудотворца падал на московских Даниловичей. Таково было требование заказчика Жития — московского князя Ивана Даниловича.

Дальновидный Калита решил воспользоваться удачной случайностью — кончиной митрополита Петра в Москве — для того, чтобы обзавестись собственным святым. Ко времени кончины Петра (1326) во всех значительных городах Руси уже имелись свои местночтимые святые. Владимир чтит Андрея Боголюбского, Тверь — героя нашей книги князя Михаила Ярославича, Переяславль — Никиту Столпника, Рязань — князя Романа Олеговича, Смоленск — преподобного Авраамия. В Новгороде почитали Антония Римлянина и Варлаама Хутынского. В древнем Ростове чтители целый сонм местных святителей и преподобных. И только Москва, быстро набиравшая политический вес, не имела собственного небесного покровителя. Этот недочёт следовало исправить, причислив Петра к лику святых (причём не только местночтимых, но и общерусских) и создав его Житие, где прямо указывалось бы на его особую связь с Москвой. При таком подходе враждебная Москве Тверь неизбежно должна была предстать в роли недруга святителя.

В одном позднем источнике (Прологе XVII века) сообщается о том, что все князья Северо-Восточной Руси за исключением Михаила Тверского просили патриарха возвести на русскую митрополию именно Петра (116, 13). Но это уже плоды развития мифа.

Дорожный посох

Для правильного понимания характера отношений и природы конфликта между двумя святыми следует внимательно проследить жизненный путь святителя Петра, обращая особое внимание на то, как относились к нему люди, нравственный облик которых достаточно известен...

Будущий митрополит Пётр родился где-то в середине XIII века на Волыни. Согласно Житию, он с детства имел склонность к затворничеству и уже в 12 лет поселился в монастыре. Со временем он сам стал известным подвижником, основателем и игуменом Спасского монастыря на реке Рате близ Львова. Прослышав о «высоком житии» Петра и его иноков, митрополит Максим посетил их обитель. Это произошло в 1301 году, когда Максим объезжал ЮгоЗападную Русь перед своим визитом в Константинополь. Игумен Пётр поклонился иерарху и преподнёс ему икону Божией Матери собственного письма. Эта икона под именем «Богоматери Петровской» со временем стала одной из главных святынь московского Успенского собора. Способность писать иконы — а тем более иконы такого художественного уровня, как Петровская Богоматерь, — свидетельство огромного духовного потенциала святителя Петра.

После кончины митрополита Максима 6 декабря 1305 года великий князь Михаил Ярославич Тверской направил в Константинополь своего кандидата на митрополию — игумена Геронтия. Галицкий князь Юрий Львович, в свою очередь, послал к патриарху другого соискателя — игумена Петра Ратского.

В Константинополе оба кандидата предстали перед патриархом Афанасием I. Присмотримся поближе к этому человеку: ему предстояло сделать выбор, который — глядя из будущего — мы можем назвать историческим.

Историки Византии дают Афанасию исключительно высокую оценку. «Патриарх Афанасий (1289—1293 и 1304—1310) был самоотверженным печальником перед царём за бедных и обездоленных. Это был один из наиболее выдающихся первоиерархов Византийской церкви, строгий аскет и постник, систематический последователь акривии (точного соблюдения канонов. — Н. Б.) в области церковных отношений. Он неоднократно обличал императора Андроника Палеолога за недостаток милости и правды

в управлении и суде, побуждал его с любовью относиться к народу и оказывать своё высокое покровительство и защиту несправедливо гонимым и наказанным» (120, 58). Афанасий — «строгий подвижник Афона и Гана, ревностный блюститель церковной правды, безбоязненный обличитель современных пороков и заблуждений» (120, 209).

Требования строгого соблюдения законов Афанасий применял и к бытовым вопросам. «В новелле патриарха Афанасия, утверждённой императором Андроником II Палеологом в 1306 г., содержатся определения, имеющие отношение к расторжению браков. Всем городам, сказано здесь, должно быть объявлено, чтобы никто бесстыдно не осмеливался совершать то, что вызывает гнев Божий и приносит вред душе, а именно — блуд, прелюбодеяние, мужеложество, кровосмешение, неправду или волшебство, но всякий виновный должен наказываться по закону, причём судьи обязаны производить суд без всякого пристрастия, подкупа и лицепрития, дабы снисхождение не навлекло больший гнев Божий, не могло содействовать усилению зла и не унизило значение власти. Равным образом, повсюду должно быть возвещено, чтобы женщина не теряла своей чести и особенно девства с кем угодно, но если кто-либо обесчестил её тайно, то он должен подлежать суду по законам, а если она отдаст себя без насилия, то должна быть подвергнута острижению волос и ссылке; тем большему наказанию должен подлежать виновный в растлении» (120, 295).

Дав согласие на открытие самостоятельной Галицкой митрополии в 1303 году, Афанасий пытался компенсировать тот недостаток пастырского надзора за Юго-Западной Русью, который образовался после самовольного переезда митрополита Максима из Киева во Владимир. Однако в 1306 году, после смерти Максима, вопрос о Галицкой митрополии привлёк внимание местного князя Юрия Львовича, который и отправил в Константинополь своего кандидата на эту кафедру, а может быть, и на митрополию «всёя Руси» — игумена Петра. В итоге патриарх решил передать под управление Петра все русские епархии, упразднив самостоятельную Галицкую митрополию. Такое решение требовало от Афанасия очень серьёзной мотивации. Разумеется, патриарх по своим каналам узнал о Петре много такого, чего не знаем мы. И всё же попытаемся ответить на коренной вопрос: чем мог пленить игумен Пётр сурового аскета патриарха Афанасия? Кажется, только одним: своим подвижническим жаром и преданностью делу православия. Но Пётр не был узколобым фанатиком. Харизму пассионария он удивительным образом сочетал с прагматизмом реального политика. Именно такие люди творили историю народов во все времена.

Точная дата поставления Петра в Константинополе неизвестна. По мнению А. Е. Преснякова, это произошло в июне 1307 года (102, 122). В пользу этой даты свидетельствует здравый смысл: трудно представить, чтобы патриарх Афанасий на два с половиной года оставил без архипастыря огромную и многомятежную русскую митрополию. Кроме того, в 1305—1307 годах в Константинополе свирепствовал голод. Понятно, что в такой обстановке и патриарх, и его русские гости не склонны были слишком затягивать решение вопроса о митрополии.

Как и Афанасий, Пётр не одобрял переезд Максима во Владимир. Поначалу он решил вернуть Киеву его значение церковной столицы «всея Руси». Однако для успешного осуществления этих замыслов Петру нужно было заручиться поддержкой Орды. Понимая это, новый митрополит вскоре отправился в степь. Там ему был выдан ярлык ханом Тохтой. В ярлыке, в частности, говорилось: «А как ты во Владимире сядешь, то будешь Богу молиться за нас и за потомков наших» (105, 68).

5 июня 1309 года митрополит Пётр во Владимире на Клязьме рукоположил новгородского владыку Давида (5, 92, 333). Эту дату следует принять, если взять за основу убедительные наблюдения Н. Г. Бережкова над хронологией летописей за эти годы (44, 277; 46, 121). Признание митрополита Петра новгородцами было несомненным успехом. Однако главная борьба была ещё впереди.

Переяславский собор

Источники не сообщают о каких-либо политических акциях Михаила Тверского в 1309—1310 годах. Внимание летописцев в эти годы привлекает жестокая усобица брянских князей, в разгар которой в городе оказался и едва не погиб митрополит Пётр. Есть мнение, что Пётр явился в Брянск не только как иерарх, объезжавший свои епархии, но и как представитель московских политических интересов в этом регионе (58, 85). Однако это не более чем предположение. Равно как и то, что Пётр якобы вёл летопись, в которой отражал свои переезды и приключения (94, 142).

Вскоре Пётр вновь появляется в драматической ситуации, но уже на новой исторической сцене — на берегах Плещеева озера, в многострадальном Переяславле Залесском...

...Любителю русской истории прогулка по нынешнему Переславлю-Залесскому доставляет истинное удовольствие. Здесь всё — живая старина. Подобно многим провинциальным русским городам, Переславль-Залесский выстроил свои трёхконные домики вдоль большой проезжей дороги, которая одновременно служит и главной улицей города. Слева от дороги — если ехать в сторону Ростова — за кустами бузины и тёмными липами, за красными церквами времён Екатерины и какими-то кирпичными сараями вдруг открывается и тотчас исчезает в мелькании дороги необычный силуэт. На краю широкой площади, где когда-то шумела местная ярмарка, а ныне мирно зеленеет усаженный бархатцами и примулой газон, вырастает из земли небольшой, но словно налитый какой-то тяжёлой внутренней силой древний храм. Это и есть построенный Юрием Долгоруким Спасо-Преображенский собор.

Даже в июльскую жару в соборе холодно и сыро. Древние стены, утратившие не только росписи, но и самую штукатурку, устало несут тяжёлые камни сводов. Прорывом к небесам открывается широкий барабан купола. А внизу, под плитами пола, — саркофаги древних князей и ждущие археологов осколки минувшей жизни...

Из Жития митрополита Петра известно, что около 1310 года в Переяславле — а стало быть, в главном храме города — состоялся церковный собор, созванный для рассмотрения жалоб на святителя,

посланных тверским епископом Андреем константинопольскому патриарху.

Рассуждая об этом деле, исследователи упускают из виду простую истину: в эпоху, когда политика и религия тесно переплетались, темой раздоров князей и епископов могли быть не только политические, но и собственно внутрицерковные вопросы. История христианской церкви содержит немало примеров такого рода конфликтов. Мелкие различия в обрядности — или, пользуясь современным языком, в «процедурных вопросах» — перерастали в ожесточённые споры. Это не было обычное пустословие. Ошибка в «точке единой» в священных текстах угрожала спасению души. Другим полем для нескончаемых споров были пищевые ограничения и запреты. Так, во времена Юрия Долгорукого ожесточённо спорили о возможности смягчения поста в праздничные дни, а при Иване III — о направлении, по которому должен ходить крестный ход при освящении храма.

Переяславский собор оправдал митрополита. За этим единственным достоверным фактом начинается пространство гипотез и предположений.

Полагают, что главную роль в таком исходе дела сыграла поддержка, оказанная святителю московскими князьями. За отсутствием Юрия Даниловича, отправившегося вслед за Михаилом Тверским в Орду, представителем московского семейства на соборе, по-видимому, выступал самый смышлёный из братьев — Иван Калита. Возможно, там присутствовали его братья Борис и Афанасий. (Александр Данилович умер осенью 1307 года (22, 87)). Тверская делегация на соборе, вероятно, состояла из юных братьев Дмитрия и Александра Михайловичей и сопровождавших их тверских бояр.

Со времени переяславского собора началось сближение московских Даниловичей с митрополичьей кафедрой, что со временем принесло им обильные политические плоды. И дело было не только в разного рода услугах, оказанных митрополитами Московскому княжескому дому. Прозорливый Иван Калита совершил «оцерковление» московской политики, освятил её авторитетом главы Русской церкви. Такова общая схема деятельности московских Даниловичей «на церковном направлении», принятая практически всеми исследователями.

Альтернативы

Но, строго говоря, всё это не более чем умозрительные построения и логические конструкции. Жалобы на Петра могли писать не только в Твери. Имели основания для недовольства и юго-западные князья, потомки Даниила Галицкого, обманутые в своих ожиданиях получить собственного и «управляемого» митрополита.

Местом церковного суда над Петром был избран Переяславль как вторая столица великого княжения Владимирского. Статус Переяславля в этот период вызывает споры историков. Однако весьма убедительна точка зрения, согласно которой хозяином Переяславля после московско-тверской войны 1305 года стал великий князь Владимирский Михаил Тверской (85, 138). В его отсутствие Переяславлем правили тверские бояре. Будучи явным недругом Михаила Тверского, митрополит едва ли согласился бы ехать на суд в его владения.

Но отложим в сторону вездесущую политику. Деятельность Петра как главы Русской церкви при строго ортодоксальном взгляде действительно давала основания для апелляций в высшую православную инстанцию — константинопольский патриархат. Вопрос о симонии или кровосмешении для них был прежде всего вопросом догматическим. Он напоминал ожесточённые «споры о вере» в эпоху раннего христианства. Мелочные на первый взгляд разногласия при определённом подходе вырастали в угрозу для спасения души.

Вопреки обывательскому взгляду на историю как сцену для честолюбцев, в спорах на переяславском соборе религии было ничуть не меньше, чем политики. Напомним, что не только Михаил Тверской, но и московский князь Иван Данилович были людьми горячей религиозности и строгого обряда.

Переяславский собор 1310 года упоминается во всех трудах по истории Руси XIV столетия. Дискуссии о нём сводятся к обсуждению даты события, а также состава участников. Однако при этом обычно не рассматривается общая ситуация в Северо-Восточной Руси в 1310 году. А между тем только на этом фоне можно понять подлинное значение переяславского собора.

Князь Михаил Ярославич Тверской к 1308 году стал хозяином положения в Северо-Восточной Руси и занял новгородский стол. Однако

уже 1309 год потребовал от него решительных действий во имя сохранения и укрепления своей власти. Во-первых, страну постигла беда: «В лето 6817 (1309) бысть казнь от Бога на человеки, мор на люди, и на кони, и на всякы скот, а другая бысть казнь от Бога, по грехом нашим, мышь поела рожь и овёс и пшеницу и всякое жито, и того дея бысть дороговь велика и меженина зла, и глад крепок в земли Русской» (22, 87).

Симеоновская летопись даёт наиболее полную картину небывалого бедствия: эпидемия, соединившись с эпизоотией, вызвала невероятное размножение грызунов, которые опустошили хлебные запасы в амбарах. Нехватка хлеба привела к его резкому подорожанию. Те, кто смог спастись от эпидемии, умирали от голода.

Цены на хлеб взлетели. Москва получила возможность воздействовать на Тверь путём «хлебной блокады». Кроме того, в этих условиях невозможно было собрать обычные дани и оброки с населения, а стало быть, и выплатить положенный ордынский «выход». Было истреблено и зерно, приготовленное для посева будущего года. Стало быть, голод переходил и на следующий, 1310 год. В этих условиях князь Михаил Тверской должен был лично явиться в Орду, чтобы объяснить перед ханом и выпросить отсрочку платежей. Поездка великого князя в Орду в 1309—1311 годах не отмечена летописями. Однако уже ранняя редакция Жития митрополита Петра (1327 год) сообщает о том, что во время собора в Переяславле Михаил находился в Орде (116, 25). Сомневаться в этом нет никаких оснований.

Трудно поверить, что в этой шаткой ситуации Михаил Тверской взялся бы за такое хлопотное и дорогостоящее дело, как низложение митрополита и проведение на кафедру своего кандидата. Его вполне устраивала и обычная норма отношений великого князя с главой церкви. Что касается драматизма обстановки на соборе — «толико бо молва бысть, яко вьмале не безместно что бысть» (116, 82), — то она могла возникнуть не из политических, а из религиозных страстей. Образцом поведения для каждого «ревнителя благочестия» была пощёчина, которую, согласно легенде, святой Николай Мирликийский отвесил еретику Арию на Первом вселенском соборе...

Картина вражды между Петром и Михаилом Тверским возникла не ранее чем лет через десять после мученической кончины князя. Московские книжники (или их единомышленник ростовский епископ Прохор) были тогда заняты составлением Жития митрополита Петра, без которого нельзя было осуществить его канонизацию как московского святого. Уже в 1327 году Первоначальная редакция Жития митрополита

Петра (или её краткая основа) была готова (116, 31). В этом году во Владимире состоялся церковный собор, на котором была утверждена местная канонизация Петра. Примечательно, что на соборе присутствовал старший сын Михаила Тверского Александр, занимавший в 1325—1327 годах стол великого княжения Владимирского. Очевидно, он с должным почтением относился к памяти святителя Петра и не возражал против его причисления к лику святых.

И всё же главным энтузиастом прославления Петра был Иван Калита. В 1339 году благодаря поддержанным митрополитом Феогностом хлопотам москвичей Петра признали святым и в Константинополе.

При составлении Жития Петра следовало учесть целый ряд вопросов, имевших в ту пору политическое звучание. Главный среди них — вопрос об отношении между святым митрополитом Петром и святым Михаилом Тверским. Местное почитание Михаила Тверского началось сразу после его кончины. Мученический характер его гибели был очевиден. Обстоятельства его кончины обеспечивали ему достойное место среди погибших от рук татар русских князей. Молва представляла их как страстотерпцев, мучеников за христианские идеалы. Сподвижниками Михаила в этом пантеоне были Юрий Владимирский и Василько Ростовский, Михаил Черниговский и Роман Рязанский. Тверскими книжниками была составлена Повесть о Михаиле Тверском, которая со временем стала весьма популярной и в полутора десятках редакций разошлась по летописям и рукописным сборникам (83, 7).

Московские книжники должны были создать новый исторический миф. Избегая при разработке тверской темы прямого упоминания князя-мученика Михаила Тверского, создатели Жития Петра отводят роль главного клеветника тверскому епископу Андрею. Но и он не выглядит законченным злодеем. Согласно Житию, Андрей вскоре раскаялся, просил прощения у святителя и был прощён.

Заметим, что создатели Краткой редакции Жития Петра помимо «политической корректности» должны были решать и чисто литературную задачу. Главный герой Жития — святитель Пётр — должен был иметь врагов хотя бы для того, чтобы их сначала посрамить, а затем, раскаявшихся, простить. Согласно агиографическому канону, для прославления положительного героя требовался и отрицательный персонаж. Политические обстоятельства подсказывали имя этого героя — тверской епископ Андрей. Но осведомлённый читатель понимал, что за спиной Андрея стоял его покровитель князь Михаил Тверской.

Мнимая или подлинная симония Петра расколола русский

православный мир на два лагеря. Подобно древним византийским императорам, великий князь Владимирский должен был выступить судьёй во внутрицерковных спорах. Тверское духовенство, по-видимому, было настроено не в пользу митрополита и пыталось перетянуть Михаила на свою сторону. Однако великий князь, судя по всему, почёл за лучшее «встать над схваткой»...

После переяславского собора Пётр остался во главе Русской церкви и продолжал руководить ею в свойственной ему решительной и твёрдой манере.

Герои последних времён

Среди бесконечных забот и тревог архипастырского служения святитель Пётр искал тихого часа, чтобы разогнуть истёртый кожаный переплёт своей любимой «Лествицы». Великое творение Иоанна Синайского давало святителю душевное отдохновение и вселяло бодрость духа. Поднимаясь по ступеням духовной *лестницы* — так звучит название этой книги для современного читателя, — Пётр оглядывал свою жизнь от начала и до текущего дня. И, безмолвно шевеля губами, повторял речения мудрого старца:

«Поистине велик подвиг благодушно и мужественно терпеть зной и тишину и томление безмолвия, и не искать вне корабля своей келлии развлечения и утешения, по примеру малодушных служителей корабельных, которые во время зноя повергаются в воду. Несравненно же большее дело — не бояться молв, но среди шума их сохранять небоязненное и неподвижное сердце, пребывая внешне с людьми, внутренне же с Богом» (67, 297)...

В ожидании *последних времён* и скорого *Страшного суда* — начальной вехой которого могло стать тысячелетие Константинополя в 1330 году, а завершением — семитысячный год от Сотворения мира, — люди словно встрепенулись и стали смотреть на мир по-иному, более широко и ответственно. Вечное зло бросило людям свой вызов, воплотившись в страшный и таинственный образ Антихриста, грядущего в мир перед *концом света*. И люди приняли этот вызов. На смену однообразным в своей неопределённости деятелям конца XIII века в первой половине XIV столетия приходят люди крупного помола, отцы-основатели будущей России. Иван Калита и митрополит Пётр, Михаил Ярославич и его сын Дмитрий Грозные Очи, владыки Андрей Тверской и Прохор Ростовский... Они смотрели в разные стороны, но каждый из них в своей области был человеком действия. И о каждом из них можно сказать словами Карлейля: «Мужество, геройство — это, прежде всего, доблесть, отвага и способность *делать*» (71, 177).

Герои последних времён знали и почитали друг друга. Не было и дня, когда бы Михаил Тверской не вспоминал — с благодарностью или с досадой — о своём великом современнике святителе Петре. Составляя жизнеописание Михаила Тверского, необходимо и нам постоянно

«оглядываться» на митрополита Петра. Их пути вновь пересеклись в 1311 году в ходе церковно-политического конфликта, суть которого можно понимать по-разному:

«В лето 6819 (1311) князь Дмитрией Михайловичъ Тферьскыи, събрав воя многи, и хоте ити ратью к Новугороду на князя на Юрья, и не благослови его Пётр митрополит. Князь же стоявь Володимери 3 недели и рать распусти, и възвратишася кождо въ свояси» (22, 87). К этому известию Симеоновской летописи Троицкая летопись добавляет существенную деталь: Пётр не благословил Дмитрия Тверского «столом въ Володимери» (35, 354).

Исследователи расходятся во мнениях относительно цели похода Дмитрия Тверского. Одни полагают, что он шёл на Великий Новгород, другие указывают на близость Владимира к Нижнему Новгороду. Первое мнение выглядит более основательным (46, 134). Однако нас в данном случае интересует природа решительного выступления митрополита Петра против каких-то неведомых нам замыслов тверского дома.

Приняв на веру миф о вражде митрополита Петра с Михаилом Тверским, можно и вмешательство митрополита Петра в 1311 году в спор между Юрием Московским и Михаилом Тверским о Новгороде объяснить желанием иерарха отомстить тверичам за их вражду к нему. Однако это объяснение «от худшего». Ничуть не менее убедительно и объяснение «от лучшего». Святитель действовал как миротворец, ибо считал это своим пастырским долгом. «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф. 5:9). Он ощущал личную ответственность перед Всевышним за всё, что происходило вокруг. Уже в брянской междоусобице 1310 года Пётр смело встал между воюющими сторонами и едва не погиб, но не сумел смирить обезумевших властолюбцев. Во владимирском споре 1311 года можно узнать тот же поведенческий почерк Петра: смелость, твёрдость, вера. На сей раз победа не заставила себя долго ждать.

Решительным действиям митрополита способствовали и перемены политической погоды. Обстоятельства изменились в пользу Петра. После переяславского собора он имел уже больше опыта и авторитета, больше уверенности в своих силах. Во владимирском споре митрополит победил как миротворец, ибо предотвратил очередную войну между Тверью и Москвой.

Летопись не указывает точной даты владимирского конфликта. Вероятно, он произошёл зимой 1310/11 года. События развивались быстро, и к весне всё уже было улажено.

Наказание или покаяние?

Из Владимира митрополит Пётр отправился в Тверь. Рогожский летописец датирует события этих лет с ошибкой на один-два года. Сообщение о приезде Петра в Тверь он помещает под 6820/1312 годом. Однако сочетание числа и дня недели указывает на 1311 год. В субботу 20 марта 1311 года Пётр вместе с тверским епископом Андреем рукоположил во епископа Харлампия (на какую кафедру — неизвестно) (20, 36). А на следующий день, в воскресенье, был возведён в сан новый ростовский епископ Прохор.

Вызывает недоумение поездка Петра в Тверь, в гнездо своих обличителей. Это был явный риск. Но Пётр был из тех, кто привык идти прямо, навстречу опасности. Кроме того, совершив хиротонию двух владык в Твери, вместе со своим главным обличителем епископом Андреем, он пресекал все возможные обвинения в симонии. Что касается его тверских обличителей, то они оказались достаточно благородны (или благоразумны), чтобы не следовать совету патриарха Нифонта — схватить Петра и силой доставить его в Константинополь. Или же применить какие-либо тёмные средства для расправы со святителем.

В хронологии этой поездки Петра вновь всплывает образ преподобного Иоанна Лествичника как любимого святого митрополита. 21 марта 1311 года — четвёртое воскресенье Великого поста, переходящее празднование автора «Лествицы». Служба ему начиналась вечером накануне, то есть 20 марта. Таким образом, хиротония была приурочена ко дню памяти Иоанна Лествичника. Это давало митрополиту прекрасную тему для праздничной проповеди.

Съезд владык в Твери был «съездом примирения». Следуя евангельским заповедям, митрополит Пётр после собора в Переяславле не стал преследовать своего главного обличителя епископа Андрея Тверского и отпустил его со словами: «Мир ти, чадо. Не ты бо сие сотвори, но диавол» (116, 25).

Примирившись с митрополитом, епископ Андрей управлял своей епархией ещё около пяти лет. Но всё на свете имеет свой конец. Закончилось и его правление. В воскресенье 28 марта 1316 года — в пятую неделю Великого поста — Андрей объявил собравшемуся в собор народу о своём решении покинуть кафедру и уйти в монастырь (19, 408). Историки

обычно объясняют это решение конфликтом Андрея с митрополитом и представляют дело так, будто именно Пётр заставил Андрея сложить епископский сан (102, 124). Однако при этом упускают из виду, что Петра в момент отречения Андрея попросту не было в Северо-Восточной Руси.

Цепь событий, предшествовавших отставке тверского епископа, позволяет рассматривать его решение прежде всего в моральной плоскости. Эта цепь выстраивается следующим образом. В феврале 1316 года князь Михаил Тверской разгромил новгородское войско под Торжком. Но радость победы была омрачена злодеянием. Вероломно захватив в плен своих недругов — новгородских бояр и их военного вождя князя Афанасия Даниловича Московского, Михаил Тверской совершил клятвопреступление. Этим он навлек на себя и на свой город гнев Божий. Возмездие не заставило себя ждать. В пятницу 19 марта 1316 года в Твери вспыхнул сильный пожар. Горела сама деревянная крепость — кремль (19, 408). Огонь удалось сбить общими усилиями сбежавшихся горожан. Но все эти события произвели очень сильное впечатление на епископа Андрея. Впереди он увидел новые бедствия для Твери. Несомненно, Андрей был человеком глубоко верующим. Летопись не случайно называет его «преподобным» (19, 408). Владыка остро почувствовал свою вину перед Богом за грехи князя и вызванную ими небесную кару.

Уход в монастырь не был наказанием строптивому тверскому епископу или затаённой мстью митрополита Петра. Этот мужественный шаг стал личным покаянием владыки Андрея. В обители он прожил на покое до 1323 года, когда и закончил свой жизненный путь.

Найти достойного кандидата на опустевшую тверскую кафедру было нелегко. Да и сама процедура поставления нового владыки долго откладывалась из-за отсутствия митрополита. Он был тогда на Волыни и вернулся в Северо-Восточную Русь только в начале зимы 1316/17 года. Такой вывод позволяют сделать наблюдения над летописными текстами. Среди статей, находящихся в рукописи Комиссионного списка Новгородской Первой летописи перед текстом самой летописи, есть и такая: «А митрополит был Пётр, иже бе пришёл из Волыня на Суждальскую землю, на Москву, в лето 6824 (1316), и приа его князь великий Иван Данилович с честью великою» (5, 469).

Это известие трудно заподозрить в недостоверности: во-первых, оно содержится в рукописи середины XV века; во-вторых, именно в 1316 году Иван Данилович действительно был правителем Москвы, в то время как его брат Юрий пребывал в Орде.

Другой летописец (автор Тверского сборника) сообщает, что

митрополит Пётр поставил тверского владыку Варсонофия в 1316 году «той же зимы» (19, 409). Значит, наиболее вероятный срок возвращения Петра из Южной Руси — осень 1316 года. На юге митрополит пробыл, конечно, не менее года: ему нужно было какое-то время пожить в Киеве, а также посетить епархии Галиции и Волыни. Если принять мнение о том, что в эти годы Пётр ездил и в Константинополь, — то его не было в Северо-Восточной Руси года два-три.

Вернувшись в Залесье, митрополит застал здесь Михаила Ярославича на вершине власти. Это было лучшее время для тверского князя, когда он чувствовал себя бесспорным победителем.

Примечательно, что митрополит, приехав на северо-восток, направился в Москву. В этом можно увидеть и политическое пристрастие святителя к московским Даниловичам, и просто географический факт: из Киева дорога во Владимир на Клязьме шла через Брянск на Москву. В Москве Петра с радостью принял его давний почитатель князь Иван Данилович.

Не засиживаясь в Москве, Пётр, судя по всему, поехал в Тверь, где и поставил владыку Варсонофия. Московские летописи по понятным причинам замалчивают тверскую составляющую деятельности Петра. Но было бы странно для митрополита, посетив второй по значению город всей области — Москву, не уделить внимания и удельной столице великого князя Владимирского — Твери. Расстояние от Москвы до Твери (около 170 километров) не составляло препятствия для такого неутомимого путника, каким был митрополит Пётр. Объезд всех областей огромной Русской митрополии был его пастырским долгом.

Картина деятельности митрополита Петра была бы неоконченной без воспоминания о каком-то загадочном диспуте с мусульманским проповедником (Сеитом), который успешно провёл святитель (122, 146). Ни времени, ни места этого спора источники не сообщают.

Но здесь мы должны на время оставить митрополита Петра на его пастырских перепутьях и вернуться к рассказу о военной и дипломатической борьбе между Тверью и Москвой в 1311—1318 годах.

Глава 15

СЕМЬ ОТРОКОВ ЭФЕССКИХ

История есть мораль, облечённая
в примеры и действия.

Фюретьер

Древняя христианская легенда рассказывает о «семи спящих отроках эфесских». Семь знатных юношей из города Эфес в Малой Азии, связанных дружбой и верой в Спасителя, в период гонений на христиан императора Декия укрылись в горной пещере. Император узнал о их местопребывании и приказал завалить вход в пещеру камнями. Спустя два века вход в пещеру случайно обнаружили местные жители. Отвалив камни, они вошли в пещеру и замерли от изумления и страха. Смерть превратилась в жизнь. Юноши чудесным образом пробудились ото сна и несколько дней находились среди живых. После этого они вновь почили, на сей раз — окончательно.

В круге христианских представлений эта легенда занимала почётное место как прообраз грядущего воскресения из мёртвых всех людей. Наряду с такими известными ветхозаветными сюжетами, как «Три отрока в печи огненной», «Даниил во рву львином» или «Сорок мучеников севастийских», композиция «Семь отроков эфесских» часто встречается в древнерусском искусстве. Её можно узнать уже в белокаменном резном декоре владимирских храмов...

Подобно своему знаменитому пращуру Владимиру Мономаху, Михаил Тверской с детства любил книги и был в душе философ. В круговороте дел и забот он умел остановиться, чтобы осознать происходящее. Окружавший его мир был жесток и несправедлив. Язычники и «бессермены» угнетали христиан. Христиане, забывая евангельские заповеди, ненавидели друг друга сильнее, чем своих угнетателей. Священники с амвона предупреждали о последних временах и скором Страшном суде. Но лишь немногие воспринимали их слова всерьёз.

Размышляя об этом, Михаил часто вспоминал историю семи эфесских отроков. Он думал о том, как хорошо было бы уснуть этим чудесным сном

на долгие годы и проснуться в мире, где законом жизни будут заветы Спасителя, где Русь будет сильной и свободной страной под властью мудрых правителей...

Но заботы мира сего прогоняли мечты. Князь Михаил вставал со скамьи, творил короткую «Иисусову молитву» — «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя грешного» — садился на коня и гнал его по пыльным дорогам своей судьбы...

Дороги судьбы

После владимирского спора 1311 года, успешно разрешённого митрополитом Петром, в соперничестве Москвы и Твери наступило временное затишье. Оно было прервано прилетевшей из Орды тревожной вестью: в августе 1312 года умер хан Тохта. В январе 1313 года на престол взошёл 32-летний племянник Тохты Узбек (1313—1342). Его приход к власти, как и все прочие династические перемены в Золотой Орде, сопровождался периодом внутренней нестабильности степной державы (101, 88). Любая власть как бы разлеталась по её продутым ветром просторам...

Весной и летом 1313 года все русские князья потянулись в Орду, чтобы получить у нового хозяина подтверждение своих владельческих прав. Туда же отправился и митрополит Пётр за новым ярлыком, в котором содержался перечень всех ранее установленных привилегий Русской церкви: освобождение церковных людей от уплаты дани в Орду, от содержания татарских послов на Руси и некоторых других повинностей. Летопись так рассказывает об этом событии:

«Умре царь Тахта татарский... Того же лета сяде царь Азбяк на царстве и обесерменился (то есть принял мусульманство. — Н. Б.). Того же лета князь велики Михайло Ярославич Тверский поиде в Орду, такоже и Пётр, митрополит Киевский и всеа Руси, вкупе с ним поиде во Орду того ради, понеже тогда во Орде Тахта царь умре, а новый царь Азбяк сел на царстве, и вся обновишася, и вси прихожаху во Орду и ярлыки имаху, койждо на своё имя, и князи и епископи; но милостию Божию Пётр митрополит во Орде у царя бысть в чести велице, и отпущен бысть от царя со мною честию вборзе, и прииде на Русь» (22, 178).

За кратким летописным известием угадывается новая вспышка страстей. Михаил Тверской пробыл в Орде более года (1313—1315). Его главной заботой — как и в первую поездку в Орду в 1305 году — было противодействие домогательствам Юрия Московского, претендовавшего на великое княжение Владимирское. Вновь Михаилу отчаянно нужны были деньги. Он вошёл в столь тяжкие долги у ордынских ростовщиков, что не мог выплатить их до самого конца своей жизни. Кроме того, тверской князь, по-видимому, взял на себя повышенные обязательства относительно русского «выхода» в ханскую казну. Едва ли не каждую неделю он слал

домой, в Тверь, скорых гонцов с одним-единственным требованием — денег, денег и ещё раз денег..

Краткое, но выразительное описание вымогательства ханского двора находим в Повести о Михаиле Тверском:

«И бывшу ему (Михаилу Тверскому. — *Н. Б.*) в Орде; не хотяще добра роду християньскому дьявол вложи въ сердце князем татарьским свадиша братию, рекоша князю Юрью: “Оже (если. — *Н. Б.*) ты даси выход болши князя Михаила, тебе дам княжение великое”. Тако превратиша сердце его, нача искати княжения великаго. Обычай бе поганых и до сего дни: вмещуци вражду между братиею князи русскими, себе множаишая дары възимают. И бывши пре (распре. — *Н. Б.*) велице между има, и бысть тягота велика на Руси за наша съгрешения» (84, 131).

Хлеб, мятеж и серебро...

Главным источником серебра для издержавшихся великих князей Владимирских всегда был Новгород. Михаил Тверской, следуя заветам своего отца, был крут в обращении с новгородскими «золотыми поясами». Он знал их слабые места и при случае бил без промаха. Где-то за год до поездки в Орду Михаил успешно разыграл «хлебную карту». Узнав о беспорядках в Новгороде (причины которых, как всегда, не вполне ясны), князь вывел оттуда своих наместников и захватил южные районы Новгородской земли — Торжок и Бежецкий Верх. Через эти города шло снабжение Новгорода хлебом из Северо-Восточной Руси. Перекрыв подвоз хлеба, тверской князь поставил Новгородскую землю под угрозу голода.

Между тем в самом Новгороде бушевала смута: горели дома богачей, был сожжён и разграблен торг, смещён глава городской администрации — посадник. Тлевшая под пеплом равнодушной покорности ненависть бедняков выплеснулась на улицы. Голод, которым грозила хлебная блокада, мог ещё больше раздуть пожар мятежа. В этих условиях городская верхушка, как и предвидел Михаил, пошла на уступки. Архиепископ Давыд весной 1313 года отправился на переговоры к князю (44, 275). Тот назначил цену мира в полторы тысячи гривен серебра (11, 255). Проклиная всё на свете, новгородские богачи собрали деньги. Получив выкуп, Михаил, по выражению летописи, «ворота отвори» (5, 94, 335). Грузенные хлебом ладьи двинулись по Тверце и Мете навстречу просторам Ильменя.

Находясь в Орде, Михаил вновь решил «потрясти» новгородцев. Его наместники стали всеми способами вымогать деньги у горожан. Однако те на сей раз не покорились. Они собрались на вече и постановили изгнать из города тверских вымогателей. Конечно, это была игра с огнём. Все понимали, что, если Михаил вернётся из Орды победителем, кое-кому в городе придётся заплатить кровью за такое самоуправство. Старики помнили, как отец Михаила князь Ярослав Ярославич наводил на перепуганный Новгород ордынскую рать. И потому никто не спешил братья за меч, предпочитая испробовать старый политический приём: остановить одного князя руками другого. Бояре послали гонцов в Москву, к Юрию, уже возвратившемуся из Орды, и пригласили его занять новгородское княжение.

Юрий не был вполне уверен в новгородцах и их решимости стоять за

Москву. Кроме того, он не знал, с какими полномочиями вернётся из Орды Михаил Тверской. И потому обычно более скорый на дела, чем на размышления, московский князь на сей раз не спешил. Он тайно связался с известным своей бесшабашностью князем Фёдором Ржевским и предложил тому отправиться в Новгород в качестве московского наместника. Фёдор изъявил полную готовность взять на себя эту рискованную миссию.

Выждав ещё некоторое время, Юрий велел Фёдору приступать к делу. Тот немедленно с отрядом своих витязей двинулся в Новгород. При поддержке новгородцев он захватил тверских наместников и посадил их под стражу. После этого Фёдор собрал новгородскую рать и вторгся с ней в тверские земли, предавая всё на своём пути огню и мечу...

В этой тревожной обстановке осени 1314 года Михаил Ярославич более всего хотел бы поскорее вернуться домой в Тверь. Но непреодолимые обстоятельства — долги, дворцовые интриги или ханская немилость — вынуждали его оставаться на берегах Ахтубы, ожидая решения своей судьбы...

В Твери в отсутствие Михаила княжил его сын, пятнадцатилетний Дмитрий. За свой тяжёлый взгляд он получил прозвище «Грозные Очи» и даже «Звериные Очи». Не устранившись незваного гостя, Дмитрий с тверским войском выступил навстречу отряду Фёдора Ржевского. Кровавое сражение казалось неизбежным. Однако удельные войны оканчивались так же неожиданно, как и начинались. Выйдя к противоположным берегам Волги близ Твери, два войска простояли полтора месяца в томительном ожидании (17, 179). Силы были примерно равны, и никто не хотел рисковать, переправляясь через холодную реку. Но дело было не только в географическом препятствии. Оба противника ждали каких-то указаний от своих патронов. Шесть недель — это как раз тот срок, за который скорый гонец из Твери, меняя лошадей на ямах, мог добраться до Сарая и вернуться обратно. Дмитрий Тверской получил какие-то указания от отца и, выполняя их, заключил мир «на всей воли новгородской» (14, 371). Очевидно, этот мир предусматривал освобождение арестованных в Новгороде тверских наместников и признание тверичами Юрия Московского князем в Новгороде.

Противники без боя разошлись восвояси. Завершение конфликта оказалось как нельзя более кстати. Начинались заморозки, и жить в полевых шатрах было уже невозможно.

Новгородцы, безнаказанно пограбившие тверские земли и подписавшие мир на своих условиях, ощущали себя победителями. Однако

они понимали, что основная борьба ещё впереди. Михаил Тверской, вернувшись из Орды с ярлыком на великое княжение Владимирское и татарской ратью, будет жестоко мстить Новгороду за содеянное. И потому они с удвоенной настойчивостью — и, вероятно, с новыми посулами — стали звать к себе Юрия Московского.

Зимой 1314/15 года Юрий прибыл в Новгород вместе с младшим братом Афанасием. Как и во время других своих кампаний, в Москве Юрий оставил брата Ивана. Он явно доверял ему больше, чем другим братьям. И на то были свои причины. Иван не предал его и не бежал к тверскому князю, как это сделали Александр и Борис в тяжёлом для московского семейства 1307 году. Вероятно, именно тогда Юрий решил, что в случае, если он умрёт, не оставив наследника, Иван должен будет занять московский престол.

Ростовский парадокс

Когда Михаил Тверской получил известие о водворении Юрия в Новгороде, он тотчас доложил об этом самоуправстве московского князя хану Узбеку. Тот велел срочно вызвать Юрия в Орду для объяснений. 15 марта 1315 года Юрий выехал из Новгорода, «позван в Орду от цесаря» (5, 94).

Светлый праздник Пасхи 23 марта 1315 года Юрий, надо полагать, встретил у себя дома, в Москве. Для этого ему пришлось за семь дней проскакать, меняя лошадей, около 600 вёрст. Вероятно, путь его лежал в объезд тверских земель, а значит, был ещё более длинным. Этот бешеный прогон был по плечу только очень крепкому всаднику. Но таким и был главный враг Михаила Тверского — князь Юрий Данилович Московский.

Выехавшие вслед за Юрием в Орду новгородские послы оказались не столь расторопными и осмотрительными. Они были перехвачены тверичами, приведены в Тверь и брошены в темницу.

Из Москвы Юрий поехал в Орду через Ростов (17, 179). Этот странный маршрут имел, конечно, свои причины. Вероятно, московский князь, предвидя большие протори в Орде, хотел собрать кое-какие деньги с ростовских князей. Остановка в Ростове перед отъездом в степь имела и другую, сокровенную цель. Этот город с его широким небом и степным ландшафтом был излюбленным местом поселения для осевших на Руси ордынцев. Среди них были опальные вельможи и купцы, чиновники налоговой службы и люди из свиты знатных ордынских невест, выданных замуж за ростовских князей. Вся эта восточная слобода сохраняла связи со своими сородичами в степях. Благодаря этим связям Ростов долгое время счастливо избегал разгрома разного рода «послами» и «ратями». Здесь, в Ростове, можно было узнать самые свежие новости из Орды, получить полезный совет и протекцию при ханском дворе.

Конечно, коренных ростовцев раздражало соседство высокомерных степняков. Время от времени они поднимали восстания и выгоняли татар из города. Однако те вскоре возвращались. Местные князья были заинтересованы в дружбе со «своими погаными».

Причудливый «ростовский улус» посреди старинных русских земель — удивительный феномен своего времени. Здесь чтили замученного Батыем князя Василька Константиновича Ростовского, а княжили его

сыновья Борис и Глеб; здесь реальную власть имела княгиня-вдова Мария Михайловна Черниговская — дочь святого князя-мученика Михаила Черниговского; здесь даже в самые плохие времена не иссякал живой родник православной культуры... И всё же именно Ростов, как ни странно, стал средоточием ордынского присутствия в Северо-Восточной Руси.

Этот удивительный парадокс свидетельствует о том, как плохо мы представляем себе пресловутое *татаро-монгольское иго* в его реальном, повседневном выражении. Очевидно, отношения русских с ордынцами и на личностном, и на государственном уровнях были не столь однозначными — не просто угнетённые и угнетатели, порабощённые и поработители, как это можно понять из школьных учебников.

Вечная истина гласит: всё познаётся в сравнении. В сходных ситуациях не только отдельные люди, но также целые народы и государства ведут себя примерно одинаково. А потому «белые пятна» в истории одних можно закрасить красками из палитры других. (Разумеется, для такой операции нужны осторожность и чувство меры).

Рассуждая о реалиях ига, попробуем провести неожиданную параллель между Русью этого периода — и Древней Грецией. Вспомним классическую тему: отношения эллинов с персидской державой Ахеменидов. При всём различии эпох и обстоятельств заметно и некоторое сходство общей картины. Могушественная азиатская монархия угрожает завоеванием более развитой, но раздробленной и потому относительно слабой конфедерации городов-государств. Силы сторон примерно равны.

Рассматривая персов как варваров, стремящихся поработить их свободолюбивую родину, греки одержали над ними ряд блестящих побед на суше и на море. Таков парадный фасад греко-персидских отношений. Однако за этим фасадом скрывалась иная, куда более противоречивая и циничная политическая жизнь. Многочисленные греческие города-государства (полисы) враждовали между собой и в этой междоусобной борьбе нередко призывали на помощь «варваров» — персов. Не доверяли друг другу и два крупнейших греческих государства — Афины и Спарта. Со временем это недоверие вылилось в затяжную *Пелопоннесскую войну* (431—404 до н. э.). И та и другая враждующая сторона искала поддержки персидской державы. Персы со своей стороны всячески разжигали конфликты среди греков. Раздорам способствовали различия в политическом устройстве полисов. Одни придерживались демократии, другие — олигархии, в третьих самовластно правили тираны.

«Благородные эллины» смотрели на персов, «у которых, кроме груды золота, нет никаких достоинств», с чувством культурного и морального

превосходства (96, 12). Однако это не мешало им в случае необходимости вступать с «варварами» в союз.

Персы охотно принимали у себя знаменитых греческих изгнанников — Фемистокла и Алкивиада — и использовали их в качестве советников. Впрочем, не все изгнанники соглашались работать против своей родины. Фемистокл, например, предпочёл принять яд.

Персидские цари нанимали греческих воинов в качестве наёмников и использовали их в своих династических распрях. Однако у самих греков такая служба вызывала осуждение. Когда знаменитый своими подвигами спартанский царь Агесилай под старость стал наёмником у правителя Египта, это возмутило всю Грецию. «Никто не одобрял того, что человек, считавшийся первым во всей Греции, чья слава распространилась по всему миру, теперь предоставил себя в распоряжение варвару, отправшему от своего царя, продал за деньги своё имя и славу, превратившись в предводителя наёмного войска» (96, 273). И всё же военная служба «варварам» за хорошее вознаграждение привлекала многих. Один из таких отрядов численностью 10 тысяч человек совершил героический марш через всю Малую Азию. Этот эпизод стал темой знаменитой книги Ксенофонта «Анабасис».

Известно, что в Средние века Священное Писание служило своего рода матрицей, собранием первообразов всего происходившего в истории человечества. Равным образом и политическая история античности, какой представили её потомкам историки той эпохи, служит собранием первообразов для всех позднейших авторов. Макиавелли и Монтень, Филипп де Коммин и Фрэнсис Бэкон — все шли от греков и их прямых наследников римлян...

В Ростове Юрий имел возможность переговорить со своими сородичами по линии жены. Известно, что в 1297 году он женился на дочери князя Константина Борисовича Ростовского (103, 126). Имя невесты неизвестно. В браке с ней Юрий имел дочь Софью, которая позднее вышла замуж за князя Константина Михайловича Тверского. Это был второй опыт московско-тверских династических браков. Дети от таких смешанных браков могли при определённых условиях принести Москве тверской стол. Подобно первому опыту — женитьбе Семена Гордого на дочери Александра Михайловича Тверского Марии, второй опыт оказался неудачным и не принёс больших успехов ни московскому, ни тверскому дому. И только полтора года спустя идея брачной экспансии будет успешно реализована Василием Тёмным, женившимся старшего сына и

наследника Ивана на дочери тверского князя Бориса Александровича. Родившийся в этом браке сын Иван Молодой станет первым московским по происхождению правителем Твери...

Ростовский княжеский дом в конце XIII века разделился на две враждующие между собой династические линии. Предводителем одной был князь Дмитрий Борисович, другой — его брат Константин. Соперники разделили не только территорию княжества, но и сам город Ростов. Однако вражда продолжалась и после раздела 1287 года. Соответственно, оба свояка имели родню в Ростове. В 1315 году — когда Юрий явился сюда перед поездкой в Орду — в Ростове княжил шурина Юрия Василий Константинович. Он также в 1316 году был вызван в Орду для объяснений, возможно — по делу Юрия.

Погостив в Ростове, московский князь погнал своего коня на юг, в степи. Там ему суждено было пробыть долгих два года. На Русь он возвратился из Орды только осенью 1317 года. Эти два с лишним года Москвой управлял Иван Калита. В сущности, он стал московским правителем задолго до того, как официально получил этот стол.

Тверская правда

В то время как Юрий Московский только ехал в степь, Михаил Тверской уже собирался из Орды в обратный путь. Осенью 1315 года он был отпущен ханом Узбеком на Русь в сопровождении татарского отряда под командованием «оканьного Таитемеря» (5, 94). Отряд, обычно сопровождавший князей, получивших ярлык на великое княжение Владимирское, был скорее почётным караулом, чем реальной боевой силой. Глава этого отряда символизировал незримое присутствие и верховную власть хана. Он играл главную роль в церемонии восшествия князя на великокняжеский стол. Однако наши летописцы не упускают возможности пожаловаться на учинённое татарами «многое зло»:

«В лето 6823 (1315) прииде из Орды князь великы Михаил, ведый съ собою оканнаго Темеря и Маръхожу и Индыа, и много зла учини Руси» (26, 107).

Ордынцы должны были помочь Михаилу вступить в права великого князя Владимирского в соответствии с ярлыком нового хана Узбека и утвердиться в качестве князя в Новгороде. Словом, Михаил Тверской пришёл из Орды требовать своего, отстаивать свою *правду*. С формальной точки зрения, заняв владимирский трон в свой черёд, он имел на это все основания. Но *правда* Михаила — как и противостоявшая ей московская *правда* — в её практическом осуществлении означала новую усобицу и была бедствием для Руси...

Пепел Торжка

Получив признание от всех северо-восточных князей, великий князь Владимирский Михаил Ярославич в конце 1315 года приступил к главному и самому трудному делу — усмирению восставшего против его власти Новгорода. Большое войско, в состав которого, помимо собственно тверских сил, входили полки «низовских» князей и татарский отряд Таитемера, готовилось выступить в поход на Торжок и дальше — на Новгород.

Жители Торжка, узнав о надвигавшейся беде, обратились за помощью к новгородцам. На вече закипели жаркие споры, в которых вечная вражда между бедными и богатыми перемещивалась с распрями боярских кланов. Бедняки, которым нечего было терять «кроме своих цепей» и которых не могли испугать московский грабёж и произвол, с нескрываемым злорадством наблюдали за паникой, охватившей новгородскую знать. Придёт время — и Иван III блестяще разыграет карту «классовой борьбы» в своей эпопее покорения Новгорода.

В итоге московский князь Афанасий Данилович и его помощник Фёдор Ржевский выступили из Новгорода на помощь Торжку «с новгородскими бояры без чёрных людей» (17, 179). Такой «элитный» состав новгородского войска — князя с дружинами, новгородские бояре, их дворня и, вероятно, наёмные бойцы — предопределял его малочисленность.

Шесть недель князь Афанасий стоял в Торжке с новгородцами, ожидая подхода противника и собирая сведения о его передвижении. Длительное стояние войска в городе всегда порождает его деморализацию и конфликты с местным населением. Положение день ото дня ухудшалось. Запасы продовольствия и фуража в Торжке подходили к концу. Цены на местном рынке взлетели до небес. Настроение ополченцев падало не по дням, а по часам. Новгородские воины стали покидать лагерь и возвращаться в Новгород.

Промедление было выгодно Михаилу Тверскому и, вероятно, было частью его стратегии. Он знал новгородцев: воспитанные вечевыми демагогами, они были подвластны минутному настроению. Всякое промедление порождало в них шатание и сомнение. Одних охватывала робость, другие, теряя здравый смысл, готовы были мчаться на врага при

первом же его появлении.

Наконец явился и Михаил Тверской, ставший лагерем близ города. 10 февраля 1316 года князь Афанасий Данилович вывел войско из крепости и приготовился к битве. Тверской полк поднял стяги и двинулся вперед...

Древние греки говорили: «Из всех добродетелей лишь храбрость сродни безумию, ибо увлекает человека безоглядным порывом» (95, 495). Для пробуждения этого *безоглядного порыва* с давних пор использовались разного рода «звуковые эффекты» — боевой клич, ритмичные удары, пронзительный свист. Знали эти приёмы и русские воеводы. Так началась и битва под Торжком. Загрохотали боевые барабаны «накры», загремели медные литавры, засвистела зурна. Мерный ритм этого «полкового оркестра» завораживал воинов, наполнял их сердца священным безумием отваги. Татары, шедшие с Михаилом Тверским, подняли стяги и закричали своё привычное «ура-а-гх».

Силы сражавшихся были явно неравны. Михаил привёл с собой объединённые силы «Низовской земли». Новгородцев могла спасти от разгрома только мощная крепость Торжка. Оставив часть войска где-нибудь поблизости, за пределами города, они могли бы нанести тверичам двойной удар: с тыла и одновременно внезапной вылазкой из крепости. Такой приём был хорошо известен в средневековой военной практике.

Но переменчивое настроение новгородских бойцов не допускало ни дня промедления. Тех, кто предлагал оставаться в крепости, обвиняли в трусости. Афанасий Данилович оказался заложником ситуации. Выйдя из крепости со своим пёстрым войском, он заведомо обрёл себя на поражение. Его могла спасти только удача, которая любит отважных. Но на этот раз она была занята кем-то другим...

Новгородский летописец рассказывает о битве под Торжком в своей обычной сдержанной манере:

«Тогда же поиде князь Михаиле со всею Низовьскою землёю и с татари к Торжку; новгородци же с князем Афанасьем и с новоторжци изидоша противу на поле. Бысть же то попущением Божиим: съступившема бо ся полкома обема, бысть сеча зла, и створися немало зла, избиша много добрых муж и бояр новгородских... и купец добрых много, а иных новгородцев и новоторжцев Бог вестъ; а инии останок вбегоша в город и затворишася в городе с князем Афанасьем» (5, 94).

Остатки разгромленного новгородско-новоторжского войска укрылись в крепости Торжка. Это было крупное по тем временам оборонительное сооружение. Оно располагалось на высоком правом берегу Тверцы. С двух сторон крепость защищал глубокий овраг, по дну которого протекал ручей,

а с третьей — сама река. По гребню холма стояли коренастые башни, между которыми тянулись бревенчатые стены с навесами — «заборолами», закрывавшими воинов от вражеских стрел. Как пограничная крепость и форпост Новгородского государства, Торжок в XIV—XV веках много раз подвергался нападениям. Старая крепость ветшала, перестраивалась. В первой половине XVII века стены Торжка имели 11 башен, из которых пять были проезжими, а шесть — глухими. Каждая башня имела название — Борисоглебская, Петровская, Михайловская, Тайнинская, Спасская, или Водяная, через которую горожане выходили к реке. Вероятно, примерно так же выглядела крепость Торжка и во времена Михаила Тверского.

Ныне от неё остались лишь поросшие травой высокие валы, на которых любят посидеть местные мечтатели...

Засевшие в крепости новгородцы вступили в переговоры с Михаилом. Тверской князь потребовал прежде всего немедленной выдачи обоих враждебных ему князей. Осаждённые «по неволе» согласились на выдачу одного лишь Фёдора Ржевского. Выдать Афанасия Даниловича новгородские бояре наотрез отказались, так как понимали, что в этом случае могут испортить дружественные отношения с московским семейством.

Вопрос о выдаче Афанасия был снят только после того, как осаждённые выплатили Михаилу Тверскому контрибуцию — «пять тысящ гривенок серебра». После этого было заключено перемирие и начались переговоры между тверичами и возглавляемой Афанасием Даниловичем делегацией новгородцев. Целью переговоров было заключение прочного длительного мира. Однако в ходе переговоров Михаил выдвинул какие-то небывалые, неприемлемые для новгородцев условия: «и начат с ними укреплятися чрез обычай их изстаринный. Сим же не хотящим тако крепость на себя дати» (17, 179).

Великий князь не стал вступать в долгие прения с новгородцами. Возможно, и сами непомерные требования были выдвинуты им лишь как повод для срыва переговоров. Он приказал своим людям схватить князя Афанасия Даниловича и сопровождавших его новгородских бояр, отвезти их в Тверь и там держать под крепкой стражей. Несомненно, князь нарушил при этом свои обязательства относительно безопасности участников переговоров.

Вступив на путь вероломства и безоглядного насилия, Михаил уже не мог сойти с него. Слепая ярость охватила обычно рассудительного князя. Он велел продать в рабство всех захваченных в плен новгородцев за исключением взятых заложниками. У жителей Торжка отобрали всякое

оружие, а сами они вынуждены были заплатить выкуп за свою свободу. Князь отыскал в городе лучших ремесленников и насильно вывез их в Тверь. Свою долю добычи получили, конечно, и сопровождавшие Михаила ордынцы.

Весть о битве под Торжком через несколько дней достигла берегов Волхова. «И бысть скорбь велиа в Новеграде», — замечает летописец (17, 179). Потрясённые новгородцы не нашли сил, чтобы сопротивляться новому произволу Михаила. Он прислал в город наместников и заставил возвести в должность посадников (ключевой пост в городском самоуправлении) своих ставленников. Кроме того, Михаил заставил побеждённых новгородцев подписать с ним мирный договор, согласно которому они признавали его своим князем. За освобождение новгородских пленников и заложников, за обязательство великого князя не нападать на Новгород и обеспечивать новгородским купцам свободную торговлю в его владениях новгородцы обязывались в четыре срока выплатить ему огромную сумму в 12 тысяч гривен серебра.

По окончании похода на Торжок ордынский посол в сопровождении великокняжеских бояр отправился в Ростов. Там он передал местному князю Василию Константиновичу вызов в ханскую ставку, а также, вероятно, хорошо отдохнул в кругу ростовских татар.

Наконец татары Таитемеря ушли к себе в Орду. Жизнь на Руси стала понемногу возвращаться в обычное русло.

Непобедимый Новгород

Очень скоро Михаил понял, что его победа над Новгородом была хотя и внушительной, недалеко не окончательной. Летом 1316 года в Новгороде опять вспыхнуло восстание против тверского князя. Его наместники были изгнаны из города, а доброхоты Михаила из числа самих новгородцев сброшены с Великого моста в Волхов со связанными руками и ногами:

«Того же лета, ещё не дошадшу князю Михаилу до города, изимаша Игната Веска, и биша и на веце, и свергоша его с мосту в Волхове, творяща его перевет держаща к Михаилу; а Бог весть. Тогда же и Данилко Писцов убиен бысть на рли от своего холопа; обадил бо его бяше к горожаном, тако рёкши: “посылал мя съ грамотами к Михаилу князю”» (5, 337).

Узнав об этом, Михаил немедля стал готовить новый большой поход на непокорный город. Для начала он разграбил принадлежавшую Новгороду область Волока Дамского. После чего, наскоро собрав княжескую коалицию, «со всей землёю Низовскою» пошёл на Новгород.

Новгородские бояре поняли, что в этом бою будет решаться судьба их независимости. Забыв прежние распри и уняв спесь, они обратились за помощью ко всем городам и волостям Новгородской земли. И земля услышала этот призыв. В Новгород пришли отряды из Пскова, Старой Руссы, Ладogi, а также от неславянских племён края — корелы, ижоры, води. Готовясь к обороне, новгородцы выстроили новый острог «около города по обе стороны» (5, 95). Казалось, предстоит грандиозное сражение. Однако события приняли неожиданный оборот. Михаил Тверской остановил своё войско в селе Устьяны на Ловати, не доходя 50 вёрст до Новгорода. Здесь он прекратил поход и велел всем возвращаться по домам.

Что было причиной столь неожиданного поворота событий? Враждебные Твери летописцы объясняли это вмешательством небесных сил. Новгородцы горячо молились и каялись в грехах; «Господь же Бог и пречистая Богородица услышавше моление их, и не попустиша на них ратьным быти» (17, 180). Некоторые интересные подробности сообщает в своей «Истории Российской» далёкий от провиденциализма В. Н. Татищев: «Князь же великий, пришед на усть Цны, первее сам заболел, потом прииде мор на кони. Слышав же, яко Юрий московский готовится на нь со братнею, хотяще волость его погубите, возвратися во Тверь» (128, 74).

Обратный путь Михайлова войска был столь же неудачен. «И поиде по

неведомым местом и по неизвестным путём, и заблудишася в злых лесех, и в болотех, и во озерех, дондеже приидоша на Волоть (то есть на реку Ловать. — *Н. Б.*), и тамо стоаше в великой печали и скръби. И бысть в них глад велий, понеже и кожи ядыху, и голенища и ремениа жваху, и мнози от глада изомроша, оставшии же много зла пострадаша, а друзии пеши едва приидоша в дома своя» (17, 180).

Новгородский летописец, повествуя о неудаче Михаила, проводит аналогию с событиями I века н. э., когда иудеи, распявшие Христа, были наказаны Богом, пославшим на них римское войско во главе с императором Веспасианом и его сыном Титом. «Князь же Михаиле, не дошед города, ста в Устьянех; и тако мира не возмя, поиде прочь, не успев ничтоже, нь болшую рану (то есть несчастье, горе. — *Н. Б.*) въсприим; възвратися назад, и заблудиша во озерех, в болотех; и начаша измирати голодом, и ядыху конину, а инии, с щитов кожую сдирающе, ядыху, а снасть свою всю пожгоша; приидоша пеши в дома своя, приимше рану, якоже древле иерусалимляне, внегда предасть я (их. — *Н. Б.*) Бог в руце цесарю Титу Римьску» (5, 337).

История о том, как Бог наказал иудеев нашествием римлян и разрушением Иерусалима (ярко и подробно изложенная в хорошо известной в Древней Руси книге римского историка Иосифа Флавия «Иудейская война»), была прямой аналогией с нашествием татар на Русь. Это уподобление и вытекающие из него идеи, переплетаясь с ветхозаветной темой «вавилонского плена», часто встречались в русской общественной мысли XIII—XIV веков.

Возвращение Михаила из-под Новгорода было столь поспешным, что он фактически бросил на произвол судьбы своих лишившихся коней воинов, которые заплутались в дремучих новгородских лесах и едва добрали домой пешими. Единственное, что могло заставить его поступить так безоглядно, — весть о движении московского войска к Твери. На это как на причину и указывает Татищев: «...Слышав же, яко Юрий московский готовится на нь со братиею». Необходимо только учесть, что сам Юрий был в это время в Орде, Афанасий — в тверской тюрьме, Борис — в Нижнем Новгороде. Пятый из братьев Даниловичей, Александр, скончался в 1307 году. Таким образом, военную акцию против Твери (или её имитацию) мог осуществить только Иван Калита, оставленный Юрием в Москве. Своими действиями он спас Новгород от угрозы полного разгрома и потери независимости. Одновременно он нанёс первый тяжёлый удар могуществу Твери. Неудача Михаила в этом походе во многом предопределила и его дальнейшие несчастья, и в конечном счёте гибель.

Заметим, что в отчаянной борьбе, которую в одиночку вёл Михаил Тверской с московским семейством, ему противостоял не только энергичный, однако заурядный по своим личным качествам Юрий Данилович, но также и выдающийся тактик и стратег Иван Калита. Именно он, оставаясь при жизни Юрия в тени, фактически управлял Москвой и обеспечивал её процветание. Братья как бы раздели между собой обязанности. Юрий ведал «внешней политикой» Москвы, а Иван — «внутренней».

Судя по тому, как серьёзно воспринял Михаил Тверской весть о намерениях москвичей, он считал Ивана Калиту способным на быстрые и дерзкие предприятия. Едва ли Иван за короткий срок успел снестись с Юрием и получить от него распоряжения. Видимо, он действовал самостоятельно, но при этом уже знал, что брат находится в милости у хана.

Осень 1316 года запомнилась двумя событиями: пожаром Твери и редким природным явлением — лунным затмением. «Того же лета загореся град Тверь, и згоре боле дватцати дворов, и едва угасиша» (17, 180). Возможно, «красный петух» был пущен на Тверь невидимой рукой злоумышленника. Обострение отношений Михаила Тверского с новгородцами могло заставить последних применить против Твери «тайное оружие» — поджог.

Лунное затмение не оставило по себе ничего, кроме тревоги и страха перед будущим днём. Никоновская летопись сообщает: «Того же лета предь ранними зарями месяц погибе, и паки не исполнися зайде» (17, 180). Астрономы уточняют: это случилось 2 октября 1316 года.

Брак по расчёту

За время своего пребывания в Орде в 1315—1317 годах Юрий сделал неожиданный и сильный ход. Овдовевший к этому времени 34-летний московский князь посватался к сестре Узбека Кончаке. Это был далеко не первый случай, когда русские князья вступали в родственные отношения с «погаными». Ещё в домонгольской Руси браки между Рюриковичами и невестами степного происхождения были довольно обычным делом. На половчанках были женаты Юрий Долгорукий и его внук Ярослав Всеволодович. Татары стали наследниками половцев в степях. Русские летописцы — нарочито или искренне — представляли ордынско-русские отношения как продолжение русско-половецких. Принципиально новая ситуация «ига», то есть потери независимости, фактического рабства, как бы «выносилась за скобки». При такой «идеологии молчания» и браки русских князей в Орде представлялись продолжением брачной практики домонгольских времён (53, 45). Однако никакое лицемерие летописцев не могло скрыть печальной реальности: если прежде русские разговаривали с половцами со снисходительностью сильнейшего, то теперь этим тоном говорили с русскими степняки.

Первым среди русских князей был удостоен сомнительной чести породниться с татарами ростовский князь Глеб Василькович. В 1257 году он «оженится в Орде» (22, 71). Его примеру позднее последовали племянник Константин Борисович Ростовский и внук Фёдор Михайлович Белозерский. Вторым браком женился на ханской дочери ярославский князь Фёдор Чёрный. Тем же путём последовал и сын великого князя Андрея Городецкого Михаил.

Династические браки всегда и везде заключались с определённым политическим расчётом. Для подневольных русских князей браки в Орде были вдвойне вынужденным, унижительным решением. Этой очевидности не могли скрыть ни обязательное крещение невесты по православному обряду, ни, быть может, прекрасные семейные отношения. Сложные, противоречивые чувства, которые вызывали у современников такие брачные союзы, как и вообще личная близость с завоевателями, отразились в летописном некрологе ростовского князя Глеба Васильковича, умершего в 1277 году. Его несомненное унижение летописец оправдывает как самопожертвование во имя спасения русских людей от произвола татар:

«...Преставился князь Глеб Василькович Ростовский, жив от рожденна своего лет 41. Сей от уности своея, по нахождении поганых татар и по пленении от них Русскыя земля, нача служит им и многи христианы, обидимыя от них, избави и печалныя утешая, брашно своё и питие нещадно требующим подавая, и многу милостыню нищим, убогим, сиротам, вдовицам, маломощным подаваше» (22, 76).

Возможно, именно от своих ростовских родственников воспринял идею ордынского брака и Юрий Данилович Московский. Он связал свою жизнь с сестрой хана Узбека. Этим союзом Юрий последовал примеру тестя по первому браку. Константин Борисович Ростовский, овдовев, женился вторым браком в 1302 году на дочери знатного татарина Кутлукортки.

Хан Узбек любил устраивать оригинальные брачные союзы. Известно, что в 1320 году он выдал свою дочь Тулунбай замуж за египетского султана. Жениху пришлось уплатить за невесту огромный выкуп — 30 тысяч динаров. Однако, получив невесту, султан вскоре разочаровался в её достоинствах. Прогнав её от себя, он велел жениться на ней одному из своих эмиров. На запрос разгневанного тестя султан ответил, что Тулунбай умерла (37, 439).

Конечно, Юрий Данилович был жених помельче, чем египетский султан. Но и ему, должно быть, пришлось заплатить хану хороший калым. Только после этого Узбек разрешил ему взять в жёны Кончаку. Приняв крещение с именем Агафьи, степная невеста стала московской княгиней.

Князь Юрий долго размышлял над тем, какое имя дать своей новой жене при крещении. В конце концов, он был больше всех заинтересован в том, чтобы это имя было звучным, красивым и принятым в княжеских семьях. Имя Агафья (в переводе с греческого — «добрая») вполне отвечало этим требованиям.

Обычно имя давалось новокрещёным в честь того святого, память которого праздновалась в день крещения. По-видимому, и Кончака была крещена в день памяти святой Агафьи. Этот день по месяцесловам той эпохи был только один раз в году — 5 февраля (87, 9). Конечно, крещение состоялось накануне свадьбы, а сама свадьба — в воскресенье. Именно такая комбинация имела место в 1317 году. В субботу, 5 февраля 1317 года, Кончаку окрестили, а на другой день, в «неделю мясопустную», обвенчали с князем Юрием Московским.

Противостояние

Осенью 1317 года Юрий с монгольской женой вернулся на Русь. Хан Узбек в виде свадебного подарка передал ему ярлык на великое княжение Владимирское. Анализ дальнейших событий позволяет предположить, что Юрий получил от хана только часть прерогатив великокняжеской власти. Возможно — новгородское княжение. Другая часть осталась за Михаилом Тверским. Такие разделы бывали и до этого случая (например, раздел Александра Невского с Андреем в 1249 году), и после него (раздел Ивана Калиты с Александром Суздальским в 1328 году).

Учитывая высокий статус жены Юрия, хан Узбек отправил с молодожёнами на Русь «послов силных зело» — Кавгадыя, Астрабыла и Острова (17, 180). Исследователи ордынско-русской терминологии отмечают, что в словосочетаниях *посол силён* или *посол лют* следует видеть русское толкование ордынского термина «тетим» («особоуполномоченный») (60, 184). Действительно, Кавгадый был далеко не последним человеком при ханском дворе. На это указывают и его властное поведение во время суда над Михаилом Тверским в Орде, и само его имя (или, возможно, прозвище): Кавгадый по-тюркски означает «Спорщик», «Задира».

От Нижнего Новгорода Юрий и его ордынская свита шли вдоль Волги, направляясь, вероятно, к Твери. Признаемся, что действия сторон в этом конфликте зачастую необъяснимы для историка по причине скудности источников.

Получив весть о появлении Юрия, князь Михаил созвал на совещание «суздальских», то есть, видимо, всех послушных ему северо-восточных князей. Они изъявили готовность встать за права Михаила с оружием в руках. Тверской князь понимал, что его спасение только в наступлении. Если Юрий утвердится на великокняжеском столе во Владимире и приведёт к присяге прочих князей, его сила многократно возрастет. И тогда он непременно организует поход объединённой армии всех северо-восточных князей вместе с новгородцами на Тверь. Предотвратить такой исход событий Михаил мог только стремительным разгромом Юрия. Но вместе с тем он боялся поднять оружие на шедших с Юрием ордынских «лютых послов».

С большим войском Михаил встретил Юрия близ Костромы (20, 87).

Не оспаривая у Михаила и его соратников их воинской доблести, заметим, однако, что сам факт готовности тверского князя и союзных ему суздальских князей к сопротивлению ханским «послам» выглядит неожиданно. Время таких решений было далеко впереди. За стеной молчания летописей, безусловно, скрыты какие-то важные обстоятельства, объясняющие эту загадку. Важнейшим из неизвестных нам обстоятельств являются характер и размеры полномочий, которые хан Узбек предоставил Юрию Московскому и его почётному конвою...

Два войска долго стояли друг против друга на берегах холодеющей Волги. Никто не хотел оказаться в уязвимой роли нападающего. По некоторым сведениям, Юрий решил не испытывать более судьбу и объявил о своём отказе от претензий на великокняжеский титул в пользу Михаила Тверского (17, 180). Однако дальнейший ход событий свидетельствует о том, что благоразумие проявил всё же Михаил Тверской, уступивший московскому князю великое княжение Владимирское (84, 133). Возможно также, что ханское распоряжение предусматривало какой-то раздел великокняжеских владений и полномочий...

Итак, тверской князь оставил Юрию Владимир и ушёл в Тверь. Михаил понимал, что победитель не остановится на полпути. Москве нужен был полный разгром Твери. Однако Юрий хотел основательно подготовиться к новой войне и тянул время. Осознав это, Михаил принялся спешно строить новые городские укрепления («и заложи болший град кремленик») (17, 180). Вероятно, Михаил надеялся на переменчивость судьбы и на то, что Юрий не сумеет выполнить тех обязательств, которые он давал Узбеку, выпрашивая великое княжение. Подобно тому как раньше время работало на Юрия, теперь оно стало союзником Михаила.

Но и Юрий понимал, что должен спешить. Тотчас по возвращении в Москву новый великий князь Владимирский принялся за дело. Он отправил гонцов ко всем князьям с требованием явиться с полками к Костроме для совместного похода на Тверь.

Кострома не случайно стала местом сбора сил Юрия. Этот город и прилегающие к нему волости входили в состав территории великого княжения Владимирского. Расположившись именно здесь, Юрий тем самым наглядно показывал всем, что он уже занял великокняжеский престол. Впрочем, Кострома могла быть выделена Узбеком своему зятю и как лакомый, но единственный кусок в пироге — великом княжении Владимирском.

Наконец, Юрию, конечно, хотелось держать татарских «лютых послов» подальше от московских земель. Там, где проходили, а тем более

останавливались эти незваные гости, обычно оставались одни пепелища. Вероятно, там, у Костромы, на приволжских пойменных лугах, Юрий и оставил отряд Кавгадыя, уехав в Москву. Прежние союзники Михаила Тверского, князья суздальские, поразмыслив, присоединились к Юрию. Новгородцы поначалу заняли позицию выжидательного нейтралитета, так как не были уверены в успехе Юрия и боялись нового нашествия тверичей и татар. Поддержка новгородской знати была очень важна для Юрия. И потому он послал к ним для переговоров осенью 1317 года своего брата Ивана.

Вероятно, это был второй после 1296 года приезд князя Ивана в Новгород. В будущем ему много придётся тягаться с упрямыми и прижимистыми северянами. Но на сей раз всё прошло удачно. Желая убедить новгородцев в том, что за ним стоит Орда, Юрий, кроме брата, отправил в Новгород и татарского вельможу Телебугу.

Новгородцы согласились с доводами Ивана и Телебуги. Их войско вышло на помощь Юрию и в полной готовности стало в Торжке, на границе тверских земель.

Осенняя война

Необычные астрономические явления тщательно фиксировались летописцами и служили наиболее грозными и верными знаменами грядущих бед. 2 октября 1316 года произошло полное затмение луны: «Того же лета пред ранними зарями месяц погиге, и паки не исполнився зайде» (17, 180). Через год небеса снова утратили обычный вид. Осенью 1317 года над Тверью появилось странное, пугающее знамение: «Тое же осени бысть знамение на небеси, месяца сентября, в день субботный до обеда: круг над градом над Тверью, мало не съступился на полночь, имея три лучи: два на восток, а третей на запад» (17, 180). Перепуганные тверичи в страхе ждали худшего. Но князь Михаил сохранял присутствие духа и энергично готовился к обороне города.

Улетели на юг перелётные птицы. Ушли с полей последние хлебобобы. Ударил первые морозы, сковавшие осеннюю хлябь дорог. И Юрий Московский немедля начал войну. Его полки двинулись из Костромы на Тверь через Ростов, Переяславль, Дмитров и Клин. Новгородцы вторглись в тверские земли с севера. Горели сёла и деревни, кричали люди, уходили в глухие чащи лесные звери. Война — в который раз! — являла своё страшное лицо. Победители убивали, грабили, насиловали, захватывали пленных, угоняли скот...

Михаил с дружиной затворился в новой тверской крепости, штурмовать которую москвичи не решились. Юрий стоял лагерем в восьми верстах от города пять недель (17, 181). Это ожидание мало походило на осаду. Похоже, что Юрий ждал каких-то благоприятных для него известий. Но известия не приходили. Коротая время, татарские «лютые послы» ездили к Михаилу в крепость для переговоров, но, по замечанию летописца, «с лестию» (17, 181). Вероятно, они уговаривали его лично встретиться с Юрием. Опасаясь западни, Михаил не шёл ни на какие встречи и уступки. Устав от бесплодного ожидания, Юрий распустил свои отряды по всему Тверскому княжеству для полного его разорения. Сам же он собрался через Волок Дамский уходить в сторону Москвы.

Узнав о бесчинствах москвичей и шедших с ними ордынцев, Михаил не стерпел. Он вышел из крепости с войском, двинулся на Юрия и настиг его в 54 верстах к юго-западу от Твери, в верховьях реки Шоши, у села Бортенева (99, 24). 22 декабря 1317 года произошла «сеча велика». Полки

сошлись на пологом склоне оврага, по дну которого протекал ручей. Ярость тверичей удваивала их силы. Они разгромили войско Юрия. Сам московский князь «с малою дружиною» на отборных конях ускакал с поля боя (84, 136). Битва произошла «в вечернюю годину», то есть уже в сумерках короткого декабрьского дня (17, 181). Наступившая темнота спасла Юрия. Он ушёл от погони, но поскакал не в сторону Москвы, куда, вероятно, погнались за ним тверские воеводы, а в противоположную сторону — на север, к Новгороду. И след его затерялся в заволжских лесах...

Среди пленных, захваченных тверичами в Бортеновской битве, оказались жена Юрия Агафья-Кончака и его брат Борис Данилович Нижегородский. Их отправили в Тверь и там содержали под стражей.

Ханский «посол» Кавгадый со своим отрядом поначалу участвовал в битве на стороне Юрия. Однако, увидев, что москвичи терпят поражение, татары обратились в бегство. «А Кавгадый повеле дружине своей стяги поврещи, и неволею сам побежа в станы» (17, 181).

Post festum

Латинское выражение *postfestum* означает «после праздника», «после пира». Древнерусские книжники часто сравнивали битву с пиром. «Ту кроваваго вина не доста, ту пир докончаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую!» — восклицал неизвестный автор «Слова о полку Игореве» (6, 376). Для Михаила Тверского день после бранного пира стал днём тягостного похмелья. За миг обрётённой свободы предстояло заплатить немалую цену...

Шекспировский Гамлет справедливо заметил, что «сами по себе вещи не бывают ни хорошими, ни дурными, а только в нашей оценке» (144, 103). Борте не вековую битву можно было оценить — и представить хану Узбеку — и как заурядную княжескую усобицу, и как мятеж против Орды, покушение на жизнь и безопасность её послов. И последствия второй оценки могли быть плачевными для Твери и её князя...

На другой день Кавгадый прислал к Михаилу с предложением мира. Князь не только охотно принял предложение, но и пригласил Кавгадыя со всеми его татарами в Тверь. Там он угощал и чествовал своих недавних врагов. Татары уверяли Михаила, что приходили с Юрием не как послы от хана, а по своей воле. Такое вполне могло быть. Ордынцы являлись на Русь в самых разных качествах — от официального «сильного посла» («особоуполномоченного») до приятелей и родственников русских князей; от торговцев и откупщиков дани — до «звериных ловцов» и сокольников (60, Г84).

«Князь Михайло же Ярославич Тверский татар Кавгадыевых избивати не повеле, но приведе их во Тверь, и многу честь въздаде Кавгадыю и татаром его, а они лстяху, глаголюще: “Мы отныне твои есмя, а приходили есмя на тебя со князем Юрием без повеления царёва, и в том есмя виновата, и боимся от царя опалы, что есмя таково дело сотворили и многу кровь пролили”. Князь же Михайло Ярославич ят веры им (то есть поверил им. — Н. Б.), и многими дары одари их, и отпусти их с честью» (19, 181).

Летописец в подробностях описал эту историю, так как считал её своего рода прологом к обширному трагическому повествованию о гибели князя Михаила Тверского в Орде в 1318 году...

В то время как Михаил пировал с татарами Кавгадыя, Юрий лесными

тропами пробрался к Новгороду и ударил челом новгородцам о помощи. Московский князь «прибежа в Новъгород, и позва всех новгородчов с собою, и идоша с ним весь Новгород и Плесков, поимше с собою владыку Давыда (новгородского архиепископа. — *Н. Б.*); и пришедше на Волгу» (5, 338).

Михаил узнал о том, что Юрий вновь появился в Тверской земле. Собрав воинов, он встретил врага у брода через Волгу. Два войска стояли на берегах замёрзшей реки, перестреливаясь и обмениваясь парламентёрами. Никто не хотел испытывать судьбу в новом сражении. К тому же новгородцы помнили, что в тверской тюрьме находятся заложники — их друзья и родичи, взятые в плен в Торжке в феврале 1316 года.

Поверив Кавгадью, Михаил решил, что Юрий начал войну с ним без ханского дозволения. (Так это было или нет — источники не дают определённого ответа). Поэтому он предложил московскому князю перенести дело на суд Орды. Юрий согласился, надеясь на милость своего шурина хана Узбека. В итоге князья заключили перемирие и целовали крест на том, что оба прекратят военные действия и поедут в Орду. С этим Михаил пропустил Юрия в Москву через свои земли и выпустил из тверской темницы «братью Юрьеву» — Бориса и Афанасия Даниловичей (11, 257). В условия договора входило и освобождение новгородских бояр, взятых в плен вместе с Афанасием. Но самым важным для Юрия было то, что тверичи обязались отпустить его жену княгиню Агафью. Однако исполнить это обязательство тверичи не успели. Вскоре после заключения волжского договора Агафья умерла в тверском плену.

Яд или не яд?

Новгородская Первая летопись сохранила распространившийся в связи с этим упорный слух, что ханскую сестру в Твери «смерти предаша» (5, 96). Владимирский летописец выражается ещё определённое: в Твери жена Юрия «зелием уморена бысть» (29, 103). Не все верили этим слухам. Никоновская летопись по поводу отравления Агафьи осторожно замечает: «Иные же глаголют...» (17, 181). Но сам Юрий, кажется, не имел сомнений относительно причин смерти жены.

Проще всего сказать, что насильственная смерть Кончают в Твери — если, конечно, таковая имела место — была подстроена врагами Михаила Тверского, которому тотчас и приписали убийство знатной монголки.

Однако всё не так просто, как кажется на первый взгляд. История ордынского брака Юрия Московского полна недомолвок. Этот странный династический союз Рюриковичей с Чингизидами — нечто большее, чем заурядный бытовой факт. Судя по всему, это был далекоидущий замысел Московского княжеского дома. Никогда прежде действующий великий князь Владимирский — а Юрий всё же, судя по всему, имел ханский ярлык на великое княжение Владимирское или по крайней мере на его часть — не вступал в брак с монголкой. Такие сомнительные союзы были уделом князей второго ряда. Это был их способ выживания в споре с более крупными хищниками.

Будущие сыновья Юрия и Агафьи — племянники хана Узбека — могли претендовать на особое положение в русском княжеском сообществе. Благодаря кровному родству с Чингизидами они могли стать основателями новой русско-ордынской династии, члены которой органично входили бы в правящую элиту Золотой Орды. Эти русские монголы с московской пропиской могли при помощи хана присвоить себе исключительное право на великое княжение Владимирское...

Успех этого замысла грозил Твери не только потерей первенства в Северо-Восточной Руси, но и мстительным порабощением представителями будущей «династии Юрьевичей».

От этой страшной угрозы тверичей могла избавить только смерть одного из «молодожёнов». Но Юрий был недостижим для тверских агентов и к тому же держался весьма осторожно. Оставалась злополучная Агафья-Кончака. Простые средства её уничтожения — нож, петля или угарный газ

из преждевременно закрытой печи — здесь были неуместны. Кончина ордынской принцессы в Твери могла навлечь гнев её державного брата на Михаила Тверского. Но русские князья многому научились у своих степных повелителей. Потомки Чингисхана знали верное средство для решения такого рода задач. Этим средством был медленно действующий яд. Впрочем, ядами увлекались тогда и в Европе, усматривая в них кратчайший путь к устранению разного рода препятствий. Среди ядов были свои шедевры.

«*Acqua tofana* ничем не пахла и была бесцветна; достаточно было принимать её по одной капле в неделю, чтобы человек умер через два года. Если в этот период времени он заболел хотя бы самой лёгкой болезнью, она неизбежно заканчивалась смертью, и отравители рассчитывали на это. *Acqua tofana* можно было подмешивать к кофе или к шоколаду, и от этого она не теряла своей силы. Вино отчасти её нейтрализовало»(127, 240).

Состав знаменитых ядов держали в секрете, и сегодня он уже неизвестен. Однако именно действием медленного яда была вызвана едва ли не каждая вторая смена власти в Золотой Орде. Отравление могло сказаться лишь через несколько дней или недель, что затрудняло любые выводы относительно личности отравителя.

Успех любого рискованного предприятия зависит главным образом от мастерства его исполнителей. А мастерство приходит с практикой. На Руси, как мы уже говорили выше, отравления князей случались, но были довольно редким делом. Недостаток практики влиял на уровень мастерства. Тверские отравители — если таковые, конечно, существовали — плохо владели тонкостями приготовления «лютого зелья» и, так сказать, «перестарались». Доза оказалась слишком сильной. Ордынская принцесса умерла раньше, чем её успели передать москвичам в соответствии с волжским договором.

Попавшему в неловкое положение Михаилу Тверскому оставалось только сослаться на эпидемию какой-то тяжкой болезни, которая свирепствовала тогда в Твери. «Тое же зимы в Тфери мор был на люди», — сообщает летопись под 6826/1318 мартовским годом (29, 103). Соответственно, речь идёт о зиме 1317/18 года, когда Кончака-Агафья находилась в плену у Михаила Тверского.

(Здесь нам необходимо ещё раз напомнить читателю, что мы пишем не акафист святому, а биографию средневекового правителя. Святым Михаила Тверского сделала не святая жизнь, а мученическая смерть. В этом смысле его судьба напоминает трагическую судьбу последнего русского императора Николая Второго. Что касается жизни князя Михаила

Ярославича, то в ней можно увидеть проявления самых разных нравственных качеств).

Внезапная кончина ханской сестры, разумеется, могла быть вызвана и вполне естественной причиной — например, упомянутой выше эпидемией. Но, как бы там ни было, ордынская принцесса уже стала частью политической игры. Не только её жизнь, но и её смерть имела свою цену в этой жестокой игре. Молва — быть может, стихийно возникшая в тёмных глубинах народного сознания, а может быть, распушенная врагами Михаила Тверского — обвинила князя в смерти Агафьи-Кончаки.

Ненависть

С кончиной Агафьи-Кончаки между Юрием Московским и Михаилом вспыхнуло «нелюбие велие» (17, 182). Эта лютая ненависть в конечном счёте и свела обоих в могилу.

Смерть Агафьи поставила тверичей в довольно сложное положение: им вовсе не хотелось выглядеть убийцами ханской сестры. Кроме того, они не знали, что делать с телом несчастной. Им оставалось только ждать ответных действий со стороны московского князя...

Рассматривая деятельность Юрия Московского как правителя, мы вовсе не хотим лишить его человеческих качеств и эмоций. Возможно, он и вправду был увлечён ордынской принцессой. Её скоропостижная кончина стала для него тяжёлой личной драмой. Будущее закрыли тёмные облака. Горький вкус бездетного одиночества во все времена вкушали и «сильные мира сего».

Утратив едва обрётённую «подругу жизни» — а вместе с ней и грандиозные планы на будущее, — Юрий стонал не только от горя, но и от стыда. Смерть Агафьи-Кончаки в тверском плену была результатом его позорного бегства с поля боя под Бортеновом. Его воинская слава, удача и династическое бессмертие — всё утонуло в глубоких сугробах бортеновского оврага...

Первым прервал затянувшуюся паузу князь Михаил Тверской. Он отправил в Москву с известием о кончине Агафьи своего боярина Александра Марковича. Тот ехал с «посольством о любви» (17, 182). Но сообщать дурные вести всегда было делом неблагодарным. В приступе ярости Юрий приказал убить тверского посла. Из летописного текста можно понять, что он сделал это своими руками...

Убийство посла было тягчайшим оскорблением тому, кто его отправил. После этого никаких переговоров между Юрием и Михаилом быть уже не могло. Не желая оставлять у себя в Твери тело Агафьи, князь Михаил велел отвезти его в Ростов и похоронить там с честью в княжеской усыпальнице — городском Успенском соборе. Вероятно, в этом решении отразились родственные связи Агафьи с ростовскими татарами, среди которых были и потомки самого Чингисхана.

Роковой спор князей близился к трагическому исходу. Но прежде своё слово должен был сказать «вольный царь» — хан Узбек. Юрий с братом

Афанасием, новгородцами и многочисленной свитой, включавшей всех врагов Михаила, первым отправился в Орду. Это произошло в конце весны — начале лета 1318 года. Москву он, как обычно, оставил на попечение Ивана.

Михаил Тверской, отправив вперёд себя двенадцатилетнего сына Константина, замешкался. Вероятно, он хотел собрать побольше даров для ханского двора. Но эта медлительность стала его роковой ошибкой. Враги Михаила во главе с Юрием и его приятелем Кавгадыем успели настроить хана и его окружение против тверского князя.

Глава 16

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ

Что ждёте такой смерти, которая приходит сама собою? Она бесплодна, бесполезна, общее достояние скотов и людей... Поэтому, когда несомненно должно умереть, приобретём себе смертью жизнь.

Василий Великий

Михаил выехал из Твери в Орду 1 августа 1318 года, во вторник. В этот день по церковному календарю был праздник Спаса Всемилоственного. Именно Спасу был посвящён городской собор в Твери. Установление праздника Спаса в день 1 августа связано с победой Андрея Боголюбского над болгарами в 1164 году. Избрав этот день для отъезда, Михаил как бы отдавал себя под покровительство Всемилоственного Спаса.

В ту пору каждый уважающий себя русский князь имел своих доброхотов и осведомителей в Орде. Это могли быть купцы и священники, разного рода мастера и даже люди из близкого окружения хана. Через них Михаил узнал о кознях Юрия и Кавгадыя. Его охватили дурные предчувствия. Он знал, что жестокие расправы с провинившимися вассалами были важной частью ордынского господства. Долгое время прожив в Орде, он видел немало публичных казней. Но казни русских князей случались нечасто. О таких расправах Михаил Ярославич мог знать главным образом из летописей.

Истязание

Наиболее известным примером такого рода была участь Михаила Всеволодовича Черниговского, казнённого в Орде по приказу Батыея в 1246 году. Князя убивали медленно и мучительно. Посланцы хана «растягоша и за руце и за нозе, и начата бита по сердцу, и по сём повергоша ниць его на землю и бяхут и пятами. И сему же на долзе бывшу, некто же, бывый христьянин преже, по том же отвержеся веры Христовы, и бысть поган именем Доман. Сей законопреступник огорчився зле, и отреза ножем главу святому мученику и великому князю Михаилу и отверже ю прочь от тела» (27, 138). В том, что последний удар ножом нанёс князю некий вероотступник по имени Доман, вероятно, был какой-то сокровенный сакральный смысл. Обезглавленное тело убитого князя было брошено на съедение бродячим собакам...

Михаил Ярославич слышал рассказы стариков и о страшной гибели в Орде в 1270 году рязанского князя Романа Ольговича. Рассердившись на князя за какую-то подлинную или мнимую провинность, хан Менгу-Тимур приказал подвергнуть его жестокой казни. В летописи Михаил Тверской мог отыскать описание этой расправы:

«В лето 6778 уьен бысть от поганых татар Роман, князь великий Олговичь Рязаньский, и бысть сице уьение его: еже заткаша уста его убрусом и начата его резати по съставом и метати разно, и яко остася труп един, они же одраша кожу от главы его и на копие взоткнуша главу его» (35, 330).

Казнь с обезглавливанием, с отсечением рук и ног приговорённого и оставление тела без достойного похоронного обряда были известны ещё в Древнем Риме. Но для христианина, ожидавшего воскрешения из мёртвых на Страшном суде, отсутствие погребённого в земле мёртвого тела создавало угрозу бессмертию души. Определяя наиболее жестокий и позорный вид казни, ордынцы, вероятно, учитывали и это обстоятельство. Наконец, замысловатый способ умерщвления приговорённого русского князя отражал традиционные религиозные представления и ритуалы монгольского общества (77, 327).

Выбор

Итак, Михаил Ярославич вполне осознавал тот риск, на который он шёл, отправляясь в Орду, и тот страшный конец, который ожидал его в случае осуждения на ханском суде. Чувство самосохранения, присущее всем людям, толкало его к бегству в недосыгаемые для ордынцев края. Русским князьям не раз случалось пережить ханский гнев за рубежом. Даниил Галицкий во время Батыева нашествия находился в Польше. Брат Александра Невского Андрей Суздальский несколько лет провёл в Швеции. Его примеру последовал и сын Александра Невского Дмитрий Переяславский. Наконец, совсем рядом с Тверью, за Ржевом, начиналась Литва, где татары не могли настичь беглеца. Словом, путей для бегства было достаточно...

Однако, прежде чем вскочить в седло и погнать своего коня по тропе неповиновения, Михаил Тверской вновь и вновь просчитывал возможные последствия. Князь понимал, что в случае его бегства судьба его жены и сыновей, его верных бояр, наконец — его княжества будет плачевной. Его побег будет служить для хана неоспоримым свидетельством его вины. Не имея возможности наказать его, хан обрушит свой гнев на Тверское княжество.

Жизнь поставила Михаила Тверского перед жестоким выбором. За упоительный миг свободы на Бортеневском поле ему надлежало заплатить своей жизнью либо жизнью многих и многих людей. И выбор, который сделал князь Михаил Ярославич, свидетельствует о том, что ордынское иго не до конца истребило в русском правящем слое такие понятия, как доблесть и честь...

«Ценность и достоинство человека, — говорит философ, — заключены в его сердце и в его воле; именно здесь — основа его подлинной чести. Дobleсть есть сила не наших рук или ног, но мужества и души; она зависит от качеств не нашего коня или оружия, но только от наших собственных. Тот, кто пал, не изменив своему мужеству, даже поверженным наземь продолжает сражаться, тот, кто перед лицом грозящей ему смерти не утрачивает способности владеть собой, тот, кто, испуская последнее дыхание, смотрит на своего врага твёрдым и презрительным взглядом, — тот сражён, но не побеждён» (93, 198).

Княгиня Анна с младшим сыном Василием провожала мужа до устья реки Нерль Волжская. Вдоль Нерли до Переяславля и далее «волоком» до другой Нерли, Клязьминской, шёл кратчайший путь из Твери во Владимир. Когда-то этим путём возили на ладьях белый камень, добытый в старицких каменоломнях для строительства владимирских соборов. Но с приходом татар строительство замерло, и теперь только заросшие бурьяном кучи белых камней, видневшиеся кое-где по берегам Нерли, напоминали о былом расцвете стольного Владимира.

Старшие сыновья Михаила Дмитрий и Александр провожали отца до Владимира и здесь простились с ним. Во Владимире князя встретил ханский посол Ахмыл. Он передал ему распоряжение Узбека: не позже чем через месяц явиться в Орду. Если князь не послушает приказа, то на его княжество будет послана карательная «рать». От себя посол добавил, что Кавгадый непрестанно клеветает хану на Михаила, убеждая, что тот готовится бежать «в немцы» (17, 182).

Из разговоров с послом Михаил понял, что тучи над его головой сгустились. Его тревога передалась сыновьям. Они стали уговаривать отца не ездить в Орду, а вместо него готовы были поехать сами. Такого же мнения придерживались и бояре. Выслушав всех, Михаил дал исполненный мужества ответ. «Видите, чада, яко царь не требует вас, детей моих, ни иного кого, но моей головы хочет. Аще аз где уклонюся, а отчина моя вся в полону, избиени будут. А после того умрети ми же есть, то лучши ми есть ныне положити душло свою за многия душа» (84, 140).

Казнь Михаила Ярославича Тверского в Орде 22 ноября 1318 года — один из самых драматических моментов московско-тверского противостояния. Это событие послужило темой для особой повести, созданной в Твери вскоре после 1318 года. Она имела сложную литературную историю и сохранилась в «более чем полутора десятках различных редакций» (83, 7).

Вот как рассказывает о гибели Михаила Тверского в своей «Истории России» С. М. Соловьёв:

«Начальником всего зла летописец называет Кавгадыя: по Кавгадыеву совету Юрий пошёл в Орду. Кавгадый наклеветал хану на Михаила, и рассерженный Узбек велел схватить сына Михайлова, Константина, посланного отцом перед собою в Орду; хан велел было уморить голодом молодого князя, но некоторые вельможи заметили ему, что если он умертвит сына, то отец никогда не явится в Орду, и Узбек приказал выпустить Константина. Что же касается до Кавгадыя, то он боялся

присутствия Михайлова в Орде и послал толпу татар перехватить его на дороге и убить; но это не удалось; чтоб воспрепятствовать другим способом приезду Михайлову, Кавгадый стал говорить хану, что тверской князь никогда не приедет в Орду, что нечего его дожидаться, а надобно послать на него войско. Но в августе 1318 года Михаил отправился в Орду, и когда был во Владимире, то явился туда к нему посол из Орды, именем Ахмыл, и сказал ему: “Зовёт тебя хан, поезжай скорее, поспевай в месяц; если же не приедешь к сроку, то уже назначена рать на тебя и на города твои: Кавгадый обнёс тебя перед ханом, сказал, что не бывать тебе в Орде”. Бояре стали говорить Михаилу: “Один сын твой в Орде, пошли ещё другого”. Сыновья его, Дмитрий и Александр, также говорили ему: “Батюшка! не ездь в Орду сам, но пошли кого-нибудь из нас, хану тебя оклеветали, подожди, пока гнев его пройдёт”. Михаил отвечал им: “Хан зовёт не вас и ни кого другого, а моей головы хочет; не поеду, так вотчина моя вся будет опустошена и множество христиан избито; после когда-нибудь надобно же умирать, так лучше теперь положу душу мою за многие души”. Давши ряд сыновьям, разделив им отчину свою, написавши грамоту, Михаил отправился в Орду, настиг хана на устье Дона, по обычаю, отнёс подарки всем князьям ордынским, жёнам ханским, самому хану и полтора месяца жил спокойно; хан дал ему пристава, чтоб никто не смел обижать его. Наконец Узбек вспомнил о деле и сказал князьям своим: “Вы мне говорили на князя Михаила: так рассудите его с московским князем и скажите мне, кто прав и кто виноват”. Начался суд; два раза приводили Михаила в собрание вельмож ордынских, где читали ему грамоты обвинительные: “Ты был горд и непокорлив хану нашему, ты позорил посла ханского Кавгадыя, бился с ним и татар его побил, дани ханские брал себе, хотел бежать к немцам с казною и казну в Рим к папе отпустил, княгиню Юрьеву отравил”. Михаил защищался; но судьи стояли явно за Юрия и Кавгадыя; причём последний был вместе и обвинителем, и судьёю. В другой раз Михаила привели на суд уже связанного; потом отобрали у него платье, отогнали бояр, слуг и духовника, наложили на шею тяжёлую колоду и повели за ханом, который ехал на охоту; по ночам руки у Михаила забивали в колодки, и так как он постоянно читал Псалтирь, то отрок сидел перед ним и перевёртывал листы. Орда остановилась за рекою Тереком, на реке Севенце, под городом Дедяковым, недалеко от Дербента. На дороге отроки говорили Михаилу: “Князь! Проводники и лошади готовы, беги в горы, спаси жизнь свою”. Михаил отказался. “Если я один спасусь, — говорил он, — а людей своих оставлю в беде, то какая мне будет слава?” Уже двадцать четыре дня Михаил терпел всякую нужду, как однажды

Кавгадый велел привести его на торг, созвал всех заимодавцев, велел поставить князя перед собою на колени, величался и говорил много досадных слов Михаилу, потом сказал ему: “Знай, Михайло! Таков ханский обычай: если хан рассердится на кого и из родственников своих, то также велит держать его в колодке, а потом, когда гнев минет, то возвращает ему прежнюю честь; так и тебя завтра или послезавтра освободят от всей этой тяжести, и в большей чести будешь”; после чего, обратясь к сторожам, прибавил: “Зачем не снимете с него колоды?” Те отвечали: “Завтра или послезавтра снимем, как ты говоришь”. — “Ну по крайней мере поддержите колоду, чтоб не отдала ему плеч”, — сказал на это Кавгадый, и один из сторожей стал поддерживать колоду. Наругавшись таким образом над Михаилом, Кавгадый велел отвести его прочь; но тот захотел отдохнуть и велел отрокам своим подать себе стул; около него собралась большая толпа греков, немцев, литвы и руси; тогда один из приближённых сказал ему: “Господин князь! Видишь, сколько народа стоит и смотрит на позор твой, а прежде они слышали, что был ты князем в земле своей; пошёл бы ты в свою вежу”. Михаил встал и пошёл домой. С тех пор на глазах его были всегда слёзы, потому что он предугадывал свою участь. Прошёл ещё день, и Михаил велел отпеть заутреню, часы, прочёл со слезами правило к причащению, исповедался, призвал сына своего Константина, чтобы объявить ему последнюю свою волю, потом сказал: “Дайте мне Псалтирь, очень тяжело у меня на душе”. Открылся псалом “Сердце моё смутится во мне, и страх смертный прииде на мя”. “Что значит этот псалом?” — спросил князь у священников; те, чтобы не смутить его ещё больше, указали ему на другой псалом: “Возверзи на Господа печаль свою, и той ты пропитает и не даст вовеки смятения праведному”. Когда Михаил перестал читать и согнул книгу, вдруг вскочил отрок в вежу, бледный, и едва мог выговорить: “Господин князь! Идут от хана Кавгадый и князь Юрий Данилович со множеством народа прямо к твоей веже!” Михаил тотчас встал и со вздохом сказал: “Знаю, зачем идут, убить меня”, — и послал сына своего Константина к ханше. Юрий и Кавгадый отрядили к Михаилу в вежу убийц, а сами сошли с лошадей на торгу, потому что торг был близко от вежи, на перелёт камня. Убийцы вскочили в вежу, разогнали всех людей, схватили Михаила за колоду и ударили его об стену, так что вежа проломилась; несмотря на то, Михаил вскочил на ноги, но тогда бросилось на него множество убийц, повалили на землю и били пятами нещадно; наконец один из них, именем Романец, выхватил большой нож, ударил им Михаила в ребро и вырезал сердце. Вежу разграбили русь и татары, тело мученика бросили нагое. Когда Юрию и Кавгадыю дали знать, что Михаил

уже убит, то они приехали к телу, и Кавгадый с сердцем сказал Юрию: “Старший брат тебе вместо отца; чего же ты смотришь, что тело его брошено нагое?” Юрий велел своим прикрыть тело, потом положили его на доску, доску привязали к телеге и перевезли в город Маджары; здесь гости, знавшие покойника, хотели прикрыть тело его дорогими тканями и поставить в церкви с честью, со свечами, но бояре московские не дали им и поглядеть на покойника и с бранью поставили его в хлеве за сторожами; из Маджар повезли тело в Русь, привезли в Москву и похоронили в Спасском монастыре. Из бояр и слуг Михайловых спаслись только те, которым удалось убежать к ханше; других же ограбили донага, били как злодеев и заковали в железа» (125, 217).

Миф и человек

Унижения князя Михаила Ярославича в Орде, его мученическая кончина породнили его с народом, от которого он прежде был отгорожен незримой стеной сословного отчуждения и зримой стеной высокомерных придворных и телохранителей.

Три князя-мученика — Михаил Всеволодович Черниговский (казнён в 1246 году), Роман Ольгович Рязанский (казнён в 1270 году) и Михаил Ярославич Тверской (казнён в 1318 году) — словно три вехи, отметившие крестный путь Руси через самый страшный период её истории. Они продолжили ряд русских святых, начатый страстотерпцами Борисом и Глебом.

Русский народ всегда сочувствовал жертве, не заботясь о том, заслуживает ли она его сочувствия. Победитель в жизни всегда оказывался побеждённым в истории, в памяти народа. Из жестокой княжеской распри родился миф о проигравшем тверском князе как о носителе свободного, светлого начала. Коварная судьба победителя настигла князя Юрия Даниловича — главного соперника Михаила, виновника его гибели. В памяти потомков он остался холопом и негодяем, тогда как Михаил — доблестным защитником своей земли, жертвой клеветы и злобы.

Конечно, Юрий и сам немало потрудился, чтобы снискать такую горькую славу. Чего стоит одно лишь его надругательство над телом Михаила, которое он захватил как трофей и за выдачу которого впоследствии требовал от тверичей каких-то уступок или выкупов! Но ведь и Михаил, обманом захватив когда-то братьев Юрия, торговал ими как товаром. «Что посеет человек, то и пожнёт» (Гал. 6:7).

И всё же одно дело — торговля живыми, а другое — мёртвыми. Слеплённый ненавистью, Юрий не заметил этой тонкой разницы. И может быть, именно эта маленькая оплошность стоила ему посмертной славы...

Мудрый старец митрополит Макарий, под началом которого составлялась «Степенная книга», так рассказал о вражде Юрия Московского и Михаила Тверского: «И тогда мног мятеж бысть во князех Руських наипаче же в начальствующих державных, овогда кождо собою межоусобную брань составляху. К сим же тогда великий князь Михаил Ярославич Тверский и безбожьных татар привождаше, тако же и великий князь Юрьи Данилович тех же татар в помощь имея себе; и тако множеству

христианскому, иже во отечестве их, велика пагуба и пленения быша. И в таковых междуусобных крамолах убиен бысть во Орде великий князь Михаил Ярославич» (23, 316).

Летом 1319 года ростовский епископ Прохор по поручению нового великого князя Владимирского ездил в Тверь, где передал предложение Юрия Даниловича: встретиться с одним из сыновей Михаила для переговоров. Дмитрий Михайлович, старший сын Михаила, не захотел встречаться с убийцей своего отца. Второй сын, Александр, лишь получив гарантии безопасности от ростовского епископа и князя Фёдора Ивановича Стародубского, также посланного к нему Юрием, приехал во Владимир. Там он заключил с Юрием договор, условия которого нам неизвестны. Не приходится сомневаться в том, что они были тяжелы для Твери. Признав Юрия великим князем Владимирским, тверичи получили наконец гроб с телом Михаила, находившийся дотеле в Москве. Были отпущены захваченные Юрием после казни Михаила тверские бояре из его свиты, а также сын Михаила Константин. Всех их Юрий пригнал из Орды в Москву в 1319 году, «яко полон», то есть под стражей и, вероятно, связанными (17, 186).

6 сентября 1319 года тверичи встречали печальную процессию с телом князя Михаила Ярославича. По зловещей иронии судьбы это был день его именин — праздник Воспоминание чуда святого архистратига Михаила в Хонех. В этот день ровно год назад князь прибыл в Орду. Похоронили князя-мученика на берегу Волги, в построенном им вместе с матерью белокаменном Спасо-Преображенском соборе.

Шли годы. Крепнущее Московское государство собирало не только земли, но и «святость», религиозные культы разных областей России. Церковный собор 1549 года превратил местное почитание князя Михаила Ярославича Тверского в общерусское.

В 1632 году при копании рвов для фундамента нового тверского собора были обретены мощи князя Михаила Ярославича. В 1902 году мощи святого были переложены из древней деревянной раки в новую, выполненную из позолоченного серебра. При этом собственно мощи положили внутри раки в кипарисовый гроб (57, 541).

Трилистник размышлений

Пройдя круг жизни князя Михаила Ярославича, вернёмся к суждениям о нём, высказанным в предисловии к нашей книге. Князь Михаил Тверской — «знаковая фигура», символ духовного сопротивления русского народа иноземному господству. Нет оснований сомневаться в исторической достоверности этого мнения. Главное свидетельство тому — рассказ о гибели Михаила в Орде. Рассказ этот полон жизненной правды. Ожидание мучительной казни, моральные и физические страдания не сломили тверского князя. С рабским ярмом на шее он не теряет достоинства. Узнав о приближении ханских палачей, Михаил стоя встречает своих убийц. Набросившись на князя, они повалили его на землю. Но он нашёл в себе силы подняться и стоя встретить смерть...

В своей известной речи о значении преподобного Сергия Радонежского для русского народа и государства В. О. Ключевский говорил о том, что к середине XIV века благодаря дальновидной политике Ивана Калиты «подросло поколение... начавшее отвыкать от страха ордынского, от нервной дрожи отцов при мысли о татарине» (73, 66). Михаил Тверской был лет на пятнадцать-двадцать старше Калиты и принадлежал к «поколению отцов», страдавшему этой нервной дрожью. Свирепые казни русских князей, которые время от времени устраивали ордынцы, имели целью запугать недовольных, подавить самую мысль о сопротивлении. Но страх преследовал не только князей. Летописи полны рассказами о кровавых расправах степняков с мирными жителями во время ордынских походов на Русь. Бессмысленные с экономической точки зрения, эти расправы — так же как и казни князей — являлись необходимой частью «страха ордынского» как системы господства степняков над Русью. Преодоление этого страха было первым шагом на пути к свободе.

Заклятые враги в реальной политике, Михаил Тверской и Иван Калита в сущности работали в одном направлении. Они «собирали Русь», возрождали её нравственные и физические силы. Повесть о Михаиле Тверском не призывала к восстанию против власти Орды. Её основная тема — исполнение князем евангельской заповеди о любви к ближнему. Но по силе воздействия на патриотические чувства она не уступала Сказанию о Мамаевом побоище или Посланию на Угру.

Могла ли Тверь стать столицей Северо-Восточной Руси, а Михаил

Тверской снискать почётное именование «собирателя земли Русской», которого потомки удостоили Ивана Калиту? Едва ли. Для этого Твери не хватало некоторых важных элементов, из которых складывается успешная политика. Один из этих элементов — поведенческие стереотипы Тверского княжеского дома. В обществе, где всякое дело передавалось от отца к сыну, поведение правителя в той или иной ситуации определялось как переданными по наследству чертами характера, так и наставлениями, полученными от представителей старшего поколения. Всё это вместе взятое формировало, по выражению Ключевского, «фамильный тип». Давая характеристику московскому «фамильному типу», историк отметил, что «это князья без всякого блеска, без признаков как героического, так и нравственного величия» (74, 47). В своей политике они руководствуются только прагматическими соображениями. Эта приземлённая стратегия и приносит им успех...

Ключевский был гроссмейстером той увлекательной интеллектуальной игры, которую принято называть историей. И всё же не будем слепо верить всему, что говорят историки вообще и их именитый предводитель в частности. Наследники древних летописцев, историки, подобно своим предшественникам, смотрят на прошлое «со своей колокольни». И дело здесь не только в банальном «государственном заказе». Этой «колокольней» может быть и внутренний мир самого историка: его характер и система ценностей. Большой любитель исторических парадоксов, Ключевский не устоял перед желанием создать ещё один: великое дело «собирания Руси» делают мелкие люди, «лишённые как героического, так и нравственного величия». В этом парадоксе много интеллектуальной игры и мало исторической реальности.

Отвергая нарисованную Ключевским карикатуру на московских князьях XIV—XV веков как ряд унылых посредственностей, мы принимаем саму посылку относительно «фамильного типа». Этот «фамильный тип» существовал не только у московских, но и у тверских князей. Не вдаваясь в характеристику московского «фамильного типа», о котором мы много говорим в биографиях Ивана Калиты и Дмитрия Донского, обратимся к тверскому образцу. Его бледные контуры можно разглядеть на примерах нескольких поколений. Политику первых двух представителей тверского дома — Ярослава Всеволодовича и Ярослава Ярославича — можно с большой долей вероятности определить как агрессивно-наступательную, дерзкую и безоглядную. Тверская политика времён Михаила Ярославича и его сыновей, насколько мы знаем её по скудным свидетельствам источников, существенно отличалась от установок первого и второго Ярославов. В ней

угадывается нечто большее, чем обычные властолюбие и агрессия. Это необычный для порабощённой Владимирской Руси дух героического безрассудства. Он порождает всплески эмоций, влекущие за собой гибельные последствия. Решение Михаила Тверского выйти из крепости и напасть на татар Кавгадья было героическим порывом. Но оно противоречило здравому смыслу и могло повлечь за собой пагубные последствия для Твери. Сын Михаила Дмитрий в таком же безоглядном порыве убил Юрия Московского в ханской ставке и отомстил за смерть отца. Но за это он заплатил своей жизнью и благополучием Твери. Другой сын Михаила Александр не стерпел произвола ордынцев в Твери и поднял народ на восстание в августе 1327 года. Расплатой за этот героический порыв стал разгром Твери татарами зимой 1327/28 года. Несколько лет спустя Александр вернулся на Русь из Литвы и отправился с повинной головой к хану Узбеку. Это дерзкое предприятие поначалу имело успех, но в конечном счёте привело Александра и его сына Фёдора на ордынскую плаху...

Два младших сына Михаила Тверского Константин и Василий, словно надломленные трагической судьбой их отца и старших братьев, выступают в роли послушных исполнителей воли московских князей. Но уже в середине 60-х годов XIV столетия на историческую сцену выходит внук Михаила Ярославича князь Михаил Александрович Тверской. Своей кипучей энергией и готовностью к риску он живо напоминает своего отца и дядю. И даже тверские князья XV столетия, окончательно смирившиеся с торжеством Москвы и отказавшиеся от притязаний на первенство, отличаются какой-то особой «тверской доблестью» — чувством чести и умением прямо смотреть в лицо опасности.

...Итак, наше повествование о Михаиле Тверском подошло к концу. Мы вновь возвращаемся в тихую Тверь. Обнажив голову, мы кланяемся Михаилу Тверскому — задумчивому бронзовому всаднику, который не поднимает Россию на дыбы, а, напротив, советует ей не спешить и оглянуться в пространство её великой и печальной истории.

Генеалогическая схема Тверского княжеского дома

Ярослав Всеволодович

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КНЯЗЯ МИХАИЛА ЯРОСЛАВИЧА ТВЕРСКОГО

1271 — умер отец Михаила, князь Ярослав Ярославич Тверской, а затем и его сын Михаил Старший.

1 ноября — рождение Михаила Ярославича Тверского.

1276 — умер дядя Михаила, князь Василий Ярославич Костромской.

1277, 23 мая — Дмитрий Переяславский взошёл на княжение в Новгороде.

1281 — первая рать Андрея Городецкого.

1282 — вторая рать Андрея Городецкого.

Поездка князя Дмитрия Переяславского в Орду к Ногаю.

Около 1283 — умер брат Михаила, князь Святослав Ярославич Тверской.

1285 — третья рать Андрея Городецкого.

Михаил Тверской участвует в войне Дмитрия Переяславского и Даниила Московского против Андрея Городецкого и татарского «царевича».

1285—1290 — строительство Спасо-Преображенского собора в Твери.

1288 — война Михаила Тверского с Дмитрием Переяславским.

1292 — роспись Спасо-Преображенского собора в Твери.

1293, 1 февраля — постриглась в монахини сестра Михаила Ярославича Тверского Софья.

8 ноября — Михаил Тверской женится на дочери Дмитрия Борисовича Ростовского Анне.

1293/94 — Дюденева рать, разгром татарами четырнадцати русских городов.

Поездка Михаила Тверского в Орду к Ногаю.

1294 — Михаил Тверской примиряет Дмитрия Переяславского с Андреем Городецким.

1296, весна — пожар в Твери.

1298 — сильная засуха, падеж скота в Тверской земле.

13 апреля — пожар в княжеском дворце в Твери.
15 сентября — родился сын Михаила Тверского Дмитрий.
1299, 11 октября — родилась дочь Михаила Тверского Феодора.
1300, май — новгородско-шведская война. Взятие крепости Ландскрона.
7 октября — родился сын Михаила Тверского Александр.
1301, сентябрь — прохождение кометы.
1302, 15 мая — умер князь Иван Дмитриевич Переяславский.
1303, 5 марта — умер князь Даниил Московский.
Княжеский съезд в Переяславле Залесском.
1304, 27 июля — умер князь Андрей Александрович Городецкий.
Осень — разгром тверского войска в битве у Переяславля Залесского.
1305 — поездка Михаила Тверского в Орду.
6 декабря — умер митрополит Максим.
Первый поход Михаила Тверского на Москву.
1306 — родился сын Михаила Ярославича Константин.
1307, 16 июля — Михаил Тверской взойшёл на новгородский стол.
Август — второй поход Михаила Тверского на Москву.
1309—1311 — поездка Михаила Тверского в Орду.
1310— церковный собор в Переяславле Залесском.
1310/11 — поездка Михаила Тверского в Орду.
1311, март — поездка митрополита Петра в Тверь.
1312, апрель — умерла мать Михаила, княгиня Ксения Юрьевна Тверская.
1313 — поездка Михаила Тверского в Орду.
1315, осень — возвращение Михаила Тверского из Орды с татарским отрядом.
1316, 10 февраля — разгром новгородско-московского войска под Торжком.
Март — уход с кафедры тверского епископа Андрея.
Лето — неудачный поход Михаила Тверского на Новгород.
1317, осень — возвращение Юрия Даниловича из Орды.
22 декабря — Бортеневская битва.
1318, лето — Михаил Тверской во Владимире даёт «ряд» сыновьям.
21 августа — Михаил выезжает в Орду.
22 ноября — казнь Михаила Тверского в Орде.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Временник Георгия Монаха (Хроника Георгия Амартола) / Рус. текст, коммент., указат. В. А. Матвиенко, Л. И. Щёголевой. М., 2000.
2. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
3. *Джованни дель Плано Карпини*. История монгалов. *Гильом де Рубрук*. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло. М., 1997.
4. *Магистр Рогерий*. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами / Пер., вступ. ст., коммент. А. С. Досаева. СПб., 2012.
5. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
6. Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. М., 1978.
7. Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981.
8. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М., 1982.
9. Полное собрание житий святых православной греко-российской церкви *Под ред. Е. Поселянина*. Месяц ноябрь. Бм. Б/г.
10. Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997.
11. Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1: Новгородская Четвёртая летопись. Вып. 1. Пг., 1915.
12. Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 2: Новгородская Пятая летопись. Вып. 1. Пг., 1917.
13. Полное собрание русских летописей. Т. 5: Софийская Первая летопись. СПб., 1851.
14. Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 1: Софийская Первая летопись старшего извода. М., 2000.
15. Полное собрание русских летописей. Т. 7: Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001.
16. Полное собрание русских летописей. Т. 8: Продолжение летописи

по Воскресенскому списку. М., 2001.

17. Полное собрание русских летописей. Т. 10: Никоновская летопись. М., 2000.

18. Полное собрание русских летописей. Т. 11: Никоновская летопись (продолжение). М., 2000.

19. Полное собрание русских летописей. Т. 15: Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб., 1863.

20. Полное собрание русских летописей. Т. 15. Вып. 1: Рогожский летописец. Пг., 1922.

21. Полное собрание русских летописей. Т. 16: Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. М., 2000.

22. Полное собрание русских летописей. Т. 18: Симеоновская летопись. М., 2007.

23. Полное собрание русских летописей. Т. 21: Степенная книга царского родословия. СПб., 1909.

24. Полное собрание русских летописей. Т. 22: Русский хронограф. М., 2005.

25. Полное собрание русских летописей. Т. 23: Ермолинская летопись. М., 2004.

26. Полное собрание русских летописей. Т. 24: Типографская летопись. М., 2000.

27. Полное собрание русских летописей. Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. М., 2004.

28. Полное собрание русских летописей. Т. 26: Вологодско-Пермская летопись. М., 2006.

29. Полное собрание русских летописей. Т. 30: Владимирский летописец. М., 2009.

30. Полное собрание русских летописей. Т. 40: Густынская летопись. СПб., 2003.

31. Полное собрание русских летописей. Т. 41: Летописец Переяславля Суздальского. М., 1995.

32. Полное собрание русских летописей. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002.

33. Полное собрание русских летописей. Т. 43: Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. М., 2004.

34. Послания Иосифа Волоцкого. М; Л., 1959.

35. *Присёлков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2002.

36. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам.

Тексты и комментарий. В 3 т. Т. 1. М., 2007.

37. *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: Извлечение из сочинений арабских. СПб., 1884.

38. Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года / Подг. лат. текста, пер. С. В. Аксёнова, А. Г. Юрченко; экспозиция и исследование А. Г. Юрченко. СПб., 2002.

Литература

39. *Аверьянов К. А.* Купли Ивана Калиты. М., 2001.

40. *Аврелий Августин.* Исповедь. М., 1997.

41. *Александров М. М.* Русские земли-княжества IX—XV веков. М., 2009.

42. *Алексеев Ю. Г.* Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб., 2001.

43. *Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII века о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. Т. 3. М., 1940.

44. *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963.

45. Библейская энциклопедия. СТСЛ, 1990.

46. *Борисов Н. С.* Политика московских князей (конец XIII — первая половина XIV века). М., 1999.

47. Великий князь Александр Невский / Сост., авт. текст А. Ю. Карпова. М., 2002.

48. *Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. Тверь; М., 1997.

49. *Вздорнов Г. И.* Малоизвестные лицевые рукописи Владимиро-Суздальской Руси XII—XIII вв. // Советская археология. 1965. №4.

50. *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. Т. 1. М., 1961.

51. *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. Т. 2. М., 1962.

52. *Гадалова Г. С.* Благоверная великая княгиня Ксения Тверская. Тверь, 2011.

53. *Гальперин Ч.* Татарское иго. Образ монголов в средневековой России. Воронеж, 2012.

54. *Геродот.* История в девяти томах. М., 1999.

55. *Гийу А.* Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2005.

56. *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Т. 2. Первая половина тома. М., 1997.
57. *Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в русской церкви. М., 1998.
58. *Горский А. А.* Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII — начало XV в.) // Средневековая Русь. Вып. 1. М., 1996.
59. *Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2000.
60. *Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. СПб., 2004.
61. *Гришина Н. Г.* Хронология Рогожского летописца. Автореферат на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 2003.
62. *Гумилёв Л. Н.* В поисках вымышленного царства. СПб., 1994.
63. *Дмитриев Л. А.* Откровение Мефодия Патарского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI — первая половина XIV в. Л., 1987.
64. *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 2008.
65. *Заграевский С. В.* Зодчество Северо-Восточной Руси конца XIII — первой трети XIV в. М., 2003.
66. *Ильин М. А.* К вопросу о первоначальном виде собора XIV в. в Коломне // Советская археология. 1963. № 1.
67. *Иоанна, игумена Синайской горы «Лествица»* в русском переводе. М., 1892.
68. *Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. Исследование и тексты. М., 1897.
69. *Калинский И. П.* Церковно-народный месяцеслов на Руси. М., 1990.
70. *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях. М., 1991.
71. *Карлейль Т.* Теперь и прежде. М., 1994.
72. *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247—1485). Тверь, 1994.
73. *Ключевский В. О.* Исторические портреты. М., 1990.
74. *Ключевский В. О.* Сочинения. В 9 т. Т. 2. М., 1988.
75. *Коган В. М.* История дома Рюриковичей. М., 1993.
76. *Конявская Е. Л.* Очерки по истории тверской литературы XIV—XV вв. М., 2007.
77. *Кривошеев Ю. В.* Русь и монголы. СПб., 2003.
78. *Кузьмин А. Г.* «Со всякие деревни по полтине...» О размерах дани в

Орду// Родина. 2003. № 11.

79. *Кучерская М.* Как зовут последнего царя? Некоторые вопросы эсхатологической ономастики // *Именослов. Заметки по исторической семантике имени.* М., 2003.

80. *Кучкин В. А.* Житие Софьи, сестры Михаила Ярославича Тверского // *Религии мира. История и современность.* М., 2002.

81. *Кучкин В. А.* Княгиня Анна — тётка Симеона Гордого // *Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.).* М., 1993.

82. *Кучкин В. А.* Когда было написано Житие Софьи Ярославны Тверской? // *Мир житий.* М., 2002.

83. *Кучкин В. А.* Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М., 1974.

84. *Кучкин В. А.* Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // *Средневековая Русь. Вып. 2.* М., 1999.

85. *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984.

86. *Ле Гофф Ж.* Людовик IX Святой. М., 2001.

87. *Леонид, архим.* Славянские рукописи, хранящиеся в ризнице Свято-Троицкой Сергиевой лавры // *Чтения в Обществе истории и древностей российских.* 1880. Кн. 4.

88. *Лимонов Ю. А.* Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1987.

89. *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X—XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.

90. *Любавский М. К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времён и до XX века. М., 1996.

91. *Макиавелли Н.* Государь. М., 1990.

92. *Максимов С. В.* Куль хлеба и его похождения. М., 1985.

93. *Монтень М.* Опыты. Т. 1. Кн. 1, 2. М., 1996.

94. *Муравьёва Л. Л.* Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII — начала XV в. М., 1983.

95. *Плутарх.* Избранные жизнеописания. Т. 1. М., 1990.

96. *Плутарх.* Избранные жизнеописания. Т. 2. М., 1990.

97. *Плутарх.* Застольные беседы. М., 2008.

98. *Подобедова О. И.* Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М., 1965.

99. *Пономарёв Г. Н.* Бортеневская битва. Тверь, 1998.

100. *Поппэ А. В.* Когда и как князь Владимир был признан святым // *От Древней Руси к новой России. Юбилейный сборник, посвящённый члену-*

корреспонденту РАН Я. Н. Щапову. М., 2005.

101. *Почекаев Р Ю.* Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб., 2010.

102. *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. М., 1998.

103. *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. Пг., 1918.

104. *Присёлков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. СПб., 1996.

105. *Присёлков М. Д.* Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916.

106. Проезжая по Московии (Россия XVI—XVII веков глазами дипломатов). М., 1991.

107. *Прохоров Г. М.* Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое. М., 2014.

108. *Пушкарёва Н. Л.* Женщины Древней Руси. М., 1989.

109. *Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977.

110. *Робинсон А. И.* Солнечная символика в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI—XVII вв. М., 1978.

111. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 6: Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1880.

112. *Салимов А. М.* Тверской Спасо-Преображенский собор. Тверь, 1994.

113. *Сахаров А. М.* Города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1959.

114. *Сахаров И.* Сказания русского народа. Т. 2. Кн. 6. СПб., 1849.

115. *Святский Д. О.* Астрономия Древней Руси. М., 2007.

116. *Седова Р А.* Святитель Пётр митрополит Московский в литературе и искусстве Древней Руси. М., 1993.

117. *Селезнёв Ю. В.* Русско-ордынские конфликты XIII—XV вв. М., 2010.

118. Советский энциклопедический словарь. М., 1988.

119. *Соколов А.* Святой благоверный великий князь Михаил Ярославич Тверской // Михаил Ярославич, великий князь Тверской и Владимирский. Тверь, 1995.

120. *Соколов И. И.* Печалование патриархов перед василевсами в

Византии. О поводах к разводу в Византии в IX—XV вв. СПб., 2005.

121. Соколов П. П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913.

122. Соколов Р. А. Русская церковь во второй половине XIII — первой половине XIV в. СПб., 2010.

123. Соловьёв С. М. Древнерусские князья. СПб., 2010.

124. Соловьёв С. М. История России. Кн. 4. М., 1960.

125. Соловьёв С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. 2. Т. 3—4. М., 1988.

126. Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 11. СПб., 1906.

127. Стендаль. Собрание сочинений. В 18 т. Т. 16: Прогулки по Риму. М., 2003.

128. Татищев В. Н. История Российская. Т. 5. М.; Л., 1965.

129. Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. 5—6: История Российская. М., 1996.

130. Тацит, Корнелий. Сочинения. В 2 т. Т. 1: Анналы. Малые произведения. Т. 2: История. СПб., 1993.

131. Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1975.

132. Тихомиров М. Н. Средневековая Москва. М., 1997.

133. Тихонравов Н. С. Памятники отреченной русской литературы. Т. 1. СПб., 1863.

134. Транквилл, Гай Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1990.

135. Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.

136. Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 1990.

137. Феннел Дж. Кризис средневековой Руси 1200—1304. М., 1989.

138. Флоренский П. Имена. Малое собрание сочинений. Вып. 1. М., 1993.

139. Фукидид. История. М., 1993.

140. Хесс Э. Русский дневник. СПб., 2007.

141. Шабульдо Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987.

142. Шаров-Делоне С. А. Люди и камни Северо-Восточной Руси. XII век. М., 2007.

143. Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV в. Л., 1987.

144. Шекспир У. Собрание сочинений. Т. 1. СПб., 1994.

145. Щапов Я. Н. Календарь в псковских рукописях XV—XVI вв. // ТОДРЛ. Т. 37. Л., 1983.

146. Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в

татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 1. СПб., 1889.

147. *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 2. СПб., 1891.

148. *Юрченко А. Г.* Хан Узбек: между империей и исламом. Структуры повседневности. СПб., 2012.

149. *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991.

150. *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 2003.

151. *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977.

notes

Примечания

1

Здесь и далее первая цифра в скобках означает номер издания в Списке источников и литературы, вторая — страницу.